

В.М.Массон

ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ и всемирная история

Кишинев
2005

В. М. МАССОН

**ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ**

(второе дополненное издание)

Учебное пособие

Кишинев
2005

CZU 930.85(5)+94(100)(075.8)

M32

Редактор :
канд. ист. наук М.Е. Ткачук

Рецензенты :
докт. ист. наук А.О. Добролюбский
докт. ист. наук И.В. Бруяко
канд. ист. наук И.В. Манзура

Ответственный секретарь :
докт. истории Л.А. Мосионжник

Второе издание классического труда В.М. Массона по ранним цивилизациям существенно расширено за счёт новейших данных археологии и истории. Книга предназначена для преподавателей и студентов гуманитарных вузов, изучающих исторические дисциплины, а также на всех, кто рассчитывает на действительно серьёзное понимание древнейшей истории человечества.

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Массон, В.М.

Первые цивилизации и всемирная история: Учеб. пособие / В.М. Массон. – 2-е доп. изд. – К.: Высшая Антропологическая Школа, 2005. (Tipogr. «Business-Elita»). – 159 p.

Bibliogr. p. 155-158.

ISBN 978-9975-9904-2-4

500 ex.

930.85(5)+94(100)(075.8)

ISBN 978-9975-9904-2-4

Все права защищены

© В.М. Массон, 2005

© Высшая Антропологическая Школа

© Оригинал-макет: Л.А. Мосионжник

© Обложка и оформление: Д.А. Топал

Содержание

Введение	5
Глава 1 ЦИВИЛИЗАЦИИ, ФОРМАЦИИ И РИТМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА	7
Глава 2 РАННИЕ КОМПЛЕКСНЫЕ ОБЩЕСТВА: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ПРОГРЕССА	15
Глава 3 РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЭПОХА: ПОДЛИННЫЕ ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ	26
Глава 4 МЕСОПОТАМИЯ И ЕГИПЕТ — ДВА ТИТАНА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ	36
Глава 5 АНАТОЛИЙСКИЙ ПАРАДОКС: ОТ СТРЕМИТЕЛЬНОГО ПРОГРЕССА К ЗАМЕДЛЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ	59
Глава 6 У НЕПРОЙДЕННОГО РУБЕЖА: СУДЬБЫ ПЕРВЫХ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ОБЩЕСТВ	67

Глава 7	
МИНОЙСКОЕ ОБЩЕСТВО —	
ПЕРВАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	78
Глава 8	
ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИРАНА:	
НЕРАВНОМЕРНОСТЬ	
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	87
Глава 9	
ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИНДОСТАНА	
И СРЕДНЕЙ АЗИИ:	
РЕАЛИИ РИТМОВ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА	97
Глава 10	
ИНЬСКОЕ ОБЩЕСТВО —	
ФУНДАМЕНТ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	112
Глава 11	
СТЕПНЫЕ ОБЩЕСТВА ЕВРАЗИИ —	
ОСОБЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ	122
Глава 12	
АМЕРИКАНСКИЕ ОЧАГИ	
ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	134
Заключение	
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ.	
ЗОНЫ ИЗОЛЯЦИИ.	
БЛУЖДАЮЩИЕ ЦЕНТРЫ ПРОГРЕССА	149
БИБЛИОГРАФИЯ	154

Первые цивилизации являются важной ступенью на пути прогрессивного развития общества, что особенно ощутимо воплощено в сфере культуры. Можно сказать, что это был третий решающий рубеж в культурном и интеллектуальном развитии человечества, рубеж, за которым следовал переход в новое качественное состояние. Первым таким рубежом было, безусловно, формирование верхнепалеолитического общества приледниковой зоны Евразии, нашедшее особенно яркое выражение в памятниках европейского материка. Устойчивые традиции домостроительства, способствовавшие выживанию в условиях тундры и лесотундры; изготовление одежды; своего рода художественные школы в мелкой скульптуре; монументальные, скрытые пещерные святилища с первоклассными живописными панно — наиболее блестящие свидетельства прогресса верхнепалеолитической эпохи.

Второй интеллектуальный и культурный скачок был связан с переходом к скотоводству и особенно земледелию. Резко возрос уровень благосостояния и благоустроенного образа жизни. В связи с этим получил широчайшее развитие такой вид деятельности, как прикладное искусство. Оно стало подлинно массовым и народным, что хорошо видно по орнаментированной глиняной посуде и мелкой пластике, воспроизводившей животных и антропоморфные персонажи. Судя по всему, обозначились новые качественные рубежи в умственной деятельности: развивается эмпирический фундамент преднауки, в сфере искусства проявляются первые направления, связанные с первобытным абстракционизмом.

Третий скачок — формирование первых цивилизаций — обусловил всестороннее развитие культуры и интеллектуальной жизни. Многими достижениями той эпохи — от письменности до монументальной архитектуры — человечество пользуется и сегодня. Особенно впечатляющи были новации в сфере культурогенеза. В сложных культурных системах, которые представляли собой первые цивилизации, отчетливо выступают характерные черты ряда культурных процессов, значимость которых сохраняется до наших дней. Таков механизм культурной мутации, породивший ряд кардинальных изменений, начиная с изобретения письменности. Отчетливо проявляются различные виды культурной трансформации — от спонтанной до стимулированной, — часто выступающие в своеобразном симбиозе. Впервые стала характерной системообразующей чертой культурогенеза культурная интеграция.

В конкретной истории первых цивилизаций, рассматриваемой в аспектах пространственной и временной ориентации, ярко выступает такая закономерная особенность всемирной истории, как диалектика общего и особенного, сочетание общих, генерализованных закономерностей и локального и временного многообразия. В рамках этой мозаичной картины проявляются и такие характерные явления, как ритмы культурогенеза с фазами стагнации, упадка и даже возвратными движениями.

Глава 1

ЦИВИЛИЗАЦИИ, ФОРМАЦИИ И РИТМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Само понятие «цивилизация» в исторической науке связано с осознанием качественного рубежа в развитии человечества. Такое понимание сформировалось в науке нового времени. Античный мир его не знал, хотя исходный корень *civis* — «гражданство, городское население, граждане, община» — латинского происхождения. В XVIII веке этот термин в соответствии с этимологией означал общий уровень культурного развития. Недаром в XIX веке, когда отечественные пуристы боролись за очищение русского языка от иностранных заимствований, понятие «цивилизованный народ» предлагалось заменить термином «вычищенный народ». Поэтому первоначально в понятие цивилизации включались в значительной мере нормы поведения, вежливости, воспитанности, что частично сохранилось в наши дни в словосочетании «цивилизованный человек».

Однако сравнительно быстро понятие «цивилизация» из бытового словоупотребления перешло в основном в область теории, где семантически сблизилось с понятием «культура». Большую роль в распространении и утверждении этого понятия сыграли сочинения французского историка Ф. Гизо, посвященные истории цивилизации в Европе и отдельно во Франции, а также двухтомный труд английского историка Г. Бокля «История цивилизации в Англии». С успехами исторической науки, особенно в изучении архаических обществ, становилось ясно, что цивилизация сформировалась лишь на определенном этапе развития человечества, представляя собой качественный рубеж на эволюционном пути. В результате термин «цивилизация» был использован при членении культурно-исторического

процесса на качественные рубежи. В периодизации Л. Моргана цивилизация замыкает длинную цепь этапов развития первобытного общества (Морган, 1934). Популяризируя и развивая концепцию Л. Моргана, Ф. Энгельс писал, что цивилизация связана с периодом овладения дальнейшей обработкой продуктов природы, промышленностью в собственном смысле слова и искусством (Энгельс, 1961). Ф. Энгельс отмечает и такие важные признаки цивилизации, как связь с развитием письменности, появлением городов и купечества, образованием государства. Эти положения творческого марксизма в принципе получили широкое распространение, хотя и не всегда сопровождалась жесткой привязкой к цитатничеству. Из современных крупных исследователей можно отметить К. Ренфрю (Англия), который подчеркивает особое значение для понимания цивилизации социальной стратификации и разделения труда (Renfrew, 1972), американского ученого К. Фланнери, определяющего цивилизацию как комплекс культурных феноменов, тесно связанный с такой формой социально-политической организации, как государство (Flannery, 1972).

Рассматривая цивилизации на начальном этапе их развития или первые цивилизации, рождающиеся в архаической среде, приходится широко использовать данные археологии, комбинируя на их основе набор характерных признаков и черт этого нового явления. Набор таких признаков предложил один из великих археологов XX века — Гордон Чайлд. В десять признаков цивилизации, предложенных Г. Чайлдом, включены города, монументальные общественные строения, налоги или дань, интенсивная экономика, в том числе торговля, выделение ремесленников-специалистов, письменность и зачатки науки, развитое искусство, привилегированные классы и государство (Childe, 1950). Затем одним из исследователей было предложено сократить этот список до триады — монументальная архитектура, города и письменность. Три этих признака, соединенных целой системой причинно-следственных связей с социальными и политическими процессами, протекавшими

в обществе, образуют видимую вершину огромного айсберга культуры первых цивилизаций. Эта триада выразительно характеризует цивилизацию, в первую очередь, именно как культурный комплекс, тогда как социально-экономическую сущность этого явления во многом определяет появление классового, или ранжированного, общества и государства.

Города, вместе с тем, являются ярким внешним признаком цивилизации, которая порой определяется как «культура грамотных горожан». Сам город является естественным продолжением системы более ранних поселений, но отличается концентрацией населения и выполняет ряд функций. Базовой, исходной функцией является функция центра сельскохозяйственной округи, ее производственной и организационной деятельности. Вместе с тем особую роль играют функции ремесленного и торгового центра. Военная функция обычно воплощается в фортификационных сооружениях, будь то стены с башнями или сложные предвратные сооружения. Функция идеологического лидерства обычно выражена монументальными культовыми постройками. Весьма существенны и различные функции организации и управления все более усложняющимися производственными и общественными структурами. Соответствующая специализация, выходящая за рамки возможностей простой земледельческой общины, ведет к формированию служилой знати, столь характерной для государственных образований поры первых цивилизаций. В надписях второй династии Древнего Египта представлены разнообразные термины, означающие соответствующие организационные структуры и лиц, занятых в этой сфере.

Разумеется, в конкретной действительности варьируются как сами генерализованные признаки, так и их формопроявления. Так, города безусловно являются базовыми, структурными признаками в оседлых оазисах цивилизации, но эту роль могли играть и другие, функционально аналогичные центры концентрации организационной и производственной деятельности. Таковы, например, огромные дворцовые комплексы минойского

общества. Некоторая излишняя общность триады может быть приложена к культурно-социальным структурам и весьма развитого времени, а не только к первичным образованиям, обретающим признаки цивилизации. Тем не менее, первые цивилизации обладают определенной спецификой в области культуры и социальной психологии, отличающей их не только от архаических обществ, но и от цивилизаций более позднего времени. Так, весьма показательна роль монументальных сооружений и гробниц, зачастую весьма грандиозных и пышных по сравнению с более поздними цивилизациями. Производственный и социально-организационный скачок, который совершили первые цивилизации, как бы кружил голову обществу от новых открывающихся возможностей. Стремление утвердиться с помощью возведения грандиозных сооружений часто не учитывало потенциальных возможностей общества, подрывало и его экономику, и разумное распределение трудовых ресурсов.

Еще в большей мере это проявлялось в погребальном ритуале лиц высокого ранга, лидеров первых государств. Традиция заупокойных даров, практикующаяся в архаических или тесно с ними связанных обществах, вызывала порой недоумение меркантильных прагматиков античного мира. Так, говоря о прикаспийских албанцах, Страбон прямо пишет, что «вместе с покойниками погребают и все их имущество и поэтому живут в бедности, лишённые отцовского достояния». Приверженность к сложным и дорогостоящим погребальным обрядам характерна и для египетского общества, что, по мнению ряда исследователей, отрицательно сказывалось на потенциале благосостояния страны. Для первых цивилизаций и первых «варварских» государств характерен своего рода гигантизм погребальных церемоний, связанных с усопшими лидерами. Богатства, помещенные в их могилы, становятся ценной находкой для археологов, если их не успели опередить древние или современные грабители. Обычай человеческих жертвоприношений, иногда весьма масштабных, фактически уничтожал производительные силы общества, важнейшей составной частью которых явля-

ется сам человек. Это претенциозное варварское великолепие характерно именно для эпохи первых цивилизаций, позднее пышность упокоения политических лидеров лимитируется монументальными сооружениями.

Есть основания говорить об эпохальном типе первых цивилизаций, отличном от цивилизаций более поздних времен. Это возвращает к проблеме исторической периодизации всемирной истории. Положение с этой проблемой в отечественной науке в настоящее время достаточно неопределенно. В угаре синдрома «Огонька» многие поспешили отринуть ранее предлагавшуюся излишне детерминированную периодизацию, ориентированную исключительно на формационный подход. Появились даже рассуждения о том, что формационный подход надо заменить подходом, основанным на анализе цивилизаций. Над подобной поспешностью довлеет, как справедливо пишет видный российский историк Ю. А. Поляков, «обвальная, лавинообразная критика всего социалистического, коммунистического, всего советского» (Поляков, 1995).

При этом совершенно ясно, что крушение режима, насаждавшегося в СССР, не имеет ничего общего с отрицанием или замалчиванием бесспорных успехов, достигнутых в науке XIX века лицами, которых традиционно называли «основоположниками марксизма» и в условиях жесткой политизации практически иконизировали. Вместе с тем авторитет К. Маркса у западных исследователей, избегающих подобных крайностей, остается неизменным. Например, известный американский исследователь древних цивилизаций К. Ламберг-Карловски прямо говорит о трех «великих социологах XIX века» — Карле Марксе, Максе Вебере и Эмиле Дюркгейме (Lamberg-Karlovsky, 1996).

В формационном подходе, как и во многих других концепциях, имеются как позитивные, так и негативные аспекты. В той форме прямолинейной политизации, в которой этот подход утверждался в отечественной науке, наиболее негативное значение имела прямолинейная догматическая приверженность

к эволюционизму и ограниченность понятийной сетки. Можно даже говорить о своего рода формационном эволюционизме, когда утверждалось, что за матриархатом всегда должен следовать патриархат, за первобытнообщинной формацией — рабовладельческая, далее — феодализм, капитализм, вплоть до утопического коммунизма. Заполитизированные историки с недоумением пытались искать рабовладельческую формацию в структурах, предшествующих Киевской Руси, которая по этой схеме не могла вырасти прямо из первобытного строя.

Однако в конкретной истории периоды прогрессивного развития зачастую сменялись упадком, стагнацией и даже деградацией. Это особенно ярко видно на примере культурогенетических явлений и позволяет говорить о своего рода ритмах культурогенеза. Пульсирующая динамика ритмов культурогенеза составляла живую ткань исторического процесса. Причины перепадов со всеми проявлениями стагнации и даже регресса могли быть различными. Данная социально-экономическая система могла исчерпать заложенные в ней возможности и не обеспечивала последующего развития. Отрицательное воздействие также могли оказать военно-политическая ситуация или экологические стрессы. Иногда, вероятно, исчерпывались биологические ресурсы определенной популяции, не обновляющей свой генофонд за счет вольных или невольных мигрантов.

На формационный эволюционизм, безусловно, оказали сильнейшее воздействие философские основы дарвиновской биологии, согласно которой развитие носит постепенный или градуалистический характер. Вместе с тем разработки современной биологии свидетельствуют, что необходимо различать процессы, протекающие на уровне микроэволюции и макроэволюции. Первые отличаются большой сложностью и разнообразием и не всегда укладываются в градуалистическую концепцию. В связи с этим была разработана концепция прерывистого развития, или пунктуализма. Такой дифференцированный подход тем более необходим при изучении общественных феноменов, являющихся наиболее сложной формой движения материи. Рит-

мы культурогенеза, например, наиболее отчетливо проявляются на уровне изучения микроэволюции, развития и судеб конкретных исторических обществ. Другое дело — макроизменения. Совершенно ясно, что в пору, предшествующую промышленной революции, мы видим три большие исторические эпохи, различающиеся культурными комплексами, ценностными ориентациями и по многим другим параметрам. Это первобытность, древность, как удачно применяет это понятие И. М. Дьяконов, и средние века. Сами эпохи, в определенной мере стадияльно повторяющиеся, носят отчетливо выраженный диахронный характер. Стремление к унификации, свойственное формационному эволюционизму, привело, например, к тому, что в ценном обобщении, которое представляет собой многотомная «Всемирная история», первые цивилизации Нового Света рассматриваются в томах и главах, освещающих средневековье, будучи привязанными к событиям испанского завоевания. Между тем, эти первые цивилизации Америки структурно относятся к явлениям так называемой ранней древности (по И. М. Дьяконову) и представляют собой однопорядковые явления с цивилизациями Шумера и иньского Китая. Система И. М. Дьяконова на данном этапе представляется наиболее целесообразной. По этой схеме древняя эпоха расчленяется на три рубежа: ранняя древность, время расцвета древних обществ и время их упадка (История древнего мира, 1983). По традиционной терминологии формационного эволюционизма, это время так называемой рабовладельческой формации. Этот термин оказался едва ли не самым неудачным во всей формационной схеме. Реальное разнообразие форм эксплуатации, меняющееся в рамках одних и тех же обществ, позволило И. М. Дьяконову предложить более широкое понятие для одного из основных классов древних обществ — подневольные работники рабского типа (Дьяконов, 1973). В различных обществах в эту структуру входили страты различного правового и хозяйственного положения, наблюдалось перетекание индивидов из одной страты в другую. Но именно эта

группировка, которую вполне можно рассматривать как отдельный класс, определяла политэкономическую и психологическую особенность обществ древности. На объяснительном этапе при рассмотрении этих трех больших эпох, достаточно отчетливо выступающих на макроуровне, может быть использован в разумном варианте и формационный подход как одна из возможных интерпретаций событий всемирной истории. В равной мере пороки формационного эволюционизма не должны заслонять важности социально-экономических процессов и явлений, оказывающих огромное структурообразующее воздействие на весь ход истории.

РАННИЕ КОМПЛЕКСНЫЕ ОБЩЕСТВА: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ПРОГРЕССА

Формирование, развитие и расцвет первых цивилизаций были выдающимся достижением в истории человечества. Путь к этому, однако, отнюдь не был простым и однолинейным. Нередко происходило не просто замедленное развитие, но его остановка, иногда даже с возвратным движением упадка и деградации. История двигалась своего рода методом проб и ошибок. Ритмы культурогенеза и политогенеза были неизменными спутниками исторического процесса.

Это видно уже на примере развития систем управления самими общественными организмами, эволюционирующими от вождей первобытных охотничьих группировок до государственных систем, которые в целом можно характеризовать как процесс политогенеза. На завершающих фазах архаической эпохи идет развитие управленческих структур, которыми общество стремилось обеспечить организованное управление на государственном уровне. Эти структуры принято именовать ранними комплексными обществами.

Переход к производству продуктов питания, или к земледельческо-скотоводческой экономике, открывал огромные возможности для культурного и хозяйственного прогресса, что не замедлило проявиться уже на первых этапах развития раннеземледельческих обществ. Однако для достижения и реализации успехов само общество должно было быть организовано соответствующим образом. Небольшие автарктичные общины земледельцев вполне могли управляться традиционными структурами архаической поры, советами старейшин и выдвигаемыми и поддерживаемыми ими лидерами. Однако для

организованной реализации социального потенциала (*social power*, по применяемой в англо-американской литературе терминологии) необходим был выход на качественно новые рубежи. Этого требовала и все возрастающая сложность многоотраслевой производственной деятельности, и усложняющиеся межобщинные, а тем более межплеменные отношения, и необходимость организованного труда в масштабных мероприятиях, первым из которых был массовый посев зерновых на достаточно обширных площадях. В результате уже на догосударственном уровне формируются довольно сложные организационные структуры управления, которые можно охарактеризовать как ранние комплексные общества. Главным успехом ранних комплексных обществ была реализация организованного труда в мероприятиях, оставивших до наших дней зримые и достаточно монументальные свидетельства. Таков, например, знаменитый огромный комплекс культурного центра древней Англии — Стоунхэндж, созданный в пору существования относительно бедных общин земледельцев и скотоводов. Эти структуры не всегда оказывались стойкими и долговременными в организационно-управленческом отношении, и порой после их деградации общество возвращалось на исходные рубежи (Массон, 1998).

Главной особенностью ранних комплексных обществ был новый уровень общественной организации. Непростыми были пути развития культуры, где различаются две основные формы процесса культурогенеза — спонтанная и стимулированная трансформация. Развитие культуры оседлых обществ шло главным образом по системе спонтанной трансформации, в той или иной степени сочетающейся с трансформацией стимулированной. Так, культура раннеземледельческих обществ, охватившая огромные пространства от Балкан до Каракумов и Инда, безусловно, формировалась на основе местных традиций и силами местного населения. Однако ряд базовых компонентов и, прежде всего, долговременные жилища, нарядная глиняная посуда и мелкая скульптура, безусловно, продукт явлений, присущих

стимулированной трансформации. В полной мере это касается и поры начальной урбанизации и малых цивилизаций, где, правда, огромную роль стали играть адаптационные явления. Вместе с тем, следует иметь в виду, что явления, которые можно было бы приписать стимулированной трансформации, вполне могли развиваться в местной среде и являть собой проявления процесса дивергенции. Однако для великих цивилизаций магистральной линией была, безусловно, спонтанная трансформация, и многие явления, включая систему письменности, явно представляют собой продукт местной мутации в сфере интеллектуальных и культурных проявлений. По существу, именно здесь начинался сложный путь политогенеза, ведущий к формированию различных управленческих политических структур. Кроме того, компетенция ранних комплексных обществ уже не ограничивается одной общиной или группой общин, объединенных в оазисы или иные пространственные группировки. Их параметры часто весьма значительны, и они объединяют многочисленное население, организация которого на широкомасштабную деятельность становится одной из главных функций нового общественного организма.

Ранние формы политогенеза представлены двумя основными функциями — организационно-управленческой и военно-аристократической (рис. 1). Разумеется, функции организационно-хозяйственного и военного лидерства порой персонифицировались в одном лице или одном общественном органе. Но преобладание той или иной функции накладывает отпечаток на развитие ранних комплексных обществ. Принципиально важно появление фигуры лидера, властные полномочия которого позволяют осуществлять те или иные масштабные мероприятия. В связи с этим соответствующие структуры часто именуется в литературе «чифдом», что в отечественных публикациях передается термином «вождество». Предпочтительнее, видимо, говорить именно о ранних комплексных обществах, поскольку термин «чифдом» подчеркивает лишь одну из организационных особенностей данной структуры. Более

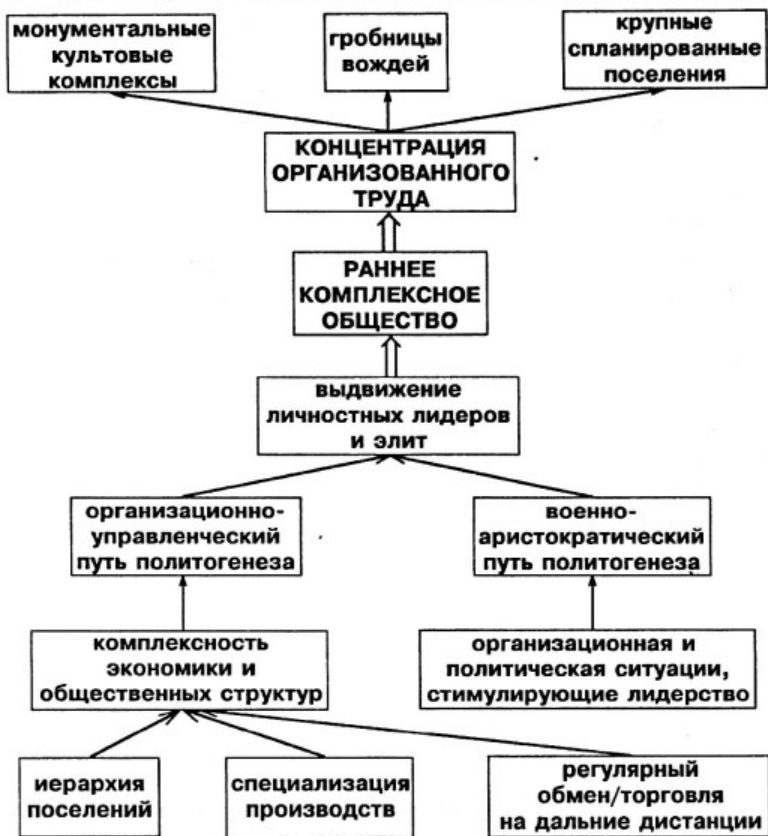

Рис. 1. Раннее комплексное общество.
Схема предпосылок к формированию.

всеобъемлюща ее характеристика как многоуровневой, иерархически построенной, что проявляется в целом ряде областей. Так, обычно налицо иерархическая структура поселений, что явно отражало и сложную иерархическую систему организации общества. Комплексность, усложненность достаточно отчетливо проявляются и в производственной деятельности. Здесь получают развитие специализированные производства от металлургического до гончарного, и труд мастеров-профессиона-

лов все более придает им облик обособленных ремесел. Получает развитие устойчивый обмен или торговля на дальние дистанции. В сферу торговли наряду с сырьем вовлекаются престижные объекты или материалы, идущие на их производство, такие, как янтарь, бирюза и лазурит. Сложность социальной структуры начинает все более отражаться в материальных показателях и, прежде всего, в образе жизни различных групп, начиная от мест обитания до строго установленных заупокойных церемоний. Жилые строения нередко различаются по величине и благоустройству. Еще более контрастно это выступает на примере гробниц и погребений. Принадлежность к различным стратам подчеркивается зачастую не только количеством предметов, связанных с погребальным ритуалом, но и их качественным составом. Перед нами уже не монотонная эгалитарность, а сложное, социально дифференцированное общество.

Вместе с тем, налицо и явные показатели внутренней слабости ранних комплексных обществ. Так, здесь социальные различия всего общества (а не только элитных групп) еще не закреплены жестко имущественным положением, восходящим к правам собственности или владения, как это характерно уже для классовых обществ. Кроме того, в отличие от государственных образований, здесь еще не выкристаллизовался процесс, именуемый институализацией бюрократии. Между тем, именно централизованная, устойчиво действующая бюрократическая машина государственных образований явилась фактором, способствующим культурной, социально-политической и, в известной мере, социально-экономической стабильности. Этот внутренне противоречивый характер ранних комплексных обществ обусловил сам процесс их функционирования как ритмичное развитие, отражающее этапы подъема и стабилизации, упадка и дезинтеграции. Когда в силу ряда обстоятельств складываются условия для формирования и успешного функционирования ранних комплексных обществ, налицо их расцвет, оставляющий, как правило, впечатляющие материальные следы

подъема и успехов. Наоборот, когда эти факторы исчезают, а сама структура не переходит на следующий этап развития в виде государственных образований, общества исчерпывают свой потенциал — налицо распад, дезинтеграция и определенный откат почти во всех проявлениях культурной и интеллектуальной жизни.

Из общественных структур, влияющих на эти процессы, особенно большое значение приобретают крупные центры, лидирующие в процессах урбанизации. Такие центры, занимающие верхнее положение в иерархической системе поселений, постепенно превращаются в города. Города представляли собой крупные населенные центры, места концентрации населения, производственного и интеллектуального потенциала. Значимость городских центров определяли их функции. В первую очередь они выполняли роль центров сельскохозяйственной округи, осуществляя своего рода регулятивную деятельность. Специальными были функции торговли, ремесел, военно-административные и функции идеологического лидерства. Именно в городах располагались главные храмы страны, и нередко наличие культового центра было важной предпосылкой формирования города как такового. Вместе с тем далеко не все функции были представлены в городских центрах одновременно, и ведущая роль одной или нескольких функций определяла и типологию городских центров: среди них были и преимущественно торговые города, и города — военно-административные центры. Преобладающими морфологическими признаками городов были плотная застройка и высотная архитектура. Однако имелись и пункты, выполнявшие определенные городские функции, но отличавшиеся рассредоточенной застройкой.

Интенсивность или неразвитость урбанистических начал играла немаловажную роль в характере ранних комплексных обществ и особенно в их дальнейшей эволюции. Пути развития ранних комплексных обществ были достаточно разнообразны, что наблюдается уже в самой нацеленности на разные результаты кооперированного труда. Раннеземледельческие общества

Ближнего Востока — пример классического развития ранних комплексных обществ по урбанистическому пути. Но наиболее представительными памятниками этого пути являются месопотамские. Здесь необходимость обеспечения крупномасштабных хозяйственных мероприятий, особенно в поливном земледелии, выдвигает на первый план организационно-управленческий вариант политогенеза. В Месопотамии такие организационно-управленческие лидеры на первых порах были представлены руководящим персоналом храмовых организаций.

Исключительная роль крупных центров, развивающихся по урбанистическому пути, несомненна. В этих центрах не только сосредотачиваются организационно-управленческие функции и реализующие их органы и социальные группы. Само функционирование этих достаточно сложных общественных организмов требовало организационно-управленческих усилий как в сфере регулирования аграрной экономики всей округи, так и специализированных производств, сосредотачиваемых в этих центрах, и по распределению их продукции. Немаловажными должны были быть усилия по регулированию социальных процессов в столь населенной среде. Если общая ситуация способствовала развитию военной функции, то это стимулировало усиление власти светского лидера. Центры, развивающиеся по городскому пути, обеспечивали стабильность и преемственность социально-политической сферы при формировании раннего классового общества и первых структур государственного типа. Разумеется, это был отнюдь не гладкий путь, но генерализованная тенденция не вызывает сомнения.

Весьма контрастно это проявляется при сравнении с судьбами ранних комплексных обществ, идущих по неурбанистическому пути. Структуры ранних комплексных обществ могли сложиться в среде развития раннеземледельческих обществ. Так, гигантские, четко спланированные круглые или овальные в плане суперцентры трипольского общества, скорее всего, являются свидетельством наличия в нем централизованного управления, организующего столь масштабные мероприятия.

Рис. 2. Раннее комплексное общество. Основные типы.

Вероятно, подобно великой трипольской культурной общности, система управления типа раннего комплексного общества имела место и в других областях балкано-дунайского раннеземледельческого блока. Однако неразвитость именно урбанистических начал в конечном итоге привела все эти культуры к упадку с вполне вероятной деградацией самой системы раннего комплексного общества.

Неурбанистические начала могли свидетельствовать и просто об ином пути развития, как это имело место в зоне евразийских степей (рис. 2). Доминанта скотоводства со скотом, как легко отчуждаемой формой имущества, в отличие от земледельческих посевов, способствовала развитию здесь системы насильственного перемещения ценностей и соответственно оружейного дела и в целом военно-аристократического пути политогенеза. Гробницы военной знати и четко спланированные круглые крепости поселения культуры Синташта-Аркаим

и им подобных свидетельствуют о развитии здесь начал ранних комплексных обществ. Эта социальная и политическая структура обеспечивала постепенное развитие общества до уровня военной государственности, культурно и социально аналогичной первым цивилизациям и первым государствам оседлой зоны. Развитие урбанизации и особая роль городских центров, в какой-то мере имевшие место, и здесь вовсе не были обязательным атрибутом исторического прогресса.

Следующий виток развития в степной зоне наступает с эпохой ранних кочевников, в период освоения верховой езды. Это был особый путь развития, во многом продолжающий традиции, установившиеся еще в бронзовом веке, в пору Аркаима и гробниц знатных колесничих. Пиком этого развития становились великие кочевые империи, наиболее выразительно представленные сюнну, тюркским каганатом и монголами, начиная с Чингис-хана. Важнейшей чертой их политической структуры являлась военная организация, основанная на трехчленном делении и на десятичном принципе организации вооруженных соплеменников. Собрание дани с оседлых областей можно рассматривать как своего рода дистанционную эксплуатацию (Кычанов, 1997). Самоутверждение новых систем государственного типа сопровождалось выработкой особого рунического алфавита в тюркском каганате. Имеются и некоторые сигналы о развитии письменности и в обществе сюнну. Это позволяет говорить о формировании здесь особого типа номадической цивилизации, где городские урбанистические начала представлены лишь в оседлых областях, включаемых в состав этих великих кочевых империй. Неурбанистический характер ядерной части этих образований и политическая нестабильность, во многом связанная с грузом традиций родовых порядков в вопросах престолонаследия, предопределяла импульсивный, ритмичный характер общего развития кочевых империй.

И балканский, и степной, и иные варианты пути развития образовывали в целом сложную мозаичную картину мировой

истории. Но именно генерализованный прогресс раннеземледельческих обществ определял формирование древнейших цивилизаций Старого и Нового Света, которые с полным правом именуется первыми цивилизациями.

Тернистый путь развития нашел яркое отражение в культуре древних обществ Кавказа IV—II тыс. до н. э. Общий поступательный характер развития здесь нашел реальное воплощение в территориальной и социологической смене различных приоритетов. На Южном Кавказе в VI—V тыс. до н. э. развиваются общества раннего типа раннеземледельческой эпохи довольно архаического облика, как об этом свидетельствуют памятники типа Шомутепе-Шулавери. В IV — начале III тыс. до н. э. их сменяют памятники куро-араксского типа, характеризующие уже развитое раннеземледельческое общество, начинающее движение по пути урбанизации.

На Северном Кавказе к концу IV — началу III тыс. до н. э. относятся богатые курганы с престижными захоронениями типа Майкопа и Новосвободной. Монументальность гробниц, богатый инвентарь, развитое разное вооружение, входящее в его состав, позволяют рассматривать из общество как раннее комплексное общество с отчетливой доминантой военно-аристократического пути политогенеза. В ряде отношений здесь проявляется связь с месопотамскими культурными эталонами и даже прямой месопотамский импорт. Этот расцвет, однако, не имел генетического продолжения. Раннеклассовое общество, как это нередко бывало с этим структурным типом, приходит в упадок и деградирует. Северный Кавказ прочно входит в орбиту культур степного облика, которые, по крайней мере, частично генетически связаны со степной зоной Евразии.

Однако плавного развития не произошло. Оседлые поселения шомутепинского типа приходят в запустение, и центр развития перемещается в горные области, в совершенно иную культурную среду. Мы находим здесь монументальные гробницы курганного типа. Они были открыты как триалетский комплекс, который теперь в результате новых открытий получил четкое

генетическое развитие. Столь же четко выступает их социологическая характеристика. Это гробницы лидеров раннего комплексного общества с доминантой военно-аристократического пути политогенеза. Причины столь заметного перепада трактуются различно, но сам его факт налицо. Затем наступают новые изменения в развитии южнокавказских обществ — оседлоземледельческие поселения как бы обретают второе дыхание, и развитие их идет по классической линии урбанизации, которая, не будь перепада II тыс. до н. э., могла бы продолжаться.

Глава 3

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЭПОХА: ПОДЛИННЫЕ ИСТОКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Археологические открытия, сделанные после второй мировой войны сначала в Старом Свете, а затем и в Америке, убедительно показали, что исходным пластом первых цивилизаций были раннеземледельческие культуры. Само их формирование означало кардинальные изменения в хозяйстве и обществе первобытной эпохи. В целом ряде отношений именно эти перемены были провозвестниками достижений древних обществ, относимых к числу первых цивилизаций. Далеко не случайно то обстоятельство, что как раз в зоне распространения древнейших оседло-земледельческих или земледельческо-скотоводческих культур мы находим и очаги первых цивилизаций. Истоки цепной реакции начинающихся перемен могут быть прослежены во всех сферах — от экономики и уровня благосостояния до искусства и идеологии.

Переход к производству продуктов питания вместо их собирательства вообще стал кардинальным рубежом в истории человечества. Недаром крупнейший археолог XX века Гордон Чайлд предложил именовать его неолитической революцией (Childe, 1939), что иногда заменяется понятием «революция производства пищи» (Braidwood, 1967). Человечество до сих пор не находит эффективных альтернатив земледелию и скотоводству, несмотря на все успехи синтетической химии и незабываемые разговоры о пищевых ресурсах океанских просторов. Переход к земледельческо-скотоводческой экономике резко сократил необходимое рабочее время, способствовал повышению общественного благосостояния, положил начало цепной

реакции совершенствования домашних производств. Это в конечном итоге привело к отделению ремесла от земледелия, что коренным образом изменило структуру экономического базиса древних обществ (Массон, 1970). Огромные изменения произошли и в интеллектуальной сфере. Инновации, таким образом, проникли во всех сферы человеческой деятельности. Остановимся на этих аспектах подлинного новаторства более подробно.

Одним из ярких показателей эффективности самой системы производства продуктов питания было заметное увеличение численности населения. Недаром почти сразу после перехода к новым формам экономики десятки и сотни оседлых поселков заполняют обширные пространства Передней Азии и других регионов. По различным оценкам, коэффициент плотности населения в раннеземледельческую эпоху возрастает с показателя в 5–7 человек на 100 км², характерного для обществ с присваивающей экономикой, до 1000 человек на ту же единицу площади (Массон, 1971б). По одной из оценок, после перехода к земледелию и скотоводству население земного шара возросло в 15 раз. Не следует забывать о том, что сам человек являлся важнейшей частью производительных сил и увеличение численности населения означало одновременно скачок производственного потенциала.

Огромные возможности и перспективы, заложенные в сфере материального производства раннеземледельческой эпохи, сыграли решающую роль в последующем развитии на пути к цивилизации. Здесь необходимо отметить три наиболее существенных момента.

Первое — это эффективность систем производства продуктов питания, и прежде всего земледелия, основанного на возделывании зерновых культур. Первоначальные посевы «под дождь», практиковавшиеся в зонах естественного произрастания злаковых растений, дают, как правило, сравнительно невысокие и нестабильные урожаи. Наряду с этим, в зонах подгорных речек и ручьев, а также в зонах временных разливов

паводковых водотоков начало практиковаться полуполивное земледелие, или земледелие одноразового орошения. Это положило начало ирригационному земледелию, которое произвело полный переворот в создании эффективной системы снабжения человека белковой пищей. Дальнейшими шагами было освоение крупных рек аридной зоны, сооружение разветвленной системы оросительных каналов, переход к многократному поливу. Селекционным путем выводятся сорта, специально приспособленные к новым условиям. Исследования показали, что, например, в Древней Месопотамии даже сами размеры зерен растений различны в зависимости от условий выращивания. Зерна растений, возделываемых в зоне искусственного орошения, в несколько раз крупнее, чем зерна тех же самых сортов, происходящих из районов богарного или полуполивного земледелия. Созданное в раннеземледельческую эпоху поливное земледелие, по существу, стало основой первых цивилизаций Древнего Востока.

Второй важный аспект в развитии материального производства в раннеземледельческую эпоху связан с совершенством и специализацией производств, направленных на удовлетворение различных запросов общества, благосостояние которого с переходом к новому способу получения продуктов питания резко возросло. Увеличилось само количество специализированных производств. В их число входят и изготовление глиняной посуды, и строительное дело, и производство украшений, и многое другое. Активно идет процесс накопления знаний о физических свойствах различных природных материалов и технологии их обработки. Особенно значительны успехи в сфере теплотехники, у истоков которой стоит необходимость предварительного прокаливания зерен дикорастущих злаков и морфологически близких им сортов начальной стадии доместикиции, обладающих твердой мякиной. Недаром массивные очаги занимают значительную часть внутреннего пространства жилых строений в поселках первых земледельцев. Определенных технических навыков требовал и обжиг глиняной посуды. Считается,

что именно успехи в сфере теплотехники были генеральной линией технического прогресса этой эпохи.

С эпохой внедрения земледелия связано и открытие плавки металлов. В малоазийских поселениях Чейюню и Чатал-Хююке медные и свинцовые изделия появляются одновременно с керамикой. Там же обнаружен и медный шлак. Однако это важнейшее технологическое открытие не получило на первых порах широкого распространения и слабо сказалось на ассортименте орудий труда. Производительность каменных и костяных орудий была, как показывают эксперименты, весьма высокой и, надо полагать, удовлетворяла раннеземледельческие общества. Первоначально металлургия развивалась в рамках технических поисков, хотя и успешных, но не перераставших сразу же в массовое производство.

В целом специализация производств, требовавших профессиональной деятельности, которая развивалась в раннеземледельческих обществах, вела к появлению мастеров-профессионалов. Их социальный статус на первых порах был оформлен в рамках традиционных форм, в связи с чем появилось так называемое общинное ремесло. Ремесленники в данном случае распространяли свою продукцию не путем купли-продажи, а именно в силу своего членства в данной общине, участвуя соответственно в долевым потреблении продукта, производимого в сельском хозяйстве. Но потенциально эта специализация, которая усиливалась с выделением в общине группы мастеров-профессионалов, вела к такому важному социально-экономическому явлению, как крупное общественное разделение труда.

И, наконец, третий аспект связан с общественной организацией производства. Мы имеем в виду простую кооперацию, происходившую уже на стадии первобытно-общинного строя. Она позволяет концентрировать значительные трудовые усилия на определенных мероприятиях. Кооперация была абсолютно необходима в оседлых центрах, особенно значительных. Это проявлялось прежде всего в строительной деятельности,

особенно в создании укреплений, будь то рвы или обводные стены. В результате активно происходило накопление опыта хозяйственной и социальной организации и управления.

Одним из значительных достижений раннеземледельческой эпохи явилось улучшение образа жизни, повышение общественного и личного благосостояния. Эти новации предвещали успехи первых цивилизаций, когда все эти начинания были развиты в условиях резкой социальной дифференциации и доведены до гипертрофированных размеров. Наибольших успехов достигает жилищное строительство. Вырабатываются стандартные приемы строительной техники и домостроительные каноны. В аридной зоне это были глинобитные строения с массивными очагами, отсеками для хозяйственных нужд. Там, где были выходы камня, использовался и этот материал — обычно как фундаменты глинобитных стен. Особое внимание уделялось оформлению интерьера: полы тщательно штукатурились, часто покрывались известковой обмазкой и окрашивались, как и стены, в различные цвета. Подпяточные камни указывают, что весьма рано появляются вращающиеся двери, заменяющие шкуры и кожи, которыми занавешивались с незапамятных времен проходы в охотничьи хижины.

В сфере приготовления пищи возникает специальная отрасль, направленная на обслуживание этой сферы, — керамическое производство. Разнообразие форм сосудов свидетельствует о наличии целой системы приготовления и хранения пищи. Появляются ложки, вытачивавшиеся из кости и, видимо, дерева. С развитием земледельческо-скотоводческой экономики изготавливаются различные ткани, о чем свидетельствует распространение пряслиц. В производстве наблюдается отход от грубого утилитаризма: в раннеземледельческих поселках весьма многочисленны разного рода украшения, прежде всего бусы и подвески. Часто они нашивались на одежду и образовывали нарядные узоры. Материальная культура раннеземледельческих обществ ясно показывает, что это была пора активного творчества, когда формировались новые идеи и образы, создава-

лись новые художественные и культурные ценности. Возросший уровень жизни стимулировал развитие прикладного искусства, что хорошо видно на примере глиняной посуды, украшавшейся различными узорами и орнаментами. Массовое распространение получает мелкая скульптура, используемая, скорее всего, в определенных культах и обрядах. Из глины и камня изготовлялись фигурки людей и животных, причем предпочтение отдавалось воспроизведению пышнотелой сидящей матроны. Выделяются специализированные строения, игравшие роль архаических святилищ. Их стены украшались росписью, в них помещались массивные антропоморфные фигуры из камня или глины. В отличие от поры верхнего палеолита, когда фигурки женщин, выточенные из бивня мамонта, обычно не имели проработанных черт лица, теперь лицо изображается весьма тщательно. Один исследователь назвал эту черту гуманизацией искусства, в противоположность «миру зверей» верхнепалеолитической эпохи.

Важнейшей чертой интеллектуального прогресса, наблюдаемого в раннеземледельческую эпоху, было накопление и первичная систематизация положительных знаний о живой и неживой природе. Эти знания образовывали солидную основу для формирования своего рода преднауки. Сама специфика земледельческого труда, когда результат отделен от первичных усилий значительным промежутком времени, способствовала развитию абстрактного мышления, экономического, а в известной мере и научного предвидения. Комплекс соответствующих знаний складывается на основе эмпирически формирующихся в разных областях информационных блоков, подлежащих хранению и передаче. Носителями этих функций могли быть служители культа, обслуживающие древние святилища, которые по внутренней сложности часто являются предхрамовыми комплексами. Здесь производились и концентрировались если не научные исследования в прямом смысле этого слова, то, во всяком случае, регулярные наблюдения. Все эти инновации позволяют многим исследователям говорить о том, что в ранне-

земледельческую эпоху происходит кардинальная смена мышления и менталитета.

Эти общие закономерности и особенности раннеземледельческой эпохи по-разному проявлялись в разных регионах. Наиболее четко процесс формирования и расцвета раннеземледельческих культур выступает на Ближнем Востоке в зоне так называемого Благодатного полумесяца, особенно в странах Восточного Средиземноморья. Так, в Палестине, в нижних слоях городища Иерихон, стены которого, по библейскому преданию, пали от звуков труб осаждающей армии, открыт поселок ранних земледельцев VIII–VII тыс. до н. э. Здесь особенно впечатляющей оказалась обводная стена, сложенная из бутового камня. Интерьер жилых домов окрашен в красный и черный цвет. Под полами часто находятся захороненные ряды черепов, лицевая часть которых порой имеет глиняную маску, а в глазницы вставлены средиземноморские раковины каури. Целое святилище этого времени было открыто в Малой Азии, где в него были помещены каменные антропоморфные скульптуры: Раннеземледельческий поселок с каменной стеной обнаружен российскими археологами и в Северной Месопотамии.

Расцвет раннеземледельческого общества превосходно характеризуют раскопки крупного оседлого центра конца VII — начала VI тыс. до н. э. поселения Чатал-Хююк (табл. I) на юго-востоке Малой Азии. Здесь открыты многочисленные святилища, группирующиеся по блокам, связанным каждый с тремя-четырьмя жилыми строениями. Стены святилищ украшены живописью, в том числе изображающей охотничьи сцены. Широко распространен культ быка — массивные рога вставлялись в глиняные модели головы этого животного. Одна из глиняных скульптур изображает пышнотелую матрону в позе родов, сидящую на троне, обрамленном фигурами леопардов. Художественный мир образов Чатал-Хююка исключительно ярок и разнообразен (Мелларт, 1982).

Менее богатые раннеземледельческие поселки известны почти на всей территории Ближнего Востока и в прилегающих

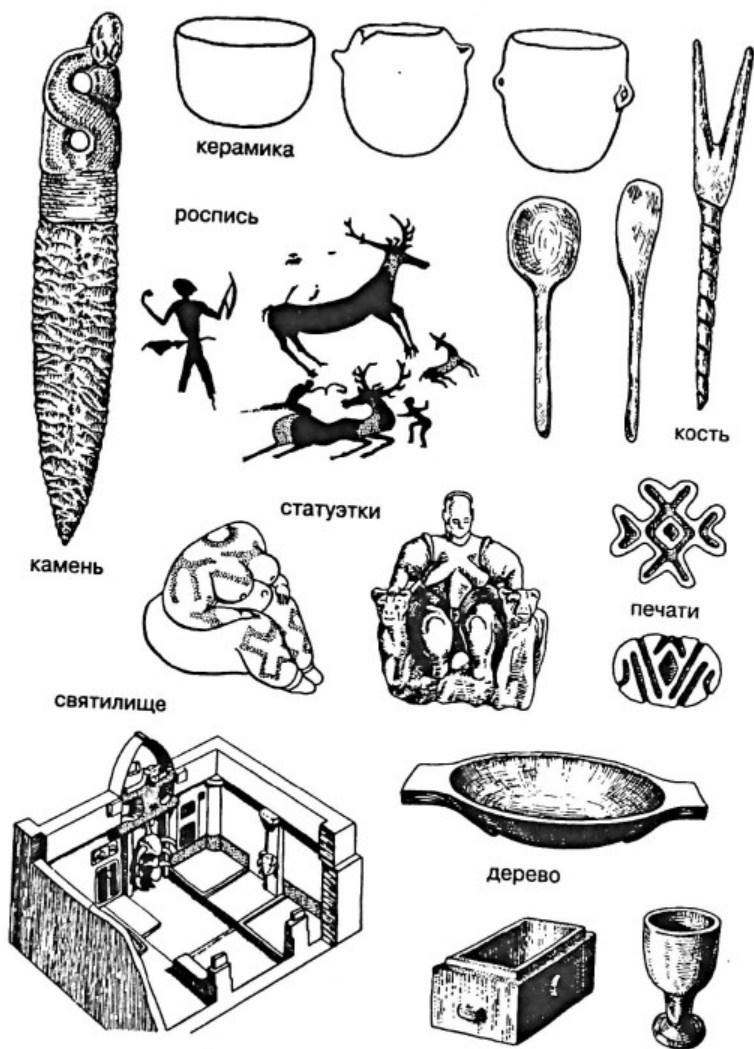

Таблица I. Комплекс Чатал-Хююк.

областях. Таковы поселение Джармо в горах Северного Ирака, поселение Джейтун на юге пустыни Каракум, поселение Мергар в низменных районах северо-западного Пакистана. Повсюду выступают характерные черты материальной культуры этой эпохи — глинобитные дома, глиняная посуда, обычно уже орнаментированная, и мелкая скульптура. Близкая по существу триада представлена и в раннеземледельческих памятниках Китая в долине Хуанхэ, хотя процесс ее формирования не столь отчетлив, как на Ближнем Востоке. Но локальная специфика наблюдается уже начиная с хозяйственной деятельности. В отличие от Ближнего Востока, где выращивали пшеницу и ячмень, здесь возделывалась чумиза. Своеобразен и набор форм глиняных сосудов. Надолго задерживается наступление медного века металлов — еще в IV–III тыс. до н. э. медные предметы были в Китае практически неизвестны. Становление раннеземледельческой экономики в Мезоамерике хорошо прослежено систематическими исследованиями пещерных поселений VII–III тыс. до н. э. в долине Теуакан. Здесь видно, как собирательство постепенно уступает место земледелию, основанному на возделывании кукурузы. В прибрежных районах важным фактором стабильности была эксплуатация морских ресурсов. Судя по всему, этот фактор играл заметную роль в формировании оседло-земледельческой культуры IV–III тыс. до н. э. в Перу. Здесь возделывались картофель, бобы и некоторые другие растения. Но решающую роль в подъеме экономики сыграло распространение кукурузы, видимо, завезенной из Мезоамерики. Наличие исходных форм культивируемых растений и пород домашних животных лишь в определенных местностях было естественной предпосылкой их распространения, если не через расселение общин, то через регулярные контакты и связи. В области культурогенеза это способствовало активизации такого явления, как стимулированная трансформация, и распространению на новые общности некоторых устойчивых стандартов и эталонов. Например, в ближневосточном регионе такие приемы домостроительства,

как известковая обмазка полов и окраска интерьера в красный или черный цвет, безусловно, брали свое начало в раннеземледельческих очагах Восточного Средиземноморья и затем распространились на иракское Джармо или южнотуркменистанский Джейтун. Вместе с тем это отнюдь не был механический перенос всего культурного комплекса. Так, основные черты кремневой индустрии Джармо и Джейтуна принципиально отличны от набора орудий средиземноморских центров. Там широко распространяются кремневые наконечники стрел и дротиков, тогда как к востоку от Евфрата такие изделия практически отсутствуют. Разумеется, сходный образ жизни оседлых земледельцев благоприятствовал активизации стимулированной трансформации древних культур.

Таким образом, раннеземледельческие культуры Старого и Нового Света занимают пространственные ниши, в рамках которых и формируются первые цивилизации. Но этот процесс был отнюдь не автоматическим, он прошел ряд сложных стадий социального и культурного развития, в которых, наряду с подъемом и успехами, наблюдалась стагнация и даже упадок.

Глава 4

МЕСОПОТАМИЯ И ЕГИПЕТ — ДВА ТИТАНА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Сложные процессы экономического, социального и культурного развития, происходившие в раннеземледельческих обществах, получили наиболее раннее и весьма яркое завершение в формировании двух древнейших цивилизаций всемирной истории — месопотамской, или шумерской, и египетской. И Месопотамия, и Египет были великими цивилизациями древнего мира. Современный цивилизованный мир по многим показателям — от алфавита и эстетических канонов красоты до спортивных циклов олимпиад — опирается в значительной мере на фундамент канонов греческой и, частично, римской эпох. Но целый ряд базовых достижений цивилизации, доньше сохраняющих свое значение, — от письменности до математики и астрономии, не говоря уже о монументальной архитектуре, был результатом деятельности древневосточных первопроходцев. Месопотамия и Египет были для своего времени наиболее передовыми очагами цивилизации, и в них уже в IV тыс. до н. э. создавались культурные ценности и стандарты, в основном определившие дальнейшую историю этих стран на несколько тысячелетий и оказавшие решающее воздействие на весь Древний мир от Крита до Ирана.

Активные археологические исследования в Месопотамии привели к открытию целого ряда памятников, позволяющих выстроить цепочку неуклонного прогресса развивающихся сложных общественных структур. Первые земледельческие общины, появившиеся на севере Месопотамии уже в VII тыс. до н. э., также обнаруживают определенные связи с культурой Малой Азии, с ее высокоразвитыми традициями, восходящими

к докерамическому неолиту Иерихона. Однако уже горное поселение земледельцев-скотоводов Джармо в Загросе отличается культурным своеобразием и самобытностью. Еще в большей мере это относится к раннеземледельческой культуре Тель-Сотто-Умм-Дабагия. Здесь налицо и развитая сырцовая архитектура, и богатая керамика, орнаментированная художественными налестями людей и животных. Наиболее известна хассунская раннеземледельческая культура Северной Месопотамии (табл. II), один из памятников которой — Ярым-

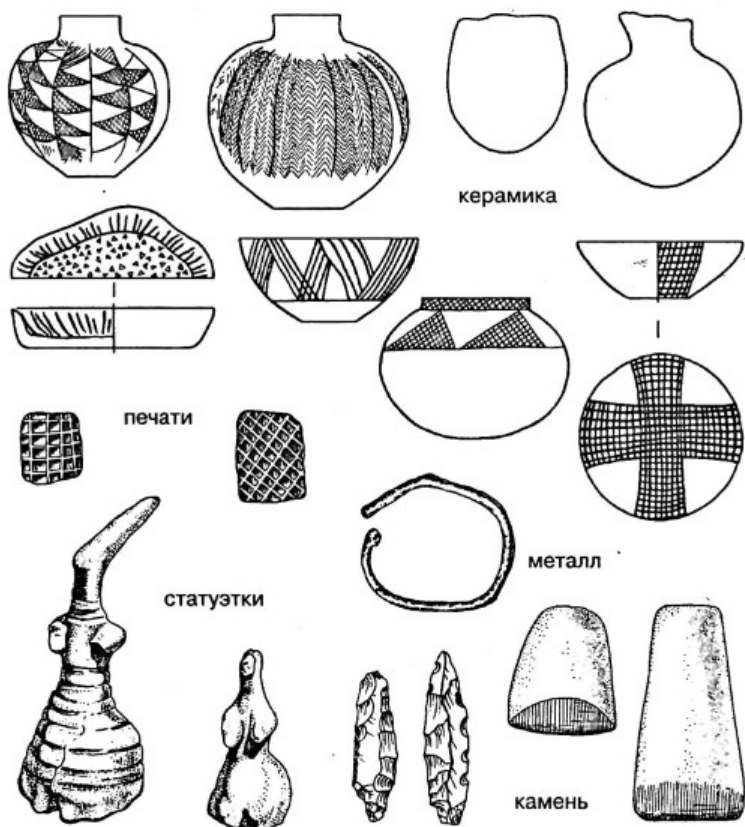

Таблица II. Комплекс Хассуна.

тепе — изучался отечественными археологами (Мунчаев, Мерперт, 1981). И Ярым-тепе, и сама Хассуна были небольшими, сравнительно бедными поселками ранних земледельцев VI тыс. до н. э. Здесь, правда, уже утвердился такой характерный показатель культуры этого времени, как расписная глиняная посуда, украшенная различными узорами или резным орнаментом. Но сами эти узоры еще просты и примитивны.

Вместе с тем эти раннеземледельческие общины активно продвигались на юг вдоль русел Тигра и Евфрата, и вскоре там складывается богатый культурный комплекс, характеризующийся заметными достижениями культуры. По имени первых богатых могил этой культуры, расположенных в районе одной из столиц багдадских халифов, этот комплекс получил наименование Самарры (табл. III). Здесь в погребениях найдены превосходные блюда, расписанные сложными сценами, отражающими взлет художественной культуры и прикладного искусства. Изображались женщины с развевающимися волосами, подчеркивающими динамизм композиции. Воспроизводились также водоплавающие птицы, клюющие рыбу, олени среди деревьев, козлы, крабы и скорпионы. Центральную фигуру образуют ромб, розетка или свастика. Здесь представлены такие характерные черты искусства раннеземледельческой эпохи, как декоративность и стремление к абстракции и символическим формам. Великолепным памятником этого типа является поселение Телль-Эс-Саван на среднем Тигре, изучавшееся археологами Ирака. Это зона ограниченных осадков, и для возделывания полей было необходимо применять искусственное орошение. Действительно, среди зерен злаков, найденных при раскопках, имеются зерна шестирядного ячменя, который палеоэтноботаники считают мутантом, появившимся именно в условиях искусственного орошения. Скорее всего, поливное земледелие стало мощным экономическим стимулом, способствовавшим расцвету культуры и искусства.

Само поселение Эс-Саван имело прямоугольный план и было окружено рвом и обводной стеной. Дома возводились из пря-

моугольного сырцового кирпича. Это было важнейшее новшество в строительной технике, сохраняющее свое значение до наших дней. Под полами домов располагались погребения. Богатая расписная керамика принадлежит к самарскому типу.

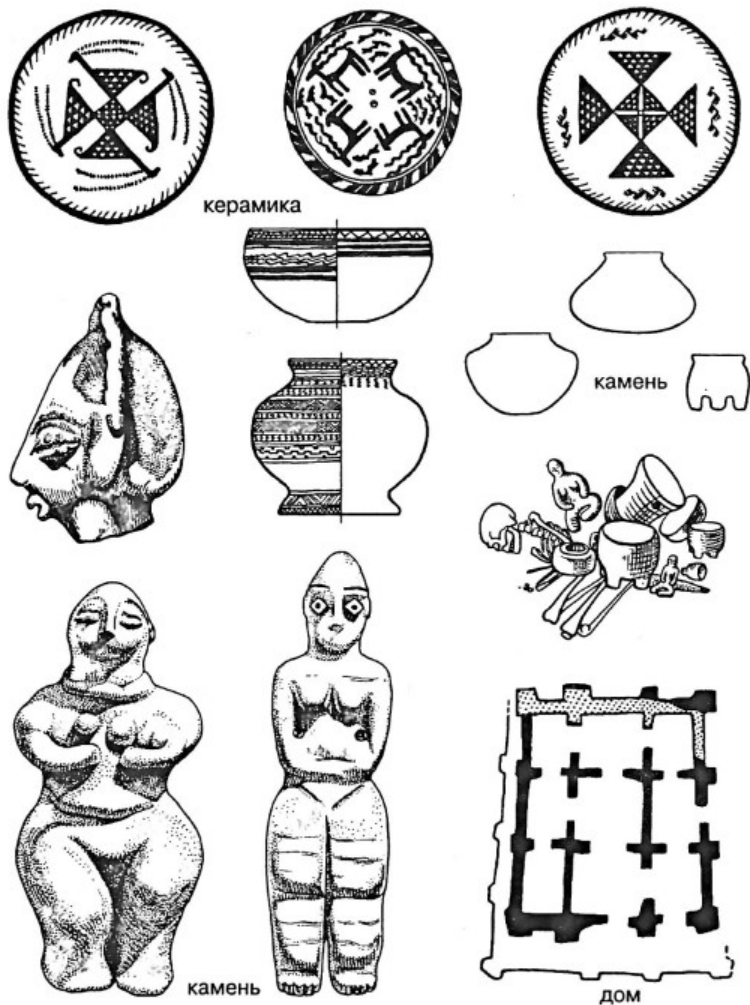
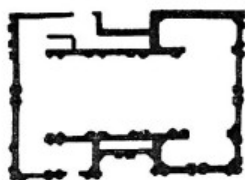

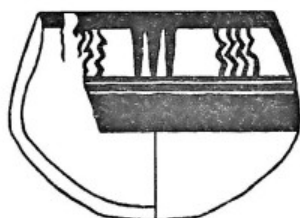
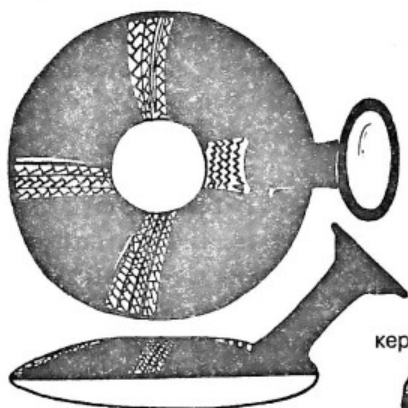
Таблица III. Комплекс Самарра.

Уровень благосостояния подчеркивает наличие в погребениях разнообразных ожерелий и браслетов, составленных из бус, выточенных из раковин и разных пород камня, в том числе из бирюзы. Многочисленны в могилах и женские статуэтки, выточенные из алебастра, с крупными глазами и высокими головными уборами из черного битума. На других памятниках этого типа предпочтение отдавалось женским фигуркам из обожженной глины, расписанным красочными узорами, в том числе с изображением длинных подведенных ресниц. В результате по среднему течению Тигра и Евфрата складывается яркая культура, оказывающая воздействие на соседей, в том числе и на Северную Месопотамию, где земледельческие общины долго сохраняют архаические хассунские традиции. Шла уверенная спонтанная трансформация этого культурного типа. Продолжается движение и на юг Двуречья. Так, в нижних слоях поселения Эреду, где, по шумерским преданиям, царская власть впервые спустилась с небес, обнаружена керамика этого круга.

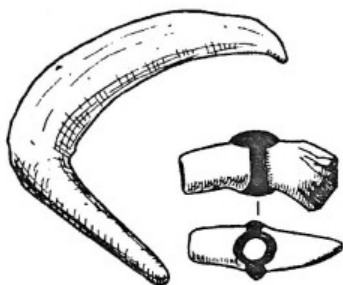
Именно здесь, на юге, и происходит дальнейшее стремительное развитие. Культура конца V — начала IV тыс. до н. э., сформировавшаяся в Южном Двуречье, получила наименование Убейда (табл. IV), и именно в Эреду открыты примечательные свидетельства ее поступательного развития. Всего в Эреду в большом стратиграфическом раскопе установлено девятнадцать слоев, по которым и прослеживаются изменения в материальной культуре. Детально эти изменения отражены в расписной керамике. Но наиболее примечательны перемены в типах строений, где налицо признаки неуклонного прогресса. В слое XVIII вскрыто небольшое строение, являющееся, судя по всему, святилищем с прямоугольным алтарем в центре. Затем размеры святилища увеличиваются, видимо, следуя возрастающим возможностям местной общины расходовать усилия на объекты, не связанные непосредственно с производственной деятельностью. Уже в слое XV мы находим целый архитектурный комплекс, занимающий площадь около 70 кв. м, который с известными основаниями можно именовать небольшим

храмы

керамика

терракота

медь

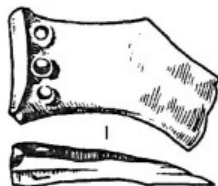

Таблица IV. Комплекс Убейд.

храмом. Древние святилища Эреду имеют небольшой пристенный алтарь на пьедестале и квадратный в плане очаг-алтарь в центре. Все эти элементы сохраняются в позднейших шумерских храмах, обозначая четкую линию типологической преемственности.

Двуречье широко осваивается оседлыми земледельцами. В районе Ура известно около 40 поселений, содержащих материалы убейдского типа. Намечается и иерархия поселений — в районе Урука 23 крупных поселения имеют площадь свыше 10 га и по этим качественным параметрам относятся исследователями к числу городков. Материалы типа раннего Убеида встречены в основании целого ряда поселений, ставших затем важными центрами Месопотамии, в частности Ура и Урука. Видимо, уже были выработаны приемы освоения заболоченных пространств и в земледелии, наряду с ирригацией, практиковалась и мелиорация. В составе стада все большую роль стали играть крупный рогатый скот, что, видимо, можно связывать с устойчивой продукцией земледелия на заливаемых участках пойм крупных рек.

Разнообразная деятельность требовала усиления организующих начал, что нашло отражение в появлении на поселениях особых культовых центров, в состав которых входят монументальные храмы. Трудовая деятельность, особенно в аграрном секторе, освящалась религиозными представлениями и обрядовыми церемониями, в первую очередь связанными с культом плодородия. Трудовая деятельность органически включала эти идеологические действия в единый цикл. Архитектурное оформление таких культовых центров все более приобретает черты монументализма. В планировке позднеубейдских храмов Эреду выделяется целла с алтарем, наружные стены декорированы трехступенчатыми в плане пилястрами. Храмы теперь возводятся на платформах и таким образом силуэтно доминируют в облике древних городов. Так, общие размеры такой платформы храма шестого слоя Эреду — $26,5 \times 16$ м, а размеры самого храма $23,5 \times 12,5$ м. Возможно, характерное

строение культовой архитектуры Месопотамии — ступенчатый зиккурат — также впервые появляется в пору Убейда. Появляются в позднем Убейде и глиняные конусы, применявшиеся для мозаичной декорации, украшавшей наружные плоскости престижных строений. Развитие культовой архитектуры свидетельствует о возрастающей роли храмовых организмов в жизни общества, основные центры которого некоторые исследователи предлагают именовать храмовыми городками.

В Эреду раскопан и некрополь, относящийся к позднеубейдскому времени. В основном это рядовые могилы в оградках из сырцового кирпича в сопровождении нескольких сосудов и терракотовых статуэток. Интересно наличие глиняных моделей лодки с отверстием в центре, куда, видимо, вставлялась деревянная палочка, имитирующая мачту. Присутствие таких предметов в могилах, вероятно, отражает представления о переправе через реку по пути в загробный мир.

Важным показателем значимости убейдской культуры является ее влияние на Северную Месопотамию и далее на отдельные районы Сирии и частично Малой Азии. В Северной Месопотамии складывается характерный комплекс, представляющий собой локальный вариант убейдской культуры и обычно именуемый Северным Убейдом. Здесь налицо расписная керамика убейдского типа и храмовые постройки, аналогичные храмам Южного Двуречья. Такие храмы раскопаны на поселении Тепе Гавра. Сохраняются в материальной культуре и некоторые местные, доубейдские традиции. Вопрос о механизме этого явления не вполне ясен. Скорее всего, наряду с усилением культурного воздействия южных образцов, все более становящихся эталонами эпохи, имело место и прямое переселение групп южного происхождения.

Самих жителей Южного Двуречья поры Убейда есть основания называть шумерами. Именно на этой основе развиваются города и культурные комплексы последующего времени, которые, судя по письменным документам, уже бесспорно можно считать шумерскими. Вместе с тем лингвисты выделяют

в шумерском языке и шумерской топонимике обширный пласт дошумерских традиций, следы особого языка, отличного от шумерского. К дошумерскому языку-субстрату восходят такие термины, встречающиеся в шумерском, как печать, стены, кирпичная форма, обозначения таких профессий, как каменотес, строитель, медник, кузнец, земледелец, пастух. Высказывалось предположение, что этому кругу понятий лучше всего соответствует материальный мир самарской культуры (Массон, 1971а). Между тем, следует особо подчеркнуть, что, несмотря на все лингвистические перемены и этнические инновации, налицо полная преемственность.

Как бы то ни было, постепенное развитие экономики и культуры, сложные социальные процессы, происходившие в Южном Двуречье, неуклонно вели к новым преобразованиям, завершившимся формированием шумерской цивилизации. Это произошло в пору периода, именуемого по археологической систематике Уруком (табл. V), который в настоящее время можно датировать 3800–3300 гг. до н. э. Картографирование урукских памятников показывает, что они расположены правильными цепочками, вытянутыми в меридиональном направлении, что указывает на направление русел древних каналов, снабжающих эти поселения водой и орошающие близлежащие поля (Adams, Nissen, 1972). Создание целой системы каналов, на которой базировалось орошение полей, в сочетании с продуманной агротехникой было главным достижением урукского периода. Одним из существенных результатов успехов в сельском хозяйстве явился стремительный рост населения. В районе Урука археологи насчитывают свыше 120 различных населенных пунктов. Наряду с небольшими деревнями-хуторами, немало поселений площадью свыше 10 га — явно небольших городков. Своего рода гигантом этого времени был сам Урук, где обжитая территория достигала по крайней мере 45 га.

Центром Урука служил обширный храмовый комплекс, который существовал несколько тысячелетий и носил шумерское название Э-Ана. План храмов развивает традиции, сложив-

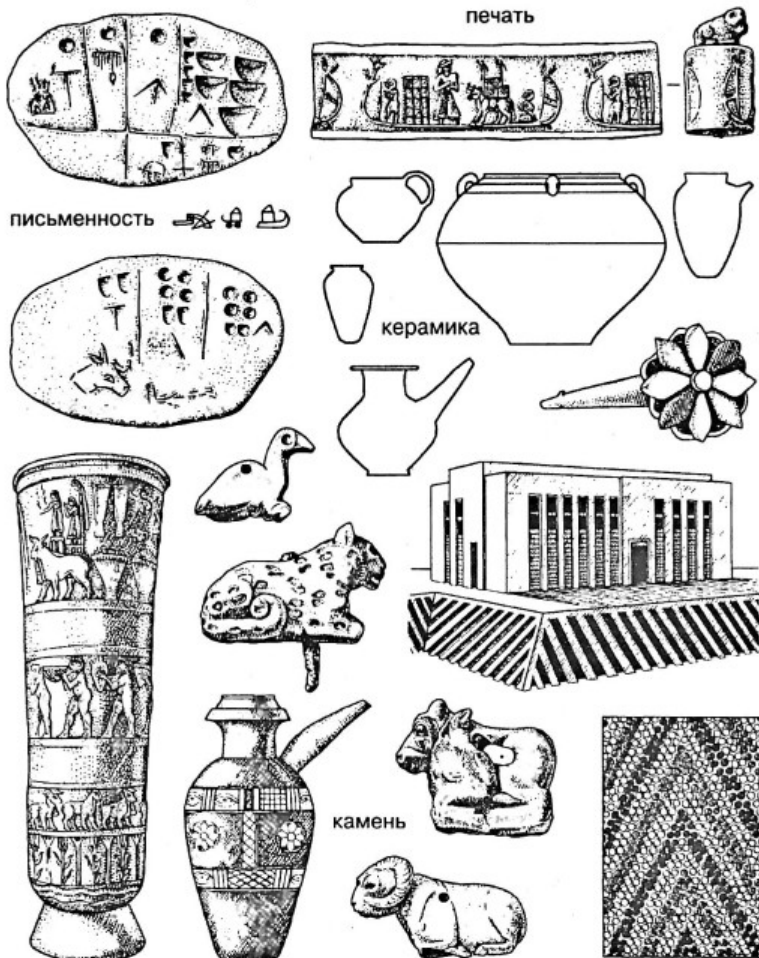

Таблица V. Комплекс Урук.

шиеся еще в убейдском Эреду, —трехчастное деление с центральной вытянутой ячейкой, где находилась статуя божества. При новом строительстве руины более ранних построек замуровывались и образовывалась платформа, достигшая к концу урукского времени 16-метровой высоты. Сами храмы также

отличались внушительной величиной. Так, один из храмов, посвященный богине плодородия Инане, имел размеры 75×25 м. Еще более внушительны размеры Белого храма — 83×53 м. Его цоколь был облицован известняком, доставленным с предгорий Загроса за многие десятки километров. Все это требовало значительных затрат трудовых ресурсов. По оценкам немецких исследователей, раскапывавших урукские храмы, для строительства одной только платформы требовались усилия 1500 человек для работы в течении пяти лет при десятичасовом рабочем дне. Для отделки плоскостей использовали глиняные конусы, окрашенные в три цвета: красный, белый и черный, которые составлялись в красочные панно — мозаичные, с узорами, имитирующими плетенку. Располагалась здесь и архитектурно оформленная площадь, так называемый «красный дом», в котором исследователи предлагают видеть место общих собраний и заседаний совета старейшин городской общины Урука.

Монументальные религиозные комплексы существовали во всех крупных городских центрах Шумера, символизируя важное общественное и экономическое значение храмовых организаций и храмовых хозяйств. В последних, судя по всему, сосредотачивался основной прибавочный продукт, культурный и интеллектуальный потенциал. Именно в храмовых организациях, регулирующих циклы сельскохозяйственного производства, велись систематические наблюдения астрономически-календарного характера, образывавшие достаточно обширную эмпирическую базу архаической науки или преднауки. Культово-мифологические системы, находящие отражение в многочисленных памятниках искусства, также содержали элементы гуманитарных, в том числе философских, знаний. В данном случае естественнонаучные представления увеличивали авторитет жреческого сословия и в определенной мере входили в систему хозяйственного руководства. Для функционирования столь сложных общественных и хозяйственных механизмов необходимо было огромное количество информации,

подлежащей хранению и передаче. Это было одним из важнейших факторов, стимулировавших возникновение письменности. В пиктографических табличках она широко представлена, начиная с четвертого слоя храмовых комплексов Урука. Судя по всему, там располагался обширный храмовый архив в виде документов на глиняных табличках, успешно дешифрованных отечественным востоковедом А. А. Вайманом (Вайман, 1972). Изобретение и широкое внедрение письменности венчало создание первой цивилизации Месопотамии. В документах скрупулезно учитывался расход разного рода предметов — от зерна до овец и рыбы, — выдача и возврат сельскохозяйственных орудий, например, плугов. Специально указывалось, кому, сколько и на какие цели выделены соответствующие предметы. Над этим учетом, безусловно, трудилась целая бюрократическая каста, и сохранились учебные таблички, которыми пользовались при подготовке новых кадров. Это были истоки гигантской бюрократической машины, которая неизменно сопровождала развитие древних обществ Месопотамии, независимо от смены политического руководства. Документы свидетельствуют и о выделении земельных наделов, порой весьма значительных. Так, жрец-правитель, носящий титул «эн», получал надел в 2000 гектаров. Перед нами явно признаки не просто социальной дифференциации, а раннеклассового общества. Был здесь слой, или класс, рабов. Они упоминаются уже в первых документах этой шумерской цивилизации, обозначаясь понятиями, «чужеземец» или «человек гор», которые говорят о том, что они были насильственно приведены на равнинную Месопотамию. Преобладают рабыни. Число этих подневольных работников обычно невелико — называются от двух до пяти рабов и рабынь. Но упоминаются и целые сотни этих лиц, стоявших в основании социальной пирамиды (Вайман, 1974).

Эталонный характер шумерской цивилизации восходит также к поре Урука. Как и в пору Убейда, шумерские мигранты проникают на соседние территории, образуя там целые поселения или анклав. Так, в расположенном к востоку от Южного

Двуречья Эламе, в его главном городе Сузах, имелась, судя по всему, небольшая колония урукских выходцев. Типы урукской глиняной посуды вызвали подражания у местных гончаров, а урукская письменность оказала влияние на сложение местной протоэламской пиктографии. Чисто урукские поселения, в том числе небольшие городки, открыты и в Северной Месопотамии, и на юго-востоке Малой Азии. Здесь налицо не только урукская керамика, но и урукские цилиндрические печати, и глиняные таблички с пиктографическими текстами. Видимо, здесь также организационными центрами этих очагов шумерской цивилизации были храмовые организмы с присущей им бюрократией.

Как можно видеть, организационно-управленческая функция явно доминировала в формировании шумерской цивилизации, воплощаемой храмовыми структурами. Храмовые архивы Урука показывают, с какой детализацией велся учет хозяйственной деятельности в храмовом хозяйстве. Организация сельскохозяйственных работ, учет их продукции, распределение трудовой силы и инвентаря было главной заботой храмовых учетчиков и организаторов. Эта система ярко характеризует организационно-управленческий путь политогенеза. Лидерами и носителями всей этой системы на первых порах, видимо, было жречество. Общество Южного Двуречья не только уверенно продвигалось по пути прогресса от стандартов и эталонов раннеземледельческой эпохи через урбанизацию к основам первой цивилизации. Налицо широкое распространение самих стандартов культуры Южного Двуречья, их прямое влияние на соседние области и страны. Уже комплексы Убейда в пору его расцвета распространяются в Северную Месопотамию, где налицо типичная убейдская глиняная посуда и храмы южной планировки. Расписная посуда убейдского типа представлена в широком ассортименте и на юго-востоке Малой Азии в древней Анатолии. Масштабы этих аналогий, скорее всего, свидетельствуют о прямом расселении представителей южных общин на север и северо-запад от своей ойкумены.

Еще в большем масштабе эти явления проступают в пору Урука. На юго-западе Ирана, в области Элама, где ранее процветала местная расписная керамика, типичная для стандартов раннеземледельческой эпохи, появляется урукская керамика, сделанная на гончарном круге. Урукские материалы от керамики до цилиндрических печатей найдены на целом ряде памятников Восточного Средиземноморья. Небольшие урукские городки воздвигаются в Юго-Восточной Анатолии, как бы повторяя путь убейдских мигрантов. Абсолютная идентичность их культуры южномесопотамским эталонам не оставляет сомнений в происхождении оставившего их населения, хотя причины их последующего исчезновения не вполне ясны. Сам факт мощных внешних импульсов, исходящих от цивилизации Южного Двуречья, весьма ярко характеризует величие и мощь этого нового явления в культурном мире Передней Азии и соседних областей.

Дальнейшее развитие самого общества Южного Двуречья особенно показательны в сфере формирования государственных структур и тенденций политогенеза. Со сложением целой

Рис. 3. Голова правителя Гудеа. Месопотамская цивилизация.

системы городов-государств, развитием торговли на дальние дистанции, часто превращавшейся в военно-торговые экспедиции, роль военного фактора в жизни общества возрастала. Усиление военно-аристократической формы политогенеза способствовало институализации власти светских владык (рис. 3). Они, с титулом царя-«лугаля», постепенно оттесняли на второй план жреческую организацию. Ярким примером значимости этих новых лидеров

служат так называемые царские гробницы III династии Ура (XXV век до н. э.).

Гробницы были возведены из жженого кирпича, и к основному строению вел обширный подземный спуск. Богатство и разнообразие помещенных в них вещей (если гробницы остались не тронуты грабителями) поражает. Многочисленны человеческие жертвы, что характерно для безудержного самоутверждения лидеров первых цивилизаций. В гробнице «госпожи» (царицы-жрицы) Пу-Аби помещены тела 62 человек, в том числе 12 вооруженных мужчин. В другой гробнице находились тела 76 человек, в том числе четырех вооруженных мужчин и 43 женщин. Ряд предметов подчеркивает престижное положение военного лидера. Таков, например, золотой кинжал и золотые ножны — вещи явно церемониального характера. Престижное, а не только боевое, оружие имелось и у некоторых воинов из числа «сопровождающих». Так, один воин имел четыре дротика с золотыми наконечниками, а у других дротики имели наконечники, сделанные из серебра.

Война прочно вошла в повседневную жизнь древнего Шумера. Об этом свидетельствуют наборные мозаичные штандарты из перламутра и лазурита. На одном из них изображены сцены мирной сельской жизни, на другом — воины, пешие и передвигающиеся на тяжелых четырехколесных экипажах по телам поверженных противников. Исследователи даже поспешили назвать этот штандарт «войной и миром». Формируются разные виды политических структур, в первую очередь столь характерная для Древнего Востока безраздельная деспотия, державшая, по крайней мере теоретически, все население в так называемом «поголовном рабстве».

Не менее ярка и самобытна первая цивилизация, формирующаяся практически одновременно с шумерской в долине Нила. Правда, здесь долгий путь к ее вершинам от раннеземледельческих общин не представлен так же выразительно, как и в Месопотамии. Наиболее древние раннеземледельческие памятники раскапывались давно и в целом выглядят архаично.

Тем не менее достаточно ясно, что и здесь, на земле Древнего Египта, именно общество ранних земледельцев и скотоводов было исходным пластом для формирования египетской цивилизации. Определенная цепочка такой хозяйственной и культурной эволюции выявлена в Верхнем Египте. Собирачество дикорастущих растений началось в Верхнем Египте и Нубии почти за 12.000 лет до нашей эры. Но пока не удается выстроить генетическую цепочку этой эволюции от собирателей к первым земледельцам. Достаточно определено к числу земледельческо-скотоводческих культур Верхнего Египта V тыс. до н. э. относится Таса. Ее создатели растирали выращиваемое зерно на каменных зернотерках, разводили крупный и мелкий рогатый скот. Возможно, значительная роль скотоводства заставляла передвигаться со стадами в зависимости от времени года, и поэтому пока не известны тасийские поселения с мощным культурным слоем, указывающим на стабильность обитания. Уже изготовлялась глиняная посуда, украшенная узорами, выполненными нарезками, заполненными белой пастой. Это было местное проявление того развития прикладного искусства, которое так характерно для раннеземледельческой эпохи.

В Нижнем Египте свидетельства стабильной оседлости более основательны. Здесь раскопано поселение Фаюм, располагавшееся по берегам озера. Обитатели таких поселков выращивали пшеницу и ячмень, разводили крупный и мелкий домашний скот. Грубая глиняная посуда еще не вытеснила из широкого употребления плетеные сосуды и корзинки. О благоустроенном быте свидетельствует внимание к косметике и украшениям. Обнаружены многочисленные украшения и палетки для растирания краски, которая, скорее всего, использовалась именно в косметических целях. Другой раннеземледельческий памятник — Меримде — также расположен на западной окраине Нильской дельты. При возведении жилых строений использовали комки глины. В глину, шедшую на изготовление посуды, подмешивалась рубленая солома. Сама посуда порой

украшалась нарезным орнаментом. Разнообразны личные украшения: костяные перстни, браслеты и ожерелья. В одном из погребений обнаружен деревянный жезл, возможно, являвшийся престижным символом кого-либо из местных лидеров, организующих хозяйственную и социальную деятельность общины. К сожалению, судя по всему, природные условия дельты с ее разливами погребли под слоями ила большинство располагавшихся здесь раннеземледельческих поселков, и последовательная их эволюция пока не прослеживается.

Наоборот, в Верхнем Египте отчетливо виден устойчивый прогресс культуры Бадари. Наряду с возделыванием пшеницы и ячменя, все большее значение приобретает скотоводство — встречаются даже ритуальные захоронения домашних животных. Стойбища скотоводов теснятся по окраинам пустынных плоскогорий. Появляются изделия из меди, но особый прогресс заметен в производствах, связанных с изготовлением бытовых предметов, характеризующих возрастающий уровень благосостояния. Многочисленны и разнообразны предметы, вырезанные из слоновой кости. Это флаконы, вазы, ковши, булавки, браслеты. Распространены женские фигурки, вырезанные из слоновой кости или сделанные из глины. Это был обычный компонент раннеземледельческой культуры, скорее всего, связанный с культом плодородия.

Две последующие культуры — амратская и герзейская — рисуют нарастающие изменения в экономике, обществе и культуре. В амратское время, видимо, начинает активно развиваться поливное земледелие. Внедряется бассейновая система орошения, обеспечившая процветание Египта на многие тысячелетия. Распространены медные изделия, в том числе достаточно сложного вида, как гребень, рукоятку которого венчает изображение высокой фигуры козла. Парадная глиняная посуда украшается росписью вполне в традициях культурного комплекса поры раннеземледельческих обществ. Многочисленные поселения, расположенные по берегам Нила, тяготеют к водным источникам. Получает распространение глинобит-

ное строительство. Судя по одной глиняной модели, сами поселки окружали обводные стены. Видимо, с накоплением прибавочного продукта и разного рода богатств начинаются активные межобщинные конфликты. Среди статуэток, помещавшихся в погребения (видимо, по принципу заменительной магии), имеются не только фигурки женщин, но также водоносов и людей с завязанными за спиной руками, возможно, плененных и используемых на подсобных работах.

Разнообразные инновации получают все большее распространение во второй половине IV тыс. до н. э. в комплексах герзейского типа. Появляются крупные глинобитные строения, развиваются первые городки. Важными центрами этого периода истории Египта, называемого по существующей периодизации додинастическим, были Нагда и Иераконполь. Дальнейшее развитие претерпевает металлургия, освоившая различные приемы изготовления литых изделий. В керамическом производстве появляются сосуды, украшенные росписью, в том числе достаточно сложными сюжетными сценами. Из базальта высекаются высокие человеческие фигурки. Все свидетельствует об интенсивном развитии ремесел. Можно говорить о развитии устойчивой торговли на дальние дистанции, доставлявшей в долину Нила серебро, свинец и даже такой полудрагоценный камень, как лазурит, который добывался на отдаленных территориях современного Афганистана.

В позднегерзейское время налицо свидетельства связей с месопотамским центром цивилизации (Чайлд, 1956; Kantor, 1971). Такие связи, отраженные в культуре, вполне отчетливы и в пору ранних династий. В глиняной посуде ряд форм подражает месопотамским образцам. Найдены и шумерские цилиндрические печати. В иконографии получают распространение такие сюжеты, как двуглавый дракон и герой, побеждающий львов. Безусловны шумерские влияния в планировке монументальных зданий. Все это породило достаточно соблазнительные построения о миграции определенных групп иноземцев, способствовавших общему развитию на пути к цивилизации

и даже ускоривших этот процесс. Активно обсуждается вопрос об этом проникновении не через дельту, а морским путем с переправой через Красное море. Наличие шумерских воздействий, связанное с развитием международной торговли и мощным урукским импульсом с его впечатляющими культурными стандартами, не вызывает в целом сомнений. Однако уже Г. Чайлд справедливо замечал, что исходный пласт местных египетских традиций полностью сохраняет свое значение. Показательно обнаружение в малоазийском городке Хабубе Кабира, являющимся по культуре типичным урукским памятником, египетской глиняной посуды типа Нагда II, что свидетельствует о широком многостороннем движении объектов материальной культуры в эту эпоху. Египетская письменность, появляющаяся вскоре после рассматриваемого времени, в корне отлична от шумерской. Это также говорит об устойчивом сохранении самобытности египетской культуры. Поэтому, несмотря на броские формулировки типа проникновения азиатов на Нил и даже политического подчинения аборигенов этим завоевателям, это построение не может быть всесторонне аргументировано. Разумеется, расширение масштабов устойчивого торгового обмена и культурных связей выступали во взаимодействии с социальными процессами, образуя некую систему прямых и обратных связей.

С позднегерзейского времени идет активный процесс прямой социальной дифференциации и выделения элитных групп. Усиливаются различия в величине и богатстве гробниц. В росписи на сосудах изображены суда со штандартами. В них можно видеть прямые предтечи символов отдельных номов, на которые разделялся Древний Египет. Судя по всему, усиливаются и столкновения между этими номами, нарастает значимость военной функции в жизни общества. Батальные сцены становятся одними из излюбленных в искусстве, будь то настенные росписи или рельефы на палетках и рукоятках парадных ножей. В Иераконполе раскопана гробница, на стенах которой изображено сражение на воде. Судя по всему, активно идет развитие

по военно-аристократическому пути политогенеза. Удачливые правители подчиняют своей власти соседние номы. Формируются крупные владения — царства Верхнего и Нижнего Египта.

Большую роль в социальной дифференциации играет скотоводство как вид накопления легко отчуждаемого и перераспределяемого имущества. Как отмечал Б. Б. Пиотровский, многие древнеегипетские термины имущественной и социальной

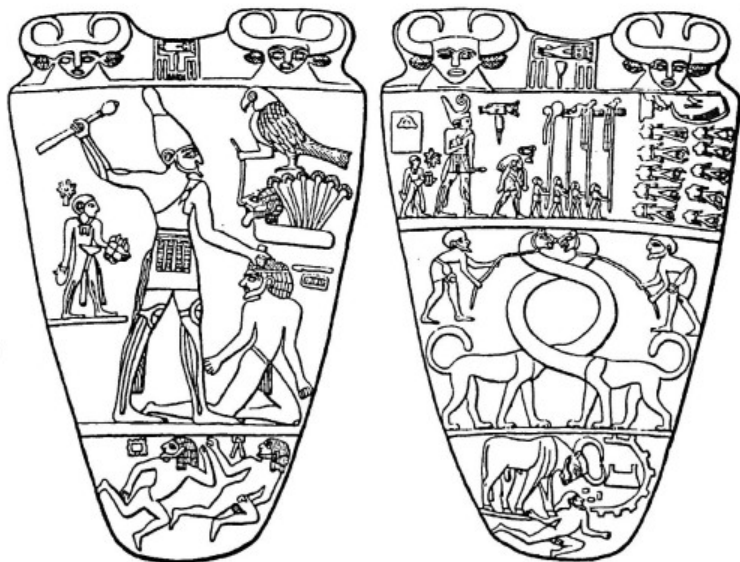

Таблица VI. Египетская цивилизация.

дифференциации связаны со скотоводством (Пиотровский, 1967). Так, понятия «князь», «царь» передаются через изображение пастушеского посоха; «благородство», «знатность», «достоинство» — через фигуру козы с подвешенной печатью, указывающей на ее собственника. Термин «наследство» передается фигурой лежащего теленка.

Активный процесс формирования египетской цивилизации в политическом плане завершается около 3100 г. до н. э. объединением, скорее всего, в результате военных усилий, Верхнего и Нижнего Египта. События, связанные с этим процессом, нашли отражение в целом ряде батальных сцен, воспроизведшихся на резных рукоятках парадных церемониальных ножей и на каменных булавах. Палетка Нармера, фараона первой династии, изображает этого правителя побеждающим своих врагов и выступающим в результате в двойной короне, объединяющей символику Верхнего и Нижнего Египта (табл. VI). Политическое единство в Египте наступило значительно раньше, чем в Месопотамии, где еще длительное время продолжалась междоусобная борьба различных городков-государств, каждый из которых имел могучий храмовый центр, являющийся, без сомнения, важным источником экономической и политической власти. Хотя большая роль жречества в жизни Египта хорошо известна из последующей истории, такой храмовой доминанты на пороге формирования цивилизации мы здесь не находим.

Возвысившаяся царская власть стремительно утверждает всеми способами свое неоспоримое лидерство (рис. 4). Убедительным показателем этого процесса является формирование царского заупокойного культа в форме монументальной пропаганды и невероятной концентрации богатств. Уже гробницы фараонов I и II династий, располагавшиеся в Абидосе, отличаются значительными размерами. Налицо и расточительная трата человеческой силы в форме жертвоприношений. В гробнице Нармера таких жертв было 33, в гробнице Джера — 275.

Рис. 4. Голова Аменхотепа IV. Египетская цивилизация.

Египетские архитекторы создают и такое уникальное произведение, как знаменитые пирамиды. Вершиной архитектурной мысли и концентрации труда деспотической властью стала знаменитая пирамида Хеопса. Ее смысловая нагрузка порой представляется загадочной для современного прагматика, и один математик даже назвал египетские пирамиды «гигантским абсурдом». Но для поры становления цивилизации и утверждения царской власти это был блестящий образец своего рода монументальной пропаганды. Гигантская стройка подтачивала производственные возможности общества.

Геродот, опираясь на древнеегипетскую традицию, сообщает, что на возведении пирамиды Хеопса (греческий вариант имени Хуфу) трудились 100 тысяч человек, что подтверждается палеоэкономическими расчетами (Кинк, 1967). Пирамида Хеопса имеет высоту в 146 м и 280 м в каждой из сторон основания. На ее сооружение ушли 2.300.000 обработанных гранитных плит весом 2,5 тонны каждая. Так были воплощены эсте-

тические и организационно-производственные возможности этой одной из двух великих цивилизаций древнего мира.

И Месопотамия, и Египет на уровне развития первых цивилизаций обнаруживают явный социологический параллелизм. В обоих центрах налицо развитие ремесел, внедрение письменности и монументальной архитектуры, рывок самоутверждающейся династической власти. На конкретно-историческом уровне столь же заметны и индивидуальные особенности, проявляющиеся в художественном стиле, менталитете и ценностных ориентациях, связанных с этно-психологическими особенностями. Месопотамия привержена бюрократическому прагматизму, проявляющемуся уже в первых храмовых архивах Урука. Показательна разница в характере аргументации, призывающей писцов к прилежному труду. В шумерском обращении мы читаем:

Труд писцов, собратьев моих тебе не по нраву!

А ведь они по девять гуров зерна приносят!

Молодые люди! Любой из них десять гуров зерна отцу приносит,
Зерно, шерсть, малос, овец ему приносит!

Как уважаем такой человек!

Рядом с ним ты не человек!

Это достаточно показательно для меркантильной шумерской цивилизации — упор делается на прямые материальные выгоды.

С иных позиций утверждается значимость профессии писца в Древнем Египте:

Построены были двери и дома, но они разрушены,

Жрецы заупокойных служб исчезли,

Их памятники покрылись грязью,

Гробницы их забыты.

Но имена их произносят, читая эти книги,

Написанные, пока они жили,

И память о том, кто написал их,

Вечна.

Стань писцом, заключи это в сердце своем,

Чтобы имя твое стало таким.

Книга лучше расписного надгробья

И прочнее стены.

Глава 5

АНАТОЛИЙСКИЙ ПАРАДОКС: ОТ СТРЕМИТЕЛЬНОГО ПРОГРЕССА К ЗАМЕДЛЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Малая Азия, которую в древние времена именовали Анатолией, наглядно демонстрирует сложную картину исторического развития. Будучи наиболее выдающимся центром неолитической революции Евразии, Анатолия на примере культуры Чатал-Хююка демонстрирует поистине феноменальные результаты культурного прогресса, столь ярко проявляющегося в сфере искусства. Чатал-Хююк с его изящными фресками и массовой культурой скачкообразно продвинувшегося благосостояния в ряде отношений является подлинным Эрмитажем первобытного общества. Однако вслед за этим не следует столь же стремительный путь формирования первой цивилизации. В Месопотамии, где раннеземледельческая культура своими истоками в конечном итоге обязана той же Анатолии, путь от раннеземледельческой эпохи до первой цивилизации составил около двух тысячелетий. В Анатолии он оказался вдвое большим. Более того, если в раннеземледельческую эпоху Анатолия была подлинным «законодателем мод», то теперь сама она следует месопотамским нормам и стандартам. Это было ярким проявлением ритмов культурогенеза, отражающего многообразные исторические реалии.

В Анатолии VI–V тыс. до н. э. четко отражены основные особенности эпохального типа раннеземледельческих культур — благоустроенные дома, нарядная глиняная посуда, мелкая терракотовая пластика, воспроизводящая в основном женские персонажи. Поселения, как правило, располагались на одном и том же месте в районе процветающих оседлых оазисов. Ветшавшие глинобитные дома служили естественным фундаментом

следующих построек, и в результате здесь, как в Месопотамии, образовывались холмы многометровой высоты, где постоянство обитания лишь подчеркивало неторопливую спонтанную трансформацию всего культурного комплекса.

Ко второй половине VI — началу V тысячелетия до н. э. относится поселение Хаджилар, характеризующее культуру Юго-Западной Анатолии (табл. VII). Здесь выявлено девять слоев, каждый из которых содержал остатки прямоугольных небольших домов, построенных из сырцового квадратного кир-

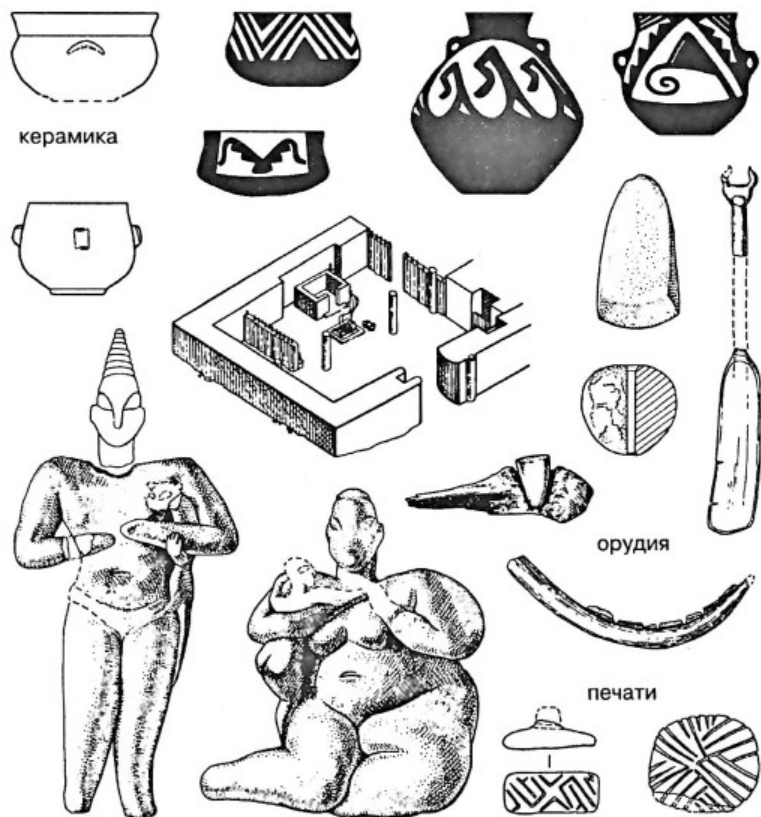

Таблица VII. Комплекс Хаджилар.

пича. Иногда поселение окружала обводная стена, также возведенная из кирпича. Небольшие строения с алтарем, скорее всего, являются святилищами. Медь уже была известна, но шла лишь на изготовление некрупных изделий. Были распространены каменные топоры. Серпы изогнутой формы имели кремневые вкладыши, образующие зубчатую рабочую лезвие. Глиняная посуда тщательно отделана. Поверхность ее тщательно залощена и имеет белую и красную окраску. С пятого слоя входит в широкое употребление керамика, покрытая геометрической росписью. Иногда сосудам придавалась форма оленей или человеческих голов. Блестящим образцом терракоты раннеземледельческой эпохи являются женские статуэтки Хаджилара. Пышнотелые женщины изображены в самых различных позах, зачастую с живой непосредственностью. Хаджиларские традиции отражены в культуре нижних наслоений другого многослойного памятника Юго-Западной Анатолии Бейче-султана.

Выделяются несколько культур раннеземледельческой эпохи на территории Анатолии. Возможно, разнокультурное население было и разноэтничным. Во всяком случае, отношения между племенами были не всегда мирными, что обусловило возведение обводных стен. Для культуры Юго-Восточной Анатолии характерным памятником является Мерин. Здесь стена одно время была возведена из камня и имела полутораметровую толщину и ворота, фланкированные небольшими башнями. На этой западной окраине, начиная с весьма раннего времени, появляются культурные влияния памятников месопотамского круга. Так, в определенных слоях Мерсина встречена расписная керамика явно халафского типа, характерного для памятников Северной Месопотамии.

Прогрессивные раннеземледельческие общины постепенно совершенствуют производство. Возрастает число медных изделий, а со второй половины IV тыс. до н. э. появляются изделия из олова. Особого развития металлургия достигает в первой половине и середине III тыс. до н. э. Это было подлинное ремесленное производство, видимо, с узкой специализацией от

оружейников до ювелиров. Широко распространяется литье по утраченной модели и филигрань. Металлургия использует, помимо меди и бронзы, также свинец, серебро, золото и электр. Большую часть сырья обеспечивали богатые горные выработки Анатолии, но олово явно было привозным товаром, и его широкое употребление указывает на развитие устойчивых обменно-торговых связей.

Безусловно, природные ресурсы и первобытная торговля стимулировали развитие культурных связей, которые шли по двум направлениям. На западе, в прибрежных районах особое значение приобретали идущие через море связи с центрами Греческого полуострова, где все более активную роль стало играть мореплавание. Это явление находит яркое отражение в материалах Трои, которая является одним из наиболее хорошо изученных памятников Северо-Западной Анатолии. Найденные в Трое прибалтийский янтарь и североафганистанский лазурит являются лишь одним из проявлений торгово-обменных связей на дальние дистанции. Через это посредство энергичных мореходов осуществлялись связи с ареалом египетской цивилизации.

На юго-востоке Малой Анатолии месопотамские воздействия, проявившиеся в виде халафских импульсов ее раннеземледельческой поры, приобретают все более регулярный и значимый характер. Ко второй половине V — началу IV тыс. до н. э. относится мощное влияние южномесопотамского комплекса Убейд. Причем аналогии в расписной керамике убейдского типа столь значительны, что некоторые исследователи даже считают возможным говорить об особом местном варианте убейдского комплекса. Скорее всего, это были не простые взаимодействия, передаваемые абстрактным термином «влияния», а прямое переселение группы общин с соответствующими культурными традициями.

Эти месопотамские связи Юго-Восточной Анатолии неизменно продолжались на протяжении многих столетий вплоть до прямого переселения ассирийского купечества, создавшего

знаменитую факторию Каниш. Археологические открытия последние десятилетия свидетельствуют, что Юго-Восточная Анатолия стала во второй половине IV тыс. до н. э. своего рода анклавом шумерской цивилизации. Сами центры уступали месопотамским городам как своими размерами, так и обликом построек престижной функциональной значимости. Многие из поселений (Троя II, Полиохни, Ахталли) имели площадь всего в 1–2 гектара. Правда, размеры традиционного центра Юго-Западной Анатолии Бейче-султан достигали 24 га. Обводные стены Бейче-султана были сложены из камня и имели толщину 5 метров. Сравнительно невелики были культовые центры-святилища. В Бейче-султан они достигают в длину всего 15–17 метров. Отдельно стоящие здания престижного характера имелись в Трое и Полиохни на северо-западе. Сами памятники имеют следы вспыхивавших конфликтов. Троя I была разрушена и на ее руинах построена хорошо укрепленная небольшая крепость — Троя II. В центре располагалось большое здание длиной 35 м. Предполагается, что это была резиденция местного правителя. В Трое II обнаружен и богатый комплекс ценных вещей, известный как «клад Приама». В его состав входили различные украшения из золота и серебра. Состав другого клада указывает на широкие международные связи. Наряду с балтийским янтарем, здесь были изделия из североафганского лазурита. Престижные центры явно становятся местом концентрации богатств.

Выразительным свидетельством концентрации богатств является инвентарь гробниц, в которых можно видеть захоронения представителей местной элиты. Необычной парадностью инвентаря отличаются два погребения в местности Дорак. Они совершены в прямоугольных гробницах, сложенных из камня, что было обычно для местной традиции. На найденных в одной гробнице остатках каменных обкладок, возможно, бывших частью парадного сидения, имеется египетская надпись с именем фараона Сахура, правление которого относится ко времени около 2494–2345 гг. до н. э. Это подчеркивает наличие

международных связей, характерных для Западной Анатолии. В гробницах представлено разнообразное оружие из золота, серебра и бронзы. Обращает на себя внимание бронзовый кинжал, лезвие которого сделано из метеоритного железа. Весьма многочисленны различные сосуды и украшения. Парадное оружие не вызывает сомнений в принадлежности усопших к местной знати, однако нет оснований считать эти гробницы небольшими царскими усыпальницами, как это сделал первый издатель этих материалов.

Яркими памятниками элитных погребений являются гробницы, обнаруженные в Аладжа-Хююке в Центральной Анатолии (табл. VIII). Их устройство отличалось от обычных могильных ям лишь значительными размерами — до 6–7 метров в длину. Поверх деревянного перекрытия были помещены шкуры быков, судя по сохранившимся черепам и нижним частям копыт. Деревянные фрагменты позволяют предполагать, что умершие были помещены на помосты с балдахинами. Среди погребального инвентаря выделяется парадное оружие. Таковы мечи, кинжалы, серебряные боевые топоры. Два кинжала имели золотые рукоятки, а их лезвия, как и кинжал Дорака, выкованы из метеоритного железа. Богаты и разнообразны различная утварь и украшения, в том числе бронзовые зеркала. Жезлы и навершия воспроизводят фигуры быков, оленей и козлов. Необычна и престижно-знаковая символика. Совершенно ясно, что погребенные лидеры подчеркивали свое особое положение богатыми наборами различных предметов. Оружие ясно указывает на существенную значимость функций военного лидерства.

Все это — и престижные строения, и богатые гробницы — указывает на то, что в III тыс. до н. э. в Анатолии в различных центрах шел активный процесс политогенеза военно-аристократической направленности. Вместе с тем, здесь нет претенциозной помпезности, свойственной гробницам Шумера, именуемым царскими — прежде всего, монументального размаха самих усыпальниц, а также массовых человеческих жертвоприношений. Замедленный темп развития, отмеченный для

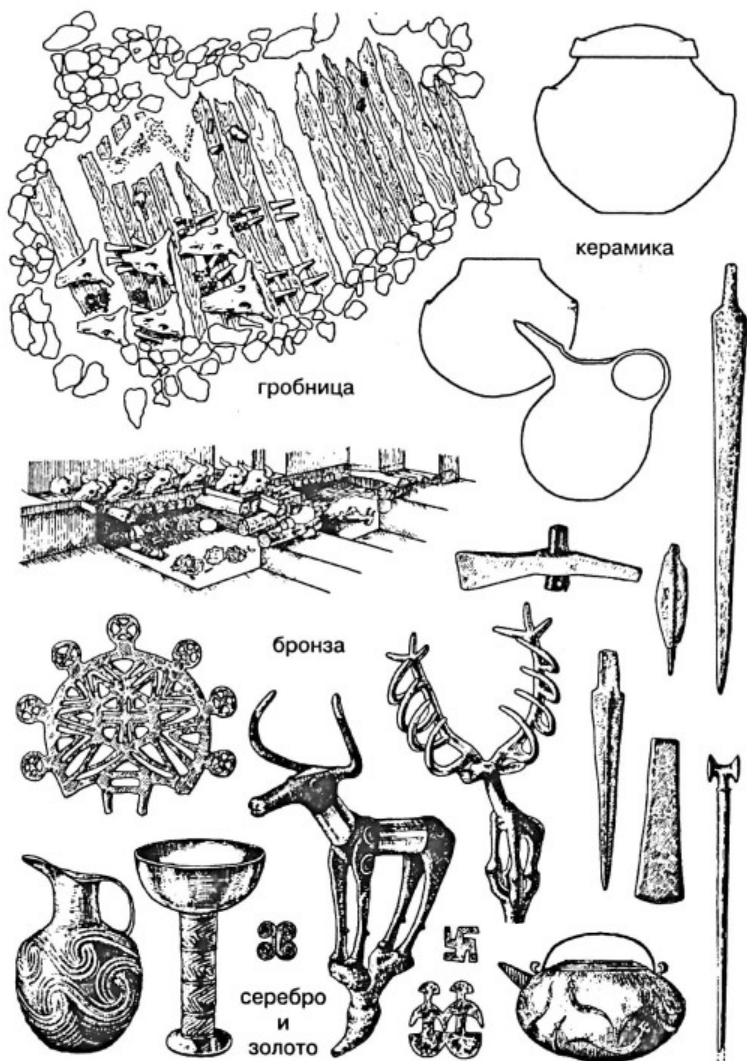

Таблица VIII. Комплекс Аладжа-Хююк.

местных раннеземледельческих обществ, сказывался и на социальной эволюции.

Торговые связи, активно развивавшиеся с государствами Месопотамии, способствовали институализации местных правителей небольших владений, как мы это знаем на примере города Каниш, где рядом с местным центром была основана ассирийская торговая фактория, тесно контактировавшая с проживавшим в центре этого городка правителем, своего рода социологическим наследником элиты, погребенной в некрополе Аладжа-Хююка. Становление подлинной цивилизации, опирающейся на местную основу и, вместе с тем, включенную в культурное и политическое наследие Месопотамии, приходится уже на XVI–XV века до н. э. с образованием древнейшего хеттского государства.

У НЕПРОЙДЕННОГО РУБЕЖА: СУДЬБЫ ПЕРВЫХ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ОБЩЕСТВ

Неолитическая революция и последующее формирование ранних земледельческих обществ весьма рано затронули территорию Европы, в первую очередь ее юго-восточные области, практически примыкающие к базовому центру происходящих перемен — Восточному Средиземноморью. Надо полагать, именно оттуда на Балканы поступили исходные виды домашних животных и злаков, скорее всего, с первыми переселенцами.

Одним из ранних подобных памятников является Неа Никомедиа, расположенное в Македонии и относящееся к концу VII — началу VI тыс. до н. э. Здесь уже возделывались пшеница и ячмень. Представлен и мелкий рогатый скот. Но особое распространение получают оседло-земледельческие поселения в Болгарии, Румынии и Сербии, где складывается целый блок древних культур, который можно именовать Балкано-Дунайским. Его отличают благоустроенные долговременные жилища, богато орнаментированная глиняная посуда и мелкие статуэтки преимущественно женщин и различных животных. Сам этот набор явно следует анатолийским традициям памятников типа Хаджилара. Скорее всего, эти культурные традиции были привнесены группами первооселенцев, хотя и отличались спецификой местного исполнения, образующего многочисленные временные и пространственные вариации. Процветающие культуры Балкано-Дунайского блока образовали в VI–IV тыс. до н. э. наиболее развитую зону культурного прогресса древней Европы.

К северу от этой зоны располагался другой, достаточно обширный блок культур, известных как линейно-ленточные комплексы по характерным особенностям изготовления и орнамен-

тации глиняной посуды. Эти северные соседи Балкано-Дунайского центра были распространены от севера Молдовы до юга Франции. Здесь выделяется целый ряд территориальных группировок, характеризующихся археологами как особые культуры. В целом по уровню материальной обеспеченности повседневного бытия они заметно уступают южным соседям.

Уже в VI тыс. до н. э. в районах Балкано-Подунавья формируется ряд раннеземледельческих культур, ставших исходным пластом для дальнейшего развития этого центра. Они охватывают территорию Балкан, Нижнего Подунавья, проникают в Среднее Подунавье и Трансильванию. Это были раннеэнеолитические культуры с расписной керамикой — Старчево, Кёрёш, Криш, Караново I и некоторые другие. Дома оседлых поселков возводятся из дерева и глины. В многослойном поселении Караново, расположенном в Болгарии, начиная с нижнего слоя Караново I, основу конструкции домов составляют деревянные плахи, вдоль которых группируются стены из жердей и кирпичного заполнения. Женские фигурки, также являющиеся характерным элементом этих культур, изготавливались из глины и вырезались из мрамора. Пшеница с ячменем, возделываемые на полях, и выпасаемый крупный и мелкий рогатый скот составляли основу производства древних общин.

Культуры этого типа существуют длительное время. Детали их материальной культуры трансформируются, и нарядная глиняная посуда, украшаемая согласно меняющимся нормам, позволяет археологам выделять локальные группировки, обычно именуемые культурами. Видимо, они оставлены различными группами племен, в какой-то мере сохраняющих родственные отношения. К числу наиболее поздних культур принадлежат Гумельница и Хамаджия, прославившаяся первоклассными фигурками т. н. «мыслителей» (рис. 5). Особым разнообразием отличаются памятники Гумельницы, расположенные вдоль черноморского побережья Болгарии, которые исследователи даже предполагали выделить в особую культуру Варна. Памятники этой культуры были обнаружены и на нижнем течении

Рис. 5. Фигурки мыслителей. Культура Хамаджия.

Дуная, и не исключено, что приморское положение культуры свидетельствует об освоении моря, по крайней мере каботажным плаванием. Уникальным открытием стало обнаружение в комплексе этих памятников некрополя, получившего наименование Варна. С точки зрения погребальной обрядности, это были довольно простые могилы, где помещались усопшие в сопровождении глиняных сосудов и сравнительно немногочисленных медных или золотых изделий. В некоторых ямах количество вещей было исключительно велико. Своего рода золотое изобилие поразило исследователей: в одном из комплексов было найдено 1518 золотых украшений. В принципе это было отражение благоустроенного быта общества, пользующегося каменными теслами и топорами, которые были найдены здесь же. Достигнутая при этом определенная роскошь подчеркивается

золотыми и медными украшениями и символическими предметами. Некрополь в целом характеризует и материальные успехи общества, в значительных масштабах осуществляющего добычу и обработку руды. Вместе с тем, налицо архаичность социальной структуры без четких признаков имущественных различий. Поразителен глиняный сосуд, орнамент которого образован плавленным золотом. Воистину, ценность металла еще была частично чужда обществу традиционного равенства и благосостояния.

На протяжении почти трех тысячелетий зона раннеземледельческих обществ Балкано-Дунайского типа оставалась наиболее ярким центром на территории европейского материка. Стабильное земледельческо-скотоводческое хозяйство было подкреплено использованием тягловой силы крупного рогатого скота и плуга при проведении борозд. Правда, сама обработка полей по-прежнему велась каменными и костяными мотыгами. Процветало прикладное искусство. Орнаментированная посуда и образцы мелкой пластики до сих пор служат украшением местных музеев. Керамические сосуды в основном украшались цветной росписью, иногда использовался резной орнамент, но сами узоры затейливых композиций были неизменно впечатляющими.

Поселения обычно невелики по размерам, и лишь в V тыс. до н. э. появляются центры, занимавшие площадь до 10 гектаров. Многие поселки окружают рвы и валы. Но это не особые фортификационные сооружения, а, скорее, знаки организации убежищ, в которые собирались и стада скота. Организационно-управленческая функция руководства сельским хозяйством, судя по всему, была доминирующей. Но управленческие лидеры не получали яркого отражения в имущественной дифференциации. Так, погребения Варненского некрополя с многочисленными золотыми предметами отражают, скорее всего, общее богатство общины при довольно однородном социальном облике. На поселениях, в том числе и на крупных, нет монументальных строений, игравших роль репрезентативных резиден-

ций и значимых религиозных центров. Иногда в поселках располагаются несколько культовых центров. Но своим размерам они обычно равнозначны; видимо, каждое обеспечивало культовые потребности нескольких большесемейных общин, обитавших в этом поселке. Из меди, получающей заметное распространение в IV тыс. до н. э., изготовлялись украшения, культовые объекты, мелкие орудия типа проколов и игл. Известны также медные топоры и другого рода крупные изделия, но они сравнительно редки. Вероятно, медные изделия не составляли производственной конкуренции традиционным каменным и кремневым орудиям. Характерной чертой обществ балкано-дунайского круга остается и производство кремневых орудий, достигающее высокой степени совершенства и мастерства. Вполне возможно, что эти изделия являются продуктом общинного ремесла и в ряде случаев шли на обмен и первобытную торговлю.

Вместе с тем, в ряде отношений балкано-дунайские общества уступают развитым центрам своего времени. При всех достижениях прикладного искусства оно не вышло за рамки, заданные исходной традицией, ведущей свое начало от анатолийского центра. Не получают развития и стабильные внешние связи с тогдашними мировыми культурами. В этом также проявляются отличия от анатолийского региона. В целом все более проявляется тенденция к замедлению и гомеостазису как свидетельствам угасания творческого потенциала.

Правда, в конце V — IV тыс. до н. э. балкано-дунайский блок переживает существенные изменения, когда происходит освоение новых рубежей в восточном направлении и продвижение на новые территории. Там складываются культурные комплексы, развивающие давние анатолийские традиции в сфере культуры, но, естественно, в новом, специфическом оформлении. Они формируются на основе распространенной в Румынии культуры Боян и по месту первоначального открытия и последующего широкого распространения получили наименование трипольско-кукутенской общности. Она всесторонне

изучена благодаря многолетним работам ученых России, Украины и Молдовы. Выявлено более тысячи памятников. Многие поселения раскопаны полностью или в широких масштабах. Для изучения полученных материалов использованы современные методы, в том числе трасологическое изучение орудий труда как основы производственного потенциала общества.

В материальной культуре Триполья четко выступает основная триада, характерная для регионального типа культур балкано-дунайского блока (табл. IX), — прочные наземные жилища, богато орнаментированная керамика и массовое изготовление мелкой пластики. Особенно четко был выработан домостроительный канон, являющийся одним из основных признаков Триполья как археологического комплекса. На трипольских поселениях представлены различные типы жилых строений, в том числе простые полужемлянки. Но наиболее типичны тщательно возведенные прямоугольные дома значительных размеров, часто двухэтажные, что ясно видно по детальным раскопкам и по моделям самих жилищ, изготовленным из обожженной глины. Для строительства самих домов использовались дерево и глина, при помощи которых создавались довольно сложные конструкции. Пол помещений первого этажа, обычно служивших в качестве хозяйственного блока, покрывался тщательно сделанной глиняной обмазкой. Пол помещений второго этажа образовывали плахи, которые также были покрыты глиняной обмазкой. При пожаре, охватывавшем весь дом, рухнувшее межэтажное перекрытие образовывало плотную обожженную массу, именуемую археологами «трипольскими площадками». Видимо, при оставлении жилых строений они специально сжигались, что объясняет четкие внешние признаки руин трипольских поселений при археологических поисках.

Намечена достаточно ясная картина развития культуры трипольского общества. На раннем этапе были широко освоены Буго-Днестровское междуречье и районы к востоку от Южного Буга. По площади выделяются три группы поселений, причем

Таблица IX. Трипольская культурная общность.

обычно крупные являются центрами микрорайона, где сосредоточены более мелкие поселения. Эта гнездовая структура, скорее всего, отражает племенное деление трипольского общества. Сами поселения часто имеют оборонительные рвы и валы. Глиняная посуда украшена резным и штампованным орнаментом сложной композиции. Многочисленные женские статуэтки воспроизводят пышнотелых матрон с подчеркнутой стеатопигией и богато украшены резной орнаментацией. В дальнейшем происходит активное освоение новых пространств Поднепровья вплоть до района Киева. Глиняная посуда украшена уже не резным орнаментом, а богатой росписью, что более типично для памятников балкано-дунайского блока. Меняется и стиль статуэток, которые становятся плоскостными и изображаются в сидячей позе. Важным новшеством стало появление огромных по территории поселений, которые имеют обычно кольцевидную застройку, причем дома образуют несколько колец, обычно числом до трех. Эти поселения есть все основания именовать суперцентрами. Например, одни из них — Майдаецкое, относящееся уже к началу позднего периода Триполья, занимало площадь около 300 га и состояло из полутора тысяч строений, сконцентрированных в три овала. Огромные размеры таких поселений породили стремление некоторых исследователей считать их городами, или по крайней мере протогородами. Однако здесь не отмечена концентрация производств, позволяющая говорить о выполнении функции ремесленных центров. Нет и монументальной архитектуры как свидетельства выполнения функции идеологического и светского лидерства. Скорее всего, перед нами непомерно разросшиеся центры обширной сельскохозяйственной округи, игравшие роль организационно-управленческого лидерства. Совершенно ясно, что сооружение столь крупных и хорошо спланированных центров требовало единого руководства, и поэтому есть все основания относить Триполье к числу ранних комплексных обществ. Судя по времени обитания, эти суперцентры не были одновременны и могли сменять друг друга.

В позднюю эпоху Триполья такие поселения уже не представлены, а культура, в которой выделяется целый ряд локальных вариантов, несет все более отчетливые черты дезинтеграции. К концу IV — началу III тыс. до н. э. трипольское общество, как и почти все общества балкано-дунайского типа, приходит в упадок и деградирует. Соединение со степными традициями, в частности, с типом курганных захоронений, дает интересный образчик культурного синтеза в виде усатовской культуры.

Формирование трипольского общества и его бурная активность в освоении новых пространств были, по существу, финальным аккордом в эволюции обществ балкано-дунайского блока. Их упадок и деградация не представляли собой в плане узкой хронологии какого-то одномоментного явления, но эпихально это был единый поток, в корне изменивший историко-культурную карту Восточной Европы.

В общем плане это было, безусловно, одно из проявлений ритмов культурогенеза, перепада в ходе общего развития. Раннеземледельческие общества балкано-дунайского типа, достигнув значительных успехов в культурном развитии, не смогли перейти к цивилизации, как это имело место в Месопотамии и, в более замедленном темпе, в Иране, на юге Средней Азии или в Восточном Средиземноморье. Показательно сопоставление с судьбой Анатолии, традиции которой во многом стали исходным пластом для обществ балкано-дунайского блока. После взлета, стимулированного «неолитической революцией», развитие раннеземледельческих культур пошло здесь более замедленными темпами. Однако постепенное развитие ремесел, регулярной торговли, приобретающей международный характер, и, что весьма важно, тенденции военно-аристократического пути политогенеза вели к формированию местных цивилизационных образований второго порядка. В Балкано-Дунайском регионе гомеостазис в конечном итоге завершился упадком и определенной деградацией.

Здесь можно говорить о целом ряде факторов и предпосылок. Общество, удовлетворенное сложившейся жизненной системой, не стремилось к новациям. Старые формы были исчерпаны, а новые не формировались в условиях стагнации и традиционализма. Масштабы и характер производственной деятельности балкано-дунайских обществ вполне удовлетворяли традиционные первобытные организационно-управленческие формы руководства. Жесткая тенденция в управленческой централизации отсутствовала. Это касается и календарно-астрономической сферы, в меньшей мере привязанной к хозяйственной деятельности в отличие от аридной зоны с циклами орошаемого земледелия. В последнем случае жрецы и храмы все более становились общественно необходимой структурой, важным компонентом процесса политогенеза. Имеющиеся материалы свидетельствуют и об относительно спокойной жизни без жесткой необходимости к развитию оружейного дела и лидерства военно-аристократических начал. Следует иметь в виду, что балкано-дунайские общества развивались в зоне относительной изоляции от передовых для своего времени центров прогресса, которые представляли собой великие цивилизации Месопотамии и Египта.

В целом данная зона порождала атмосферу интеллектуального спокойствия и довольства образом жизни, не требовавших активных поисков, неординарных решений. В этом отношении достаточно показательна ситуация с обнаружением в Румынии на раннеземледельческом поселении Тартария табличек с письменностью явно типа протошумерской иероглифики. Эти три документа были изучены крупнейшим шумерологом А. А. Вайманом, который определил их содержание, как, кстати, и большинства документов древнего Шумера, как хозяйственных документов (Вайман, 1994). Вместе с тем, он твердо считает, что это не шумерская письменность, хотя и создана по ее подобию. Скорее всего, это были анатолийские современники Шумера, которые все теснее соприкасались с носителями этой цивилизации, переселяющимися на юго-

восток Малой Азии. Показательно другое: попав в зону балкано-дунайского общества, видимо, как своего рода культовые раритеты, эти документы ни в коей мере не оказали влияния на местное общество. Скорее всего, в нем подобная письменность и связанная с ней систематизация информации еще не были востребованы обществом, вполне удовлетворявшимся системой простых законов и орнаментов на керамике и сравнительно редких печатях.

Местное общество, вполне удовлетворяемое уровнем своего сельского хозяйства и всей системой жизнеобеспечения в целом, включая благоустроенные дома, особенно трипольского типа, и эстетическое обеспечение объектами прикладного искусства, также не жаждало особых перемен.

Все это были глубинные факторы, которые, скорее всего, сочетались с другими, явно конкретными явлениями, вроде активных вооруженных соседей или истощения полей в ходе интенсивного подсечно-огневого земледелия. В конечном итоге вся система, не выработавшая новых подходов и начал, оказалась мало жизнеспособной, ее возможности за три тысячелетия были исчерпаны.

Глава 7

МИНОЙСКОЕ ОБЩЕСТВО — ПЕРВАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Почти так же рано, как в Балкано-Дунайской зоне, раннеземледельческие культуры получили распространение на юге Балканского полуострова и на прилегающих, довольно многочисленных островах. Здесь, как и в балкано-дунайском регионе, представлены такие элементы материальной культуры, как расписная керамика и женские статуэтки. Набор их, однако, менее значителен, и стиль выполнения довольно обыденный. Местные культуры не достигают на первых порах того блеска и процветания, которыми отличались карпато-дунайские общества.

Со временем, однако, ситуация все более меняется. Скорее всего, в этом немалую роль сыграло развитие тесных связей с древневосточным миром (Анатолией, Сирией, Египтом). Эти связи, шедшие морским путем, способствовали обмену различного рода товарами и изделиями, и, что особенно существенно, — знакомству с интеллектуальными и культурными достижениями высокоразвитых современников. Эта ситуация коренным образом отличалась от ситуации самодовольной стагнации, в которой пребывали общества балкано-дунайского блока. Развитие обществ греческого региона стимулировалось также целым рядом факторов.

Почти одновременно с хараппской цивилизацией Индостана на другом конце ойкумены первых цивилизаций Старого Света формируется структура, характеризующая продвижение населения европейского материка по этому тернистому пути. Примечательно, что при полном своеобразии культурного облика этой структуры, судьба ее, как отражение ритмического ха-

рактера процесса культурогенеза, оказалась во многом сходной с судьбой своего индостанского собрата.

На юге Балканского полуострова, в Греции и на островах Эгейского моря, включая Крит, раннеземледельческие общины довольно рано начали свой путь развития, хотя соответствующие материалы отрывочны и не всегда выразительны. Более определенно можно говорить об успехах в III тыс. до н. э. интенсивного земледелия, ремесел и торговли на дальние дистанции. Земледелие в этих районах, где урожаем обеспечивали естественные осадки, опиралось на известную средиземноморскую триаду — зерновые, оливки и виноград. При этом оливковое масло и такой важнейший продукт виноградарства, как вино, помещавшееся при транспортировке в специальные сосуды — амфоры, — весьма рано стали товарной продукцией. Эта продукция доставлялась в Сирию, Финикию и, видимо, даже в Египет. Подъем металлургии, с одной стороны, привел к формированию устойчивой группы ремесленников-профессионалов, с другой — стимулировал устойчивые торговые связи, обеспечивающие доставку меди и олова. Характер таких связей диктовался самим островным положением многих центров, и здесь рано развивается мореходство, что сказалось на всей последующей эволюции, вплоть до Греции классического периода. Уже в 2800–2400 гг. до н. э. получили распространение многовесельные корабли с высоким носом, позволяющим преодолевать значительное волнение на море. Гребцы сидели в ряд, причем, судя по изображениям, таких рядов было до 17. Если для Хараппы и Шумера морская торговля была одним из побочных укладов древней экономики, то здесь ее первостепенное значение для всей жизни не оставляет сомнений.

Регулярные морские транспортные связи играли немаловажную роль в целом ряде отношений. Многочисленные острова, населенные различными племенами, отнюдь не образовывали и политического единства. Широкое распространение получают морской разбой и самое настоящее пиратство. В результате военное дело охватывает и водные просторы, лидеры

становятся во главе морских вооруженных группировок. Это способствует развитию активного военно-аристократического пути политогенеза и, соответственно, активному выделению лидеров.

Как и повсюду в оседлых обществах, главным показателем культурной и хозяйственной эволюции становились поселения. Развитие, наряду с мореходством, морского разбоя стимулировало и военную функцию общества. Крупные населенные центры, расположенные на островах Эгейского моря, как правило, окружены стенами, усиленными башнями (Полиохни, Ферми). Мореходство, морская торговля и связанные с ними вооруженные конфликты способствовали развитию в общественном менталитете свободы, инициативы и динамизма.

Очень скоро на первое место в этом развитии выдвигается Крит, где быстро растет численность населения, образуя как бы демографический задел формирующейся цивилизации, нуждавшейся, помимо прочего, в значительных людских ресурсах. Судя по всему, в этом обществе выдвигаются лидеры, осуществлявшие организационно-управленческие и военные функции. Резиденциями таких лидеров могли быть крупные дома, условно именуемые «домами правителей». В материковой Греции в Лерне такая резиденция была двухэтажной и занимала площадь 25×12 м. В кладовых стояли глиняные сосуды и деревянные ящики для хранения запасов, которые, явно будучи прибавочным продуктом, обеспечивали лидеру рычаги хозяйственного управления. Оттиски печатей на глине показывают, что значительный круг лиц нес ответственность за сохранение и, видимо, распределение этих запасов.

Наиболее благоприятные условия для такого развития сложились на Крите, где уже в начале II тыс. до н. э. сооружаются огромные здания дворцового характера. Вскоре появляются и письменные документы так называемого линейного письма А, до сих пор не поддающегося убедительной дешифровке. Дворец в Кноссе, тщательно изученный английскими археологами, неоднократно перестраивался и под конец зани-

мал огромную площадь в 15000 м², насчитывая до 300 помещений. Греческая мифологическая традиция хорошо знает о могущественной критской державе. Согласно этой традиции, там правил царь Минос, и поэтому вся древняя цивилизация именуется современными исследователями минойской (табл. X). Минос характеризуется как владелец могущественного флота, а его дворец породил легенду о знаменитом лабиринте, где заблудившийся путник попадал в лапы ужасного человекобыка Минотавра. Считалось, что Крит находился под особым покровительством Зевса и именно туда в образе небесного быка он доставил похищенную им красавицу Европу, по имени которой теперь называется один из наиболее развитых материков наших дней. Бык был животным, особенно почитаемым на Крите, и, скорее всего, именно к минойской цивилизации восходит традиция корриды. Во всяком случае, на фресках кносского дворца можно видеть драматические сцены противоборства быка и древнего тореадора, которому ассистируют молодые девушки. Большую роль на Крите играл и брат Зевса Посейдон, повелитель морей, с которым также связан бык, появляющийся по этому мифу из морской пучины. Огромная роль моря в жизни островной цивилизации с развитой морской торговлей и могучим флотом позволили А. Тойнби даже назвать минойскую цивилизацию, по его антитезе («Вызов — Ответ»), ответом на «вызов Посейдона».

Дворцовое здание Кносса было только центральным сооружением такого рода. Менее значительные дворцы располагались в других частях острова, видимо, образуя основу своего рода административной системы. Дворцовые здания были местом сосредоточения огромного количества различных запасов, учет и распределение которых, судя по всему, находили отражение в табличках, заполненных слоговым письмом, и контролировались сложной бюрократической машиной. Во дворце находились и помещения, которые можно трактовать как предназначенные для культовых церемоний. Все это указывает на множественность функций дворцовых комплексов. Это были

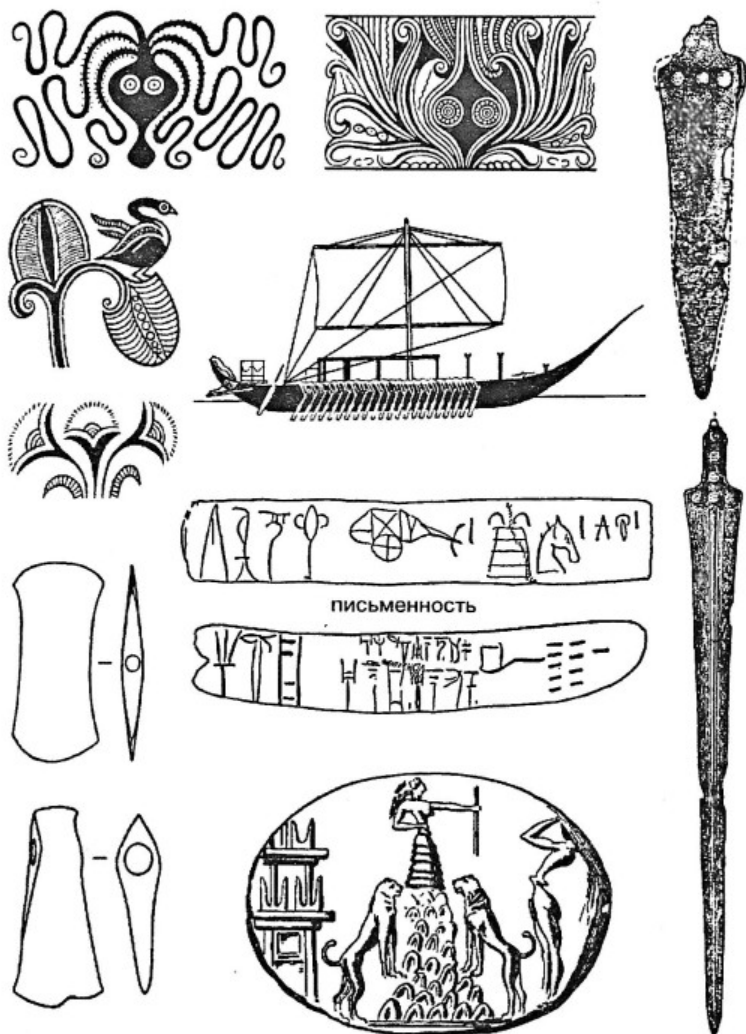

Таблица X. Мinoйская цивилизация.

административные и культовые центры, места, где сосредотачивались житницы и мастерские, предметы, получаемые в результате торговли. Иными словами, эти центры явно выполняли урбанистические функции, хотя морфологически отличались от городов Месопотамии или Хараппы. Некоторые исследователи даже считают возможным говорить о своего рода «дворцовых государствах» или «дворцовой цивилизации» (Андреев, 1989). Видимо, культовые функции выполнял светский владыка, что позволяет говорить о «царях-жрецах». Во всяком случае, храмовые организмы, сопровождавшие всю историю Древней Месопотамии и игравшие в лице жречества немаловажную роль во внутривосточной истории Египта, здесь практически не представлены.

Расцвет цивилизации Крита приходится на XVI–XV века до н. э., когда его морская экспансия достигла максимальных рубежей. Весьма популярен у исследователей прилагаемый к минойскому обществу термин «талассократия», от греческого «таласса» — море. Критские колонии основываются на островах Эгейского моря и в Малой Азии. Свидетельства прямых контактов отмечены в Сирии и Палестине. В египетских росписях изображены послы «страны Кефтиу», как в египетской передаче именовался Крит. Ссылаясь на отсутствие в критском искусстве этого времени батальных сцен и сцен охоты, некоторые исследователи склонны даже идеализировать гармонию и покой, царящие в минойском обществе.

Однако в XV веке наступает катастрофа, видимо, связанная с несколькими событиями. Прежде всего, весь регион подвергся ударам сильнейшего землетрясения, и гибель одного из центров этой древней цивилизации на острове Санторин, вполне вероятно, легла в основу сюжета о гибели Атлантиды, рассказанном Платоном. Одновременно имело место и военное вторжение с материка. В окрестностях Кносса появляются многочисленные могилы воинов, погребенных в полном боевом вооружении со шлемами на головах. Полагают, что одно из греческих племен ахейцев захватило Крит и на первых порах

сохраняло дворцовую систему хозяйства. Используя традиции слогового письма, они создали так называемое линейное письмо Б, успешно дешифрованное в середине XX века и приспособленное к греческому языку. Однако вскоре активная жизнь на знаменитом острове затухает, и центр импульсивного развития перемещается в материковую Грецию. Древняя цивилизация Крита уже не играет особой роли в истории Греции. На первое место выдвигаются новые центры, расположенные уже не на юге, а прямо на территории Пелопоннеса.

Традиции минойской цивилизации сохранялись, но были трансформированы и перенесены в несколько центров на материке. Развивавшаяся там цивилизация, начало которой восходит ко второй половине XVI века до н. э., получила наименование микенской по наиболее хорошо изученному яркому ее центру, известному еще Гомеру как резиденция верховного лидера греческих вождей, отправившихся на осаду Трои. В Микенах раскопаны огромные гробницы, сооруженные из массивных каменных плит, что было результатом организованного, концентрированного труда. Только одна плита над входом в такую гробницу имела вес в 120 тонн. В неразграбленных гробницах обнаружены значительные богатства, в том числе разнообразное оружие. На памятниках прикладного искусства немало батальных и охотничьих сцен. Строители и пользователи гробниц отнюдь не были мирными созерцателями, сибаритствующими в критских дворцах. Гробницы, скорее всего, принадлежат лидерам ахейцев, вторжение которых в Грецию с северобалканских просторов обычно относят к концу III — началу II тыс. до н. э. Подчинив местное население, очевидно, также греческое по языку, лидеры пришельцев со временем восприняли основные параметры сокрушенной ими минойской цивилизации.

Главными центрами нескольких владений, на которые распадалась материковая Греция, были опять-таки дворцовые комплексы. Из них лучше всего изучен дворец в Пилосе, названный, с учетом гомеровской традиции, «дворцом Нестора». В принципе, здесь налицо те же компоненты, что и в критских

строениях: парадные залы, культовые центры, многочисленные хранилища и мастерские. Обширный архив, глиняные таблички которого обгорели в пожаре и поэтому неплохо сохранились, написан с использованием линейного письма Б. Из них мы узнаем о сохранении строгой централизованной системы, контролируемой многочисленной бюрократией. Верховный владыка — царь — носил титул «ванак» (Palmer, 1961). Рабы и рабыни были организованы в отряды, получали производственные задания и вознаграждались пайками. Несколько свободнее было положение ремесленников, которые, однако, также строго контролировались. Ахейские поселения представлены на островах, в разных местах Малой Азии и Сирии, ахейцы участвовали в потрясшем Египет нападении на него «народов моря». Гомеровская традиция сохранила описание одного из таких военных мероприятий — осады Трои, — придав ему эпико-мифологические черты. Троя, давно уже раскапываемая археологами, подразделена исследователями на несколько последовательных слоев, и, судя по всему, штурм Трои слоя VIIa, происходивший в середине XIII века до н. э., был реальным историческим событием, расцвеченным изложением гениального поэта античного мира.

Микенская цивилизация столь близка минойской, что их часто объединяют в одно понятие, говоря о «крито-микенском мире». Микенский вариант этого исторического феномена, в принципе, претерпел ту же судьбу, что и его критская предтеча. С конца XIII века до н. э. северо-балканский племенной мир приходит в движение, энергичные и воинственные варвары прорываются на юг, и один за другим либо гибнут, либо постепенно запустевают основные центры первой цивилизации Европы. Происходит, как и в Индостане, перерыв постепенности. Причем, как и в Южной Азии, он был настолько значителен, что была полностью забыта широко распространенная система письменности, и греческий алфавит, которым до сих пор пользуется значительная часть цивилизованного мира, был выработан на совершенно иной основе, с использованием финикийских

знаков. Разумеется, такое масштабное историческое явление в процессе культурогенеза и социогенеза не могло быть только делом рук «нехороших» варваров.

Система дворцового экономического и культурного лидерства была, по сути, лишь тонкой вуалью над массовым населением страны, развивавшим прежние традиции и старые формы культуры и организации. Ю. В. Андреев подчеркнул, что в этих внедворцовых центрах процесс урбанизации и социогенеза носил более медленный и архаический характер. Как только рухнули культурные и политические лидеры, а новое руководство, принесшее более архаические порядки, в отличие от ахейцев, не было заинтересовано в развитии прежних централизованных бюрократических традиций, дворцовая цивилизация распадается. История делает ощутимый шаг назад, с тем чтобы начать новое восхождение, уже в гомеровские времена. Разительность перемен показывает даже титулатура лидеров. Микенские царьки носили титул «ванак», должностные лица более низкого ранга, управлявшие поселениями, имели титул «басилеев». Теперь уже басилеи — это царьки, и этот термин прочно входит в иерархическую номенклатуру классической греко-римской истории.

Глава 8

ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИРАНА: НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Обширная территория Ирана, как и более западные области Ближнего Востока, входила в зону интенсивного развития раннеземледельческих культур. Однако темпы этого процесса были различными в различных областях страны, что было связано с природно-климатическими факторами и с характером культурных связей и взаимодействий. Эти факторы сказались и на неравномерном характере культурного развития. Юго-запад Ирана, провинция Хузистан, географически представляет собой часть Месопотамской низменности, орошаемой в данной области относительно крупными водными артериями — Каруном и Керхе. Плодородные почвы, жаркий сухой климат во многом сближают его с Южной Месопотамией, что наложило отпечаток и на особенности культурного развития.

Первоначально внутрирегиональные различия были не столь велики и не выходили за рамки культурного разнообразия раннеземледельческих культур и групп памятников. В юго-западном Иране же в VII–VI тыс. до н. э. наблюдается постепенный прогресс раннеземледельческих культур. В одной из долин в подгорной зоне, расположенной на окраине Месопотамской низменности, изучено поселение Али-Кош, где в нижних слоях обнаружена культура козьих пастухов, занимавшихся также (правда, в ограниченных масштабах) выращиванием пшеницы и ячменя. Прочные дома строились из сырцового кирпича, и стены их со временем стали окрашиваться в красный цвет. Этот памятник достаточно четко рисует и последующую эволюцию раннеземледельческого общества. Эта культурная традиция постепенно развивается, появляется украшенная

расписными узорами глиняная посуда, все шире осваивается долина рек Карун и Керхе, что было невозможно без искусственного орошения полей. Изготавливаются и схематические женские статуэтки. Раннеземледельческие культуры в VI-V тыс. до н. э. широко распространяются по Иранскому плато, образуя ряд локальных формопроявлений.

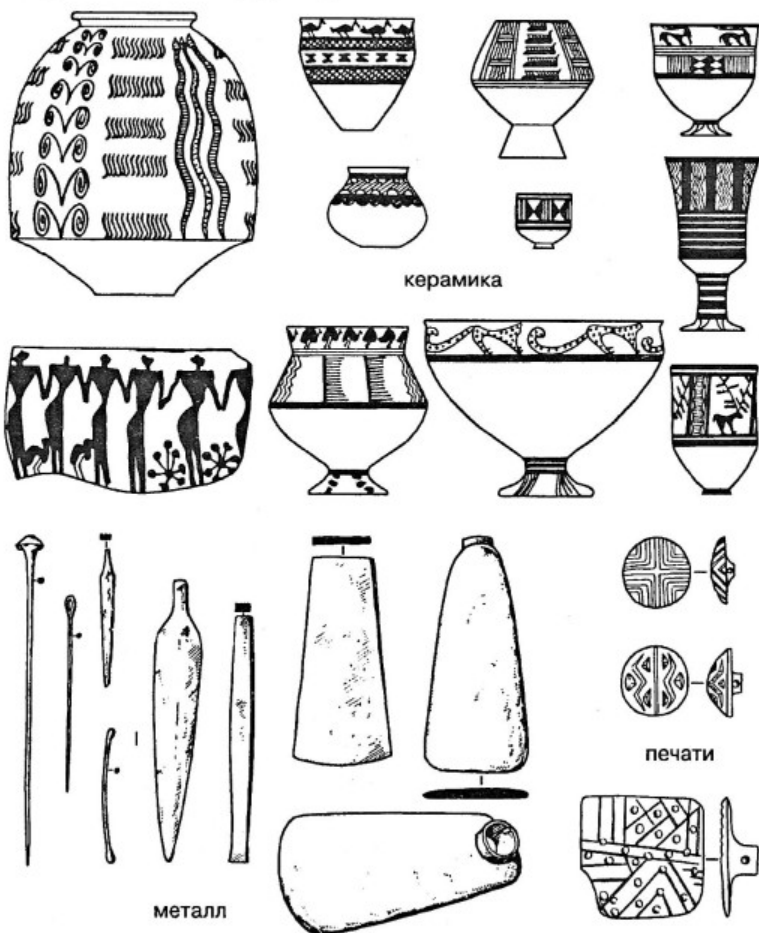

Таблица XI. Комплекс Сялк III.

Весьма показательна культура нижних слоев Тепе Сяллка около Кашана в Центральном Иране. Здесь сравнительно рано появляются медные изделия: булавки, шилья и иглы. Налицо типичные компоненты раннеземледельческой культуры — прочные глинобитные дома и расписная глиняная посуда. Каменные наконечники мотыг указывают на практиковавшийся способ обработки полей. И Сяллка, и подобные ему поселения, расположенные на Иранском плато, рисуют достаточно четкую картину постепенной культурной эволюции (табл. XI).

Наиболее стремительным было развитие на юго-западе Ирана, в области, именовавшейся в древности Эламом. Здесь прогресс явно идет по месопотамскому пути. Происходит ускорение темпов культурной и хозяйственной эволюции, и уже в IV тыс. до н. э. формируется местная цивилизация древневосточного типа. Наиболее ярко этот процесс отразился в материалах крупного центра этого региона — древних Сузах, раскопки которого в начале XX века стали важным событием древневосточной археологии (Le Breton, 1957). Эволюция, начавшаяся в архаической культуре Али-Коша, получила стремительное продолжение. Как и в районе Урука, происходит резкое увеличение количества поселений: в Сузиане их насчитывается около ста. Это был подлинный демографический скачок, способствовавший дальнейшему прогрессу производства. Постепенно культура все более совершенствуется. В расписной керамике большое значение приобретают зооморфные мотивы высокой художественной ценности. Появляются пуговицеобразные печатки и оружие — каменные булавы и топоры со сверленным отверстием. Завершает эту линию развития комплекс Сузы I, или Сузы А, с которого почти столетие назад началось изучение первобытной археологии Передней Азии. Расписная керамика, среди узоров на которой часты изображения козлов, собак и птиц, является одним из лучших произведений художественного ремесла Древнего Востока. На пуговицеобразных печатках нередко воспроизведения животных и людей. Медные изделия — тесла, топоры, зеркала —

изготавливались способом литья в закрытых моделях. Крупным центром этого периода были сами Сузы, где обнаружена мощная платформа, прослеженная в длину почти на 80 метров. Скорее всего, на платформе располагались какие-то крупные и достаточно престижные строения. Сузы явно становятся центром богатого сельскохозяйственного района. Сосредоточение медных вещей в небольшой части могил указывает на процесс имущественной и социальной дифференциации. На печатях становится популярным образ антропоморфного «хозяина животных», что может указывать на выдвижение в обществе на первый план фигуры жреца-правителя.

В середине IV тыс. до н. э. здесь, как и в соседнем Южном Двуречье, активно идет процесс становления местной цивилизации. Почти вся керамика изготавливается с помощью гончарного круга, и расписные орнаменты на этой стандартной посуде исчезают. Налицо и прогресс металлургии, продукция которой здесь гораздо чаще встречается при раскопках, в отличие от отдаленного от рудных источников Шумера. В специальных формах отливали топоры с поперечным лезвием. Довольно сложными изделиями были булавки с навершиями в виде фигур животных. Появляются и металлические сосуды. Сами Сузы все более приобретают урбанизированные черты. На вершине главного холма этого городища раскопана двухступенчатая платформа, занимающая площадь около 60×45 м. О развитии высотной архитектуры говорят и изображения на печатях, на которых мы видим строения, имевшие по крайней мере трехэтажную конструкцию. Скорее всего, это, как и платформа в Сузах, — свидетельство развития монументальной храмовой архитектуры. Появляются цилиндрические печати, в некоторых отношениях следующие месопотамским образцам, но имеющие ряд специфических локальных черт в иконографии. Многоотраслевая экономика явно должна была управляться сложным аппаратом, обладающим в силу необходимости определенной профессиональной подготовкой. Среди изображений на печатях мы находим и изображение персонажей, видимо,

стоящих во главе общества. Это фигура жреца-правителя, сидящего на троне, поддерживаемом скульптурами быков. Важность персонажа подчеркивается (как и на египетских плакетках) его крупномасштабным изображением, по сравнению с которым другие лица этой сцены — просто пигмеи. Сцены расстрела людей из луков, имеющиеся на тех же цилиндрических печатях, свидетельствуют о развитии военной функции формирующейся цивилизации. Появляются и таблички с местной пиктографией, как бы завершая около 3100 г. до н. э. формирование местной цивилизации, которую есть все основания именовать эламской. Таким образом, юго-восток Ирана стал родным из центров первых цивилизаций на Ближнем Востоке.

В связи с эламской, или, как ее именуют исследователи для ранних этапов, протоэламской цивилизацией возникает две группы вопросов.

Первое — воздействие высокоразвитых центров Южного Двуречья. Мощный месопотамский импульс в культуре раннего Элама не вызывает сомнений. Сосуды, сделанные на гончарном круге быстрого вращения и лишенные какой-либо орнаментации, явно следуют урукским образцам. То же можно сказать и о цилиндрических печатях, хотя в этой, явно заимствованной, форме изделий почти с самого начала складывается местный, эламский стиль. По сути дела такое же положение и с протоэламской пиктографией: ее создатели следовали шумерским образцам, но не были их слепыми копиистами. Таким образом, культурные связи и воздействие месопотамских эталонов налицо, но они, как правило, выступают в адаптированной, часто селекционно переработанной форме. Едва ли можно прямолинейно говорить о колонизации Элама выходцами их Шумера. Скорее следует ожидать наличия, скажем, в Сузах, небольшой колонии шумерских ремесленников, но подобная концентрация соответствующих артефактов пока не отмечена исследователями, раскапывавшими это городище. Если здесь и имел место процесс стимулированной трансформации, то, во-первых, шумерские импульсы легли на культурно-

хозяйственную среду, мало чем, кроме локальной специфики, отличавшуюся от Южного Двуречья, и, во-вторых, довольно быстро начался процесс переработки этих сторонних инноваций, их адаптация к местным условиям и традициям.

Вторая группа вопросов связана с прямым воздействием уже самих эламских эталонов и стандартов на своих восточных соседей. По существу, это прямой аналог процессу, именуемому «урукской экспансией». В Центральном Иране типичный протоэламский комплекс с пиктографическими табличками и цилиндрическими печатями перекрывает поселение местных ранних земледельцев на Тепе Сиалк, где образует комплекс, названный исследователями Сиалк IV (Массон, 1964). Подобная протоэламская «фабрика» раскопана и на поселении Годин на восточных отрогах Загроса. К несколько более позднему времени относится поселение с явными чертами протоэламского культурного комплекса на Тепе Яхья в Юго-Восточном Иране, уже довольно далеко от собственно Элама.

Прямая аналогия урукскому продвижению на северо-запад в области Малой Азии налицо. Так же, как и там, исходные импульсы могут быть ощутимы на значительном расстоянии от зоны непосредственной колонизации, как это имеет место с табличками румынской Тартарии. Протоэламская табличка найдена на поселении Шахри-Сохте в иранском Сейстане в бесспорном контексте местной оседло-земледельческой культуры. Механизм распространения подобных протоэламских поселков на территории Иранского плато мог быть различным. Совершенно ясно, что перед нами, как и в малоазийских урукских поселках, прямое расселение протоэламских общин, вытесняющих местные культурные комплексы. В числе мигрантов, скорее всего, могли быть и торговцы, претендующие на пути поставки в древневосточные цивилизации лазурита и металлических руд.

Как бы то ни было, вместо довольно монотонной картины сравнительно архаических раннеземледельческих культур в Иране мы видим две зоны, отражающие неравномерность

исторического развития. Первая зона — это эламская цивилизация урбанистического облика, явно следующая месопотамскому пути развития и заимствующая с запада некоторые стандарты и эталоны. Вторая обширная зона — это раннеземледельческие общества, развивающиеся более замедленными темпами и зачастую уступающие свои земли активным эламским мигрантам. Правда, надо сказать, что, как и в Малой Азии, с исчезновением урукских поселений наступает полный возврат к местным культурным традициям; ту же картину мы наблюдаем и повсеместно на территории Ирана. На этих просторах продолжается процесс прогрессивного развития по пути к цивилизации, но не столь стремительными темпами, как в Шумере и Эламе.

Своеобразным явился путь развития области южного побережья Персидского залива, в первую очередь Бахрейна и Омана. В III тыс. до н. э. эта область достигает сравнительно высокого уровня благосостояния. Земледелие и литье медных изделий приходят на смену ранее процветавшим здесь архаическим традициям неолитических рыболовов и охотников. Формируется культурный комплекс протогородского облика. Налицо и монументальное строительство, представленное храмовыми комплексами Барбара. Клады, включающие высокохудожественные изделия, свидетельствуют о накоплении богатств, а глиптика — об использовании художественных эталонов Южного Двуречья. Вместе с тем в культуре налицо и связи с общинами Юго-Восточного Ирана. Нет сомнений в том, что своим подъемом общины Персидского залива обязаны развитию многоступенчатой торговли между Месопотамией и Индостаном, где в это время формируется харапская цивилизация. Недаром сложился даже синтетический тип печатей, объединяющий месопотамские и харапские черты, — так называемые «печати Персидского залива». Не менее показателен и постепенный упадок этих центров после дезинтеграции Харалпы и резкого сокращения и даже прекращения связей между двумя великими цивилизациями Древнего Востока.

В других областях Ирана продолжается постепенный процесс перерастания раннеземледельческих обществ в протогородские или раннегородские цивилизации.

Этот процесс сопровождался использованием культурных моделей Шумера и Элама, инкорпорируемых в местную среду. Одним из центров этого развития был Северо-Восточный Иран с такими памятниками, как Тепе Гисар и Тюренг Тепе. Здесь постепенно идет становление высокоразвитого общества на местной основе: развиваются ремесла, постепенно нарастает социальное ранжирование, что находит отражение в наборах погребального инвентаря. На Тюренг Тепе центральный холм путем дополнительных обкладок был оформлен как платформа высотой в 34 м для монументального строения. Среди погребений выделяются содержащие дорогие и неординарные предметы, включая так называемые жезлы, увенчанные скульптурами, многочисленное оружие, изделия из золота и серебра. О процессе накопления богатств свидетельствуют и найденные в Тепе Гисар клады (табл. XII). Они содержат каменные и медные сосуды, изделия из золота и серебра, в том числе церемониальное оружие. Еще в XIX веке на Тюренг Тепе был найден Астрабадский клад, состоящий из золотых, бронзовых и каменных изделий. Среди предметов, входивших в его состав, выделяются два золотых сосуда с изображением на одном — орлов, на другом — персонажей в коротких юбочках, аналогичных одеждам жителей Шумера и Элама. Это были первые предметы, указывавшие на особую школу тореvтики, характерную для вторичных цивилизаций в зоне между Месопотамией и Индостаном. Эта школа использовала в слегка измененном стилистическом решении традиции классического шумерского искусства, добавляя к ним новые сюжеты и образы (Amiet, 1986; Masson, 1988). К числу местных традиций принадлежат и перегородчатые печати с ушком на обратной стороне, тогда как печати в виде цилиндров являются если не чисто месопотамским импортом, то местными подражаниями. На одной из цилиндрических печатей изображена легкая двухколесная колесница.

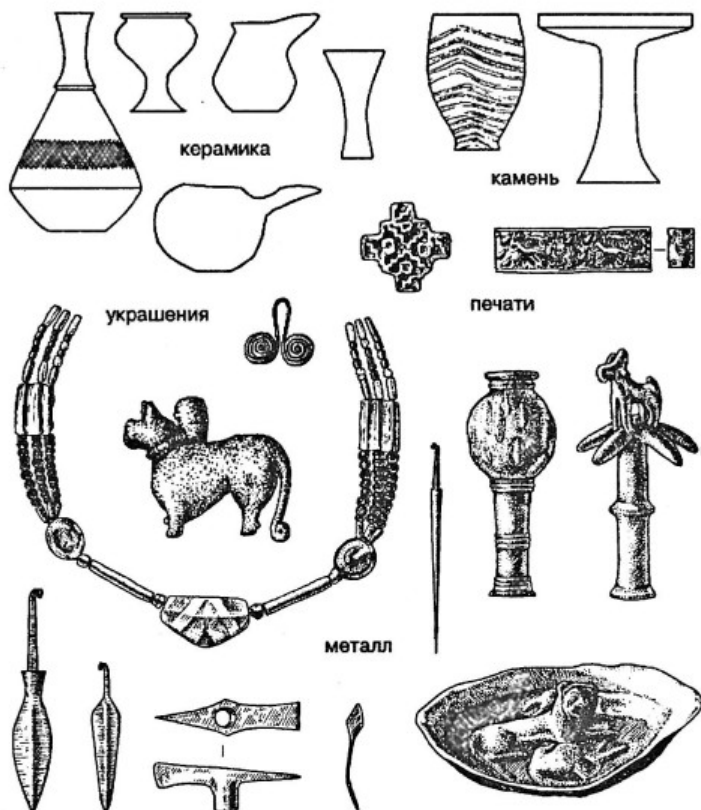

Таблица XII. Комплекс Гисар III.

Другой центр таких вторичных цивилизаций, относящихся к III — началу II тыс. до н. э., находился на востоке Иранского плато в районе дельты реки Гильменд, чьи разливы послужили благодатной средой для поливного земледелия. Здесь расположен целый ряд раннеземледельческих поселков, среди которых выделяется размерами и богатством Шахри-Сохте (Tosi, 1983). В пору расцвета этого поселения на нем формируется особый центр гончарного производства, где сосредотачиваются несколько десятков печей. Отмечена обработка лазурита

для дальнейшей его транспортировки на запад, в центры Месопотамии и Египта. Шахри-Сохте, судя по всему, служило перевалочным пунктом, где производилась и первичная обработка этого полудрагоценного камня, высоко ценимого на Древнем Востоке. Об определенной социальной стратификации общества свидетельствуют различия в инвентаре гробниц, располагавшихся в отдельном некрополе.

Выявляется на территории Иранского плато и третий очаг вторичных цивилизаций в Кермане. Своеобразной местной столицей, наподобие Шахри-Сохте, был Шахдад. Первоначально здесь сильно воздействие месопотамских эталонов. Во второй половине III тыс. до н. э. наблюдается подъем местной культуры, увеличивается число художественных изделий, использующих на селективной основе месопотамские и эламские модели. Большой интерес представляют обнаруженные в некрополе портретные керамические статуи.

Однако всем этим центрам не суждено было продолжить столь успешно начатую социальную и культурную эволюцию. Во II тыс. до н. э. и Гисар, и Шахри-Сохте приходят в запустение практически одновременно с городами хараппской цивилизации. Списать все эти явления на вторжения чужеземных племен не удастся, хотя, например, в Гисаре имеются пожарища, указывающие на драматические события. Правда, это вполне могли быть и своего рода внутренние разборки. Толчком к нарушению сбалансированных систем могли быть экологические факторы — наступление климатического максимума, сказавшегося на многих районах Евразии. Разбросанные на значительной территории, не имеющие мощного объединяющего культурно-экономического ядра, наподобие месопотамо-эламского очага ирригационного земледелия, эти вторичные цивилизации претерпевают своего рода эволюцию с обратным знаком. Новый подъем внеэламских территорий Ирана начинается со второй половины II тыс. до н. э. в условиях уже сравнительно широкого распространения индо-иранского населения и завершается в могуществе Мидийской державы.

Глава 9

ПЕРВЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИНДОСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ: РЕАЛИИ РИТМОВ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Неравномерность общественного и культурного развития с периодами стагнации и даже возвратного движения отмечается на примерах как великих, так и вторичных цивилизаций. Яркий тому образец — древнеиндийская цивилизация Хараппы и периферийные образования юга Средней Азии и севера Афганистана.

Систематические исследования памятников на северо-западе Пакистана, в так называемом Северном Белуджистане убедительно показали, что здесь, как и на всем Ближнем Востоке, достаточно рано формируется архаическая раннеземледельческая культура. В комплексе Мергар I (табл. XIII), относящемся по меньшей мере к VI тыс. до н. э., имеются и глинобитные строения, и кремневые вкладыши серпов, и разнообразные украшения, в том числе бусы из бирюзы. Облик этого комплекса достаточно своеобразен, хотя, например, кремневые орудия геометрической формы, в частности трапециевидные, имеют определенные параллели в среднеазиатских памятниках, в том числе в раннеземледельческой джейтунской культуре. Первоначально основная мясная пища жителей Мергара являлась продуктом охоты на диких животных, но вскоре уже почти половина соответствующего рациона пришлась на домашних животных, в том числе коз.

Это была исходная точка отсчета дальнейшей эволюции раннеземледельческих культур Индостана, или, как теперь говорят, в условиях субконтинента, разделенного на два отнюдь не дружественных государства Южной Азии. Раннеземледельческие общины расселяются на сравнительно большой

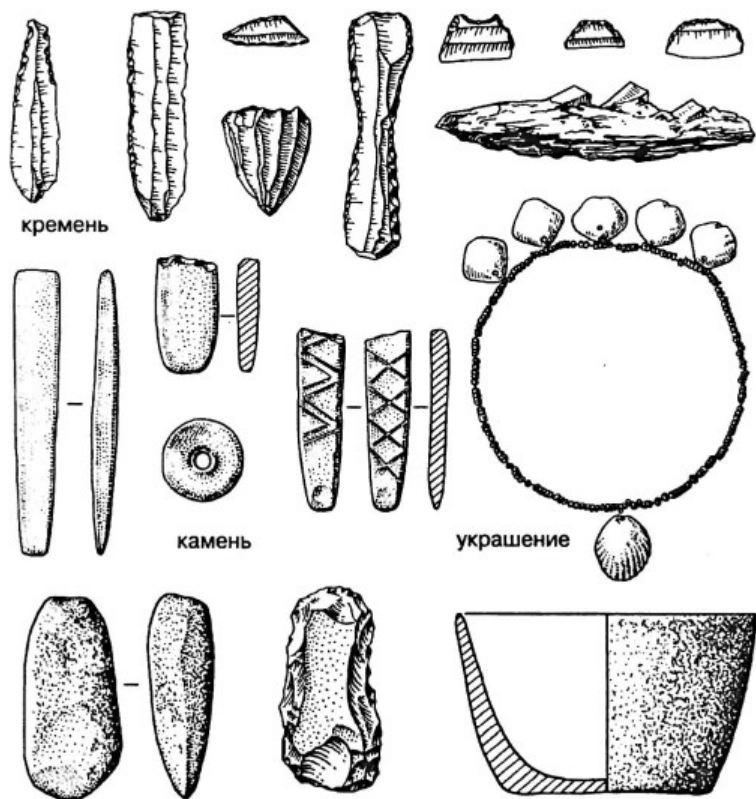

Таблица XIII. Комплекс Мергар I.

территории, в их поселках получают распространение глиняная посуда, украшенная росписью, глиняные фигурки женских покровительниц плодородия и различных животных. Налицо определенная переключка с более западными центрами раннеземледельческой культуры, откуда, вероятно, были получены первые пары мелкого рогатого скота, а затем и такое техническое новшество, как гончарный круг. Однако крупный рогатый скот близок местной зебувидной породе и, скорее всего, имеет местное происхождение. В культуре, например, в рас-

писной керамике и терракоте, прослеживаются определенные связи с одновременными памятниками Ирана и Южного Туркменистана. Установлено передвижение групп населения из последнего в конце IV тыс. до н. э. в Шахри-Сохте в иранском Сеистане, не столь отдаленном от Северного Белуджистана. Но, разумеется, основными были местные стимулы хозяйственного и культурного развития. В плане перспектив дальнейшего прогресса особенно важным было постепенное освоение долины такой крупной речной артерии, как Инд. Это произошло в достаточно широких масштабах уже в первой половине III тыс. до н. э., когда здесь формируется комплекс, получивший наименование по наиболее изученному памятнику Кот-Диджи. Наблюдается уже двучленная группировка поселений, и более крупные из них, такие, как сам Кот-Диджи и Калибанган, укрепленные обводными стенами, можно уже считать первыми городками. При строительстве теперь используется не только сырцовый, но и обожженный кирпич. Это было очень важно для зоны проливных мусонных дождей. Активно развиваются различные ремесла — от производства посуды с помощью гончарного круга до металлургии. Обычай широкого использования украшений получает дальнейшее развитие. Бусы для ожерелий и браслетов изготавливались из самых различных материалов: сердолика, стеатита, раковин, меди и даже керамики. Весьма разнообразны по материалу, в частности, браслеты. Имеются браслеты медные, терракотовые и выточенные из камня. Десятки образцов таких браслетов, найденных при раскопках Калибангана, свидетельствуют о том, что это были излюбленные украшения древних обитательниц поселения. Эта своего рода этнографическая черта, характеризующая процесс, названный В. Ферсервисом индианизацией (Fairservis, 1971), сохраняет широкую популярность и до наших дней. Появляются терракотовые модели повозок, в которые, судя по всему, впрягали быков. Это косвенное указание на использование животных как внеличного источника энергии получило прямое подтверждение при раскопках в районе

Калибангана. Здесь были обнаружены перекрытые более поздними наслоениями борозды, проведенные плугом. Скорее всего, именно интенсивное земледелие, безусловно использующее в этом не обеспеченном регулярными осадками районе какие-то формы искусственного орошения, вкупе с развитым ремеслом, стало экономическим фундаментом складывающейся на этой основе одной из великих цивилизаций древнего мира (сводка с учетом новых материалов, см.: Lal, 1997).

Исходным центром и бесспорной метрополией этой цивилизации была долина Инда. Именно здесь были расположены основные центры — огромные городские организмы, носящие ныне названия Хараппа и Мохенджо-Даро. Затем произошло постепенное распространение хараппских переселенцев частично вглубь континента и, более активно, вдоль побережья Индостана в южном направлении, где формировались локальные центры хараппской культуры. Хронологии хараппской цивилизации посвящено значительное число публикаций. Радиоуглеродные датировки с применением удлиняющей коррекции опускают ее начало чуть ли не в середину III тыс. до н. э. Находки хараппских вещей в месопотамских городах уверенно относят к традиционной датировке начала этой цивилизации — XXIII–XXII вв. до н. э.

Главные города были одними из наиболее благоустроенных центров на Древнем Востоке. Все строения возведены из жженого кирпича, имеют регулярную застройку. Достаточно широки основные уличные артерии. Большое внимание уделялось благоустройству и своего рода городской гигиене. Многочисленны бассейны, в домах организованы специальные комнаты для омовений, проложены подземные коллекторы для сброса сточных вод. Разумеется, это во многом было стимулировано интенсивностью дождевых осадков, но в целом обеспечивало определенный уровень урбанистической гигиены. Центрами городской жизни, бесспорно, были крупные цитадели, которые из-за расположенных там более поздних строений не удалось изучить в полном объеме. Но выяснено, что, например, цита-

дель Харалпы была мощным сооружением, в основании которого лежала платформа многометровой высоты. Монументальные постройки располагались и на цитадели Мохенджо-Даро, хотя пока трудно говорить, являются они храмами или дворцами. Более определенно можно судить о гигантском зернохранилище, возведенном около цитадели Харалпы. Трудно сказать, кто контролировал сосредоточенные здесь запасы — светская власть или теократические структуры (рис. 6). Но совершенно ясно, что это одно из свидетельств наличия централизованного руководства. Достаточно своеобразна и монументальная архитектура, заставляющая лиш- ний раз вспомнить тезис В. Ферсервиса об «индианизации» культурного облика памятников Индостана. Таков, например, комплекс «большого бассейна» в Мохенджо-Даро, занимающий площадь 69×23 м. В его центре находится обширный бассейн, омовения в котором могли носить и культовый характер.

Была создана и собственная иероглифическая система письма, что является одним из важным показателей формирования комплекса первой цивилизации. Она, несомненно, глубоко своеобразна, что весьма затрудняет ее дешифровку. Поэтому любители теории заимствований ничего не могут сказать о ее возникновении, кроме абстрактных рассуждений о приходе из Месопотамии «идеи

Рис. 6. Голова правителя. Харалпская цивилизация.

письма». Краткость надписей затрудняет их дешифровку путем использования комбинаторных методов. Преобладает точка зрения о том, что язык этих текстов принадлежит к числу протодравидских, но прямые попытки их «чтения» отнюдь не общепризнанны. Надписи известны главным образом по печатям, где они сопровождают различные изображения, в основном животных, среди которых особенно популярны быки (табл. XIV). Иногда встречаются короткие тексты на стенках сосуда и на медных пластинках. Более пространственные документы, необходимость которых для сложного социо-экономического организма цивилизации едва ли вызывает сомнения, могли составлять не на глине, как в Месопотамии, а на каких-либо плохо сохраняющихся органических материалах — например, пальмовых листьях. Поэтому Хараппа пока остается «молчащей цивилизацией». Она имела тесные связи с Месопотамией, где в местных документах, скорее всего, фигурировала под именем Меллуха.

Широко раскинулись торговые связи хараппской цивилизации. По сухопутным маршрутам они уходили на север и северо-восток. На берегу Аму-Дарьи раскопано хараппское поселение Шортугай, бывшее своего рода факторией на «лазуритовом» пути, по которому могли продвигаться и другие товары, в том числе металлы. В Шортугае налицо типично хараппский комплекс: от расписной керамики до печатей. В Южном Туркменистане на городском центре местной цивилизации Алтын-депе обнаружены привозные хараппские предметы из слоновой кости и даже сами хараппские печати, в том числе одна с краткой двухзнаковой надписью.

Вместе с тем открытия последних двух десятилетий показали, что Хараппу в полной мере можно считать и «морской цивилизацией» (Mos, 1975). Цепочка прямых свидетельств хараппско-месопотамских связей тянется вдоль обоих берегов Персидского залива. Первыми свидетельствами таких связей стали типичные хараппские печати, обнаруженные при раскопках древних городов Месопотамии. Затем выявились и проме-

жуточные центры этой торговли в виде местных центров, расположенных на этом морском пути, в том числе и на острове Дильмун. Местные печати, получившие наименование «печатей Персидского залива», демонстрируют в некоем симбиозе месопотамские и индостанские черты. Активными торговцами

Таблица XIV. Харрапская цивилизация.

могли выступать и сами хараппские купцы: следы их пребывания обнаружены на ряде памятников Аравийского полуострова в виде хараппских надписей и типичной хараппской керамики. На одной печати изображено одно хараппское судно, а в одном из прибрежных городов Хараппы — Лотхале — раскопан бассейн, скорее всего, игравший роль дока. Могли иметь место и ответные визиты. Во всяком случае, в хараппских слоях Индостана обнаружены и месопотамские печати. Торговля была развита и в самих городских центрах Хараппы, где найдены многочисленные гири кубической формы со стандартным весом. Судя по произведенным подсчетам, исходной единицей служил вес в 0,85 г с последующим удвоением и удесятерением.

Эти многочисленные свидетельства высокого уровня городского образа жизни и процветающей культуры тем более поражали исследователей, когда они столкнулись с запустением в XIX–XVIII вв. до н. э. большинства хараппских центров и с гибелью гигантских городов. Одним из первых и, казалось бы, простых решений было заключение о гибели их под напором продвигающихся в Южную Азию воинственных индо-арийских племен, чьи ратные подвиги, включая деяния воинов на колесницах, описаны в Ригведе. Однако это было только первое, приближенное видение проблемы. Довольно скоро выяснилось, что нет следов одномоментного запустения, тем более штурма всех хараппских центров. Более обоснованна концепция о роли природных факторов — геотектонических изменений, приведших к изменению режима основных водных артерий. Мог сказать и такой фактор, как нарушение экологического баланса в результате уничтожения лесной растительности, ушедшей на обеспечение топливом горнов, в которых обжигались миллионы кирпичей, использованных при крупномасштабном строительстве хараппских суперцентров. Могло повлиять и наступление ксеротермического максимума. Более детальные исследования показывают и сложную картину упадка древних центров и трансформацию культурных традиций. Когда Хараппа и Мохенджо-Даро уже лежали в запустении, в более южных

областях, в частности в Синде, рядовые хараппские поселения еще продолжали существовать. На полуострове Катхиавар в ряде городков нет перерыва постепенности в культурной эволюции, но налицо явная деградация самого культурного комплекса. Изменяется и ухудшается керамическая посуда, исчезают памятники письменности. Слои такой «упадочной Хараппы» выявлены на целом ряде памятников. Но неоспоримым остается главное — крупные города запустевают, традиция письменности исчезает, большая заморская торговля прекращается. Это был один из крупнейших стрессов во всемирной истории. В упадок пришли не окраинные городки Иранского плато, а одна из великих первых цивилизаций. Перерыв традиций был настолько значителен, что последующий виток социогенеза и культурогенеза пространственно перемещается. Укрепленные городки и ведийские княжества, рисующие новый цикл становления государства и цивилизации, формируются в конце II — начале I тыс. до н. э. уже не в долине Инда, а на Ганге. Традиции грамотности были полностью утрачены, и новый алфавит — брахми — создается уже на совершенно иной основе. Это яркое воплощение ритмического характера процесса культурогенеза с его перепадами и даже возвратным движением в отдельных центрах и областях.

Ту же генеральную линию процесса культурогенеза можно наблюдать и в южных областях Средней Азии, которые в ту пору были далекой окраиной древневосточной ойкумены. Как и повсеместно, в регионе точкой отсчета была архаическая раннеземледельческая культура — джейтунская (табл. XV). Развивавшаяся в VI тыс. до н. э., она имеет не только сходные типологические черты эпохального характера с другими аналогичными центрами, но и прямые свидетельства использования тогдашних стандартов и эталонов. Таково покрытие полов жилых домов известковой обмазкой и окраска всего интерьера в красный или черный цвет. Затем начинается устойчивый процесс постепенной эволюции.

Таблица XV. Джейтунская культура.

Северными соседями раннеземледельческого общества Джейтуна оставались неолитические племена, продолжавшие архаические формы хозяйствования в виде охоты и рыболовства и, соответственно, с архаическим культурным обликом. Это было ярким образцом неравномерности культурного развития. Неолитическое общество охотников и собирателей, чьи

памятники известны под именем кельтеминарской культурной общности, сохраняло архаический облик на протяжении почти четырех тысячелетий, вплоть до начала II тыс. до н. э., все более отдаляясь от высокоразвитых соседей. Общество Южного Туркменистана продолжало постепенное развитие от ранних земледельцев к первой цивилизации, хотя и более замедленными темпами, чем это имело место в Шумере или Эламе.

В IV тыс. до н. э. раннеземледельческие общины полностью освоили подгорную равнину между вытянутым к северо-западу хребтом Копетдаг и Каракумской пустыней. Небольшие речки и ручьи, стекавшие с гор, использовались для орошения полей, но не могли обеспечить большие урожаи, в отличие от плодородных долин Египта и Месопотамии. В нескольких оазисах выделяются более крупные поселения, становящиеся центрами отдельных групп общин. Постепенно развивается ремесленная специализация. В первой половине III тыс. до н. э. глиняная посуда изготавливается с помощью гончарного круга, и при изготовлении металлических изделий применяется литье. Выделяются два наиболее значительных центра — Намазга-депе и Алтын-депе, которые отражают происходящий процесс урбанизации. Свое определенное завершение он получает к концу III тыс. до н. э., когда формируется местная цивилизация вторичного типа. Ее наиболее значительным памятником является поселение Алтын-депе (Массон, 1981) площадью около 25 гектаров. В нем выделяются кварталы разной степени зажиточности. Центром поселения был культовый комплекс, в котором доминировала ступенчатая постройка, явно подражающая архитектурным канонам месопотамских зиккуратов. На эти же каноны указывают и украшающие ее фасад ступенчатые в плане пилястры (табл. XVI). В расположенной здесь «гробнице жрецов» найдены объекты, символизирующие богатство приношений, которые было в силах предоставить своим лидерам местное общество. Среди найденных предметов выделяются золотые головы волка и быка. Последняя инкрустирована вставками из бирюзы и по стилистической трактовке опять же в ряде отношений

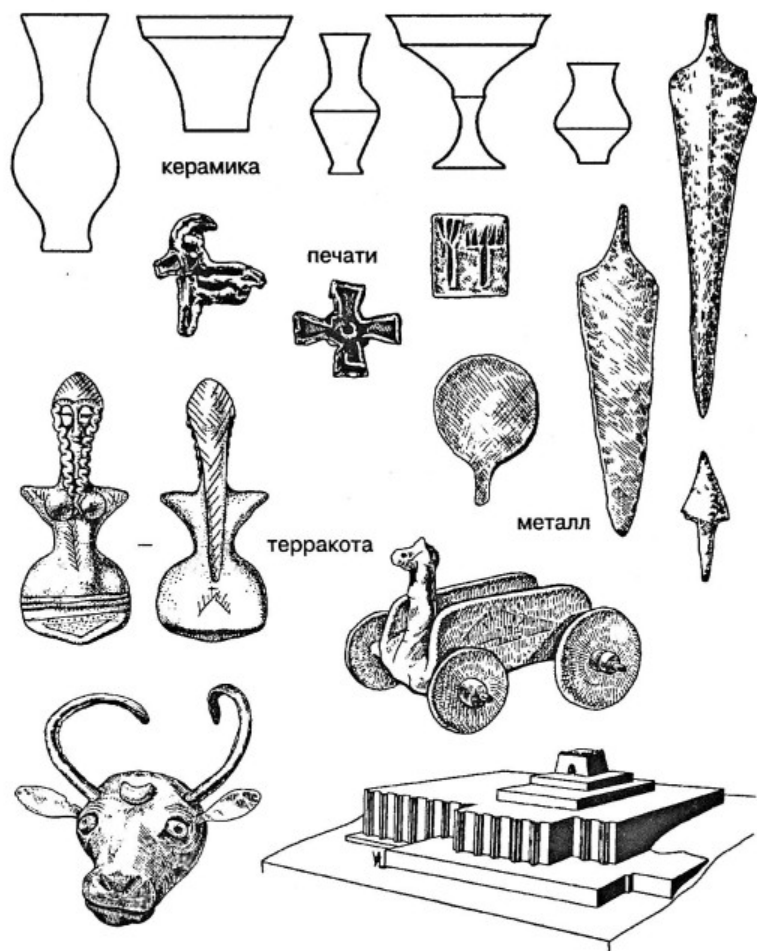

Таблица XVI. Алтын-депе. Комплекс времени Намазга V.

следует месопотамским образцам, в том числе головам быков на музыкальных инструментах из царских гробниц Ура. Так местная цивилизация использовала модные эталоны своей эпохи. Другая линия связей уходила на юго-восток в зону Хараппы, откуда и были получены печати, в том числе с пиктографической

надписью. Крупным урбанизированным центром становится к этому времени и Намазга-депе.

Для культуры Алтына характерны довольно разнообразные связи с цивилизацией Хараппы. Хараппским изделиям подражают некоторые формы керамических сосудов. Найдены прямоугольные плакетки из слоновой кости с нацарапанными знаками различного количества и различного расположения. Эти изделия, являющиеся, скорее всего, фишками какой-то игры, встречаются в хараппских городах. Особенно интересна находка печати с хараппской надписью. Поскольку на печати только надпись и какие-либо изображения отсутствуют, можно предположить, что жителям Алтына не была чужда хараппская письменность.

В начале II тыс. до н. э. население постепенно покидает Алтын. Центр активного развития перемещается в район дельты Мургаба, область, в древности именовавшуюся Маргианой. Здесь в основных центрах (Гонур, Тоголок) возводятся монументальные храмы, распространяется новый тип каменных печатей (табл. XVII). Уже на Алтыне характерным признаком городской культуры было крайне редкое распространение оружия. Видимо, основной линией развития общества была организационно-управленческая, и сам Алтын-депе можно определять, подобно древнешумерским центрам, как храмовый городок. В полной мере это касается и Маргианы, где храмы и неизменно включаемые в их планировку обширные хранилища становятся характерной чертой местного общества. Примечательно, что на печатях Маргианы доминируют сложные мифологические сюжеты и образы и совершенно отсутствуют светские владыки и какие-либо связанные с ними сцены. Скорее всего, перед нами теократические общества, где верховная власть была сосредоточена в руках жреческой корпорации. Следует полагать, что организационно-управленческий путь политогенеза полностью сохранял свое значение.

Урбанистическая цивилизация бронзового века осваивает и более восточные районы — среднее течение Амударьи,

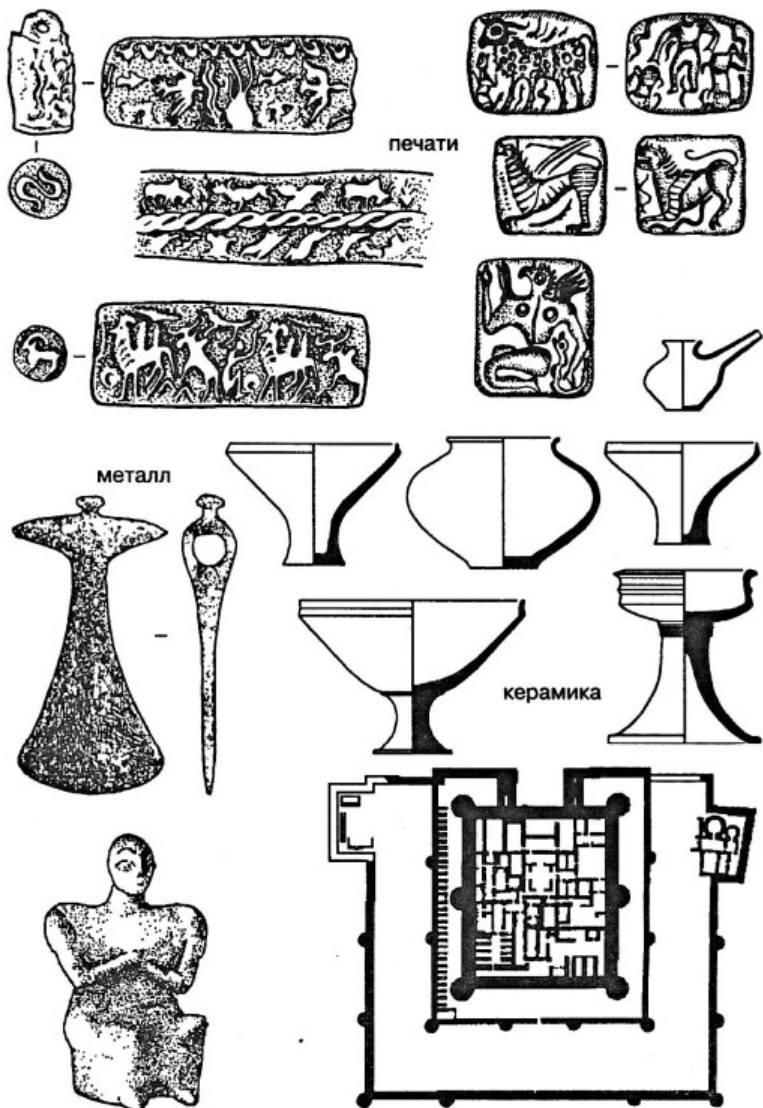

Таблица XVII. Цивилизация Маргианы.

область, в древности именуемую Бактрией. Здесь тоже налицо монументальные храмы и богатый репертуар изображений на печатях сложной семантики, явно отражающих сложные мифологические и, возможно, также религиозные системы. Таким образом, весь юг Средней Азии вместе с Северным Афганистаном оказался охваченным поясом городских цивилизаций. Они существуют почти все II тыс. до н. э., после чего приходят в упадок, и культуры полностью меняют свой облик. В первой трети I тыс. до н. э. здесь уже нет монументальных храмов и печатей с изображениями сложной семантики. Их сменяют довольно многочисленное оружие и резиденции правителей, вознесенные на мощные платформы из сырцового кирпича. Видимо, организационно-управленческая доминанта жречества была изменена в процессе военно-аристократического пути политогенеза, и верховная власть перешла в руки светских правителей.

Глава 10

ИНЬСКОЕ ОБЩЕСТВО — ФУНДАМЕНТ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Зона первых цивилизаций, группирующихся вокруг ближневосточной ойкумены и раскинувшихся от Крита до долины Инда, не представляла культурного и экономического единства. Но эти общества были взаимосвязаны регулярными контактами, которые обеспечивали взаимодействие и взаимообогащение. Морская торговля между Шумером и Хараппой вызвала к жизни целый пояс промежуточных урбанизированных центров по берегам Персидского залива. Воздействие месопотамских эталонов на герзейский и раннединастический Египет было столь велико, что некоторые авторы даже считали возможным говорить об «азиатах на Ниле», будто бы стимулировавших формирование египетской цивилизации и государства.

Восточные цивилизации северного Ирана, Афганистана и южной Средней Азии активно следуют стилистическим и сюжетным образцам раннешумерского искусства. Торговые связи отважных мореходов Минойской державы и Эгейского мира в целом доставляли в страны Восточного Средиземноморья вино и оливковое масло, хотя порой, видимо, и не брезговали обычными грабежами.

Совершенно иную ситуацию мы наблюдаем в Восточной Азии. Когда в долине Хуанхэ была открыта первая расписная керамика раннеземледельческого общества Яншао, появился соблазн напрямую связать ее с ближневосточными аналогами, прежде всего с ранними Сузами и южнотуркменистанским Анау. Однако никаких «промежуточных звеньев» обнаружить не удалось, а по мере увеличения массового материала стало ясно, что стиль яншаоской росписи с циркульными и криво-

линейными узорами не имеет ничего общего с сухой геометрией парадной посуды того же Анау и сходных памятников. Внешне она, скорее, напоминала раннеземледельческую расписную керамику Триполья Восточной Европы, расположенного в существенном отдалении. Пришлось вернуться к концепции независимости китайского очага раннего земледелия, развивавшегося во многих отношениях конвергентно. То же в значительной мере касается и первой цивилизации Восточной Азии.

Уже исходный состав одомашненных животных и культивируемых растений указывал на своеобразие китайского очага становления производящей экономики. Те же черты стали проявляться и в материальной культуре, контрастируя с культурными особенностями ближневосточных и тяготеющих к ним раннеземледельческих археологических комплексов. Таковы сосуды на трех ножках, неизменно сохраняющиеся в посудном наборе Китая в течение многих тысячелетий и представленные значительным числом вариаций. Таковы отличия строительной техники — жилища и другие сооружения в Китае еще долгое время не возводились из сырцового кирпича, изобретение которого почти сразу же стало важнейшей инновацией ближневосточных строителей. Отличается и набор производственного инвентаря. В ближневосточном макрорегионе была популярна вкладышевая техника, когда кремневые пластины вставляли в костяные или деревянные рукоятки. По такому принципу делались и серпы. В Китае же уборка урожая производилась серпами полукруглой формы, выточенными из цельного камня. На Ближнем Востоке уже давно, по меньшей мере в V тыс. до н. э. металлургия потеснила в орудийном комплексе кость и камень, а в Китае последние еще долго сохраняли свои позиции основного материала для производства орудий. Разумеется, о полной самоизоляции китайского центра древних культур говорить не приходится. Для эпохи бронзы в ряде предметов можно отметить связи с сибирскими культурами, возможно, носящие взаимопроникающий характер. В пору позднего Инь в Китае появляются легкие двухколесные экипажи,

запряженные лошадьми. Эти экипажи помещались в гробницы древних лидеров. Безусловно, и колесницы, и сами лошади принадлежат к числу заимствований из обширной зоны евразийских степей. Высказывалась даже экстравагантная гипотеза о том, что эти новшества привнесли индоевропейские завоеватели, возглавившие и само иньское общество (Pulleybank, 1966). Разумеется, это крайняя точка зрения, и она едва ли может найти убедительные, в том числе и антропологические, подтверждения. Но не следует забывать, что при всей самобытности Китай не был чужд западных импульсов и в ранние времена.

Раннеземледельческие поселения Восточной Азии имеют те же эпохальные черты, что и другие раннеземледельческие комплексы: благоустроенный быт с прочными жилыми домами и богатое прикладное искусство, ярче всего выраженное в расписной керамике. Известно много десятков таких памятников, которые образуют сложную картину временных и локальных различий, взаимных влияний и генетических соответствий. С точки зрения общих процессов культурогенеза, важнейшим, можно сказать, эталонным памятником является поселение Бань По, полностью раскопанное и достаточно подробно описанное китайскими исследователями (*The Neolithic village...*, 1963).

Этот небольшой поселок занимал площадь около 7000 м². Он состоял из 22 домов каркасно-столбовой конструкции и был окружен ровом шестиметровой глубины. В центре, на невысокой платформе находилось здание размером 20 × 12 м, возможно, игравшее роль общественного и культового центра. Уютные, благоустроенные дома дополнялись другими бытовыми объектами, сочетавшими утилитарную и эстетическую функции. Такова, прежде всего, глиняная посуда, щедро украшенная цветной росписью (табл. XVIII). Орнаментация здесь в основном геометрическая, но есть изображения птиц и копытных животных. Особенно популярны были рисунки рыб, стилизованных под геометрическую роспись. Показательно изображение черепахи, животного, которое затем играло определенную роль в обрядах и культах древнекитайского общества. Есть

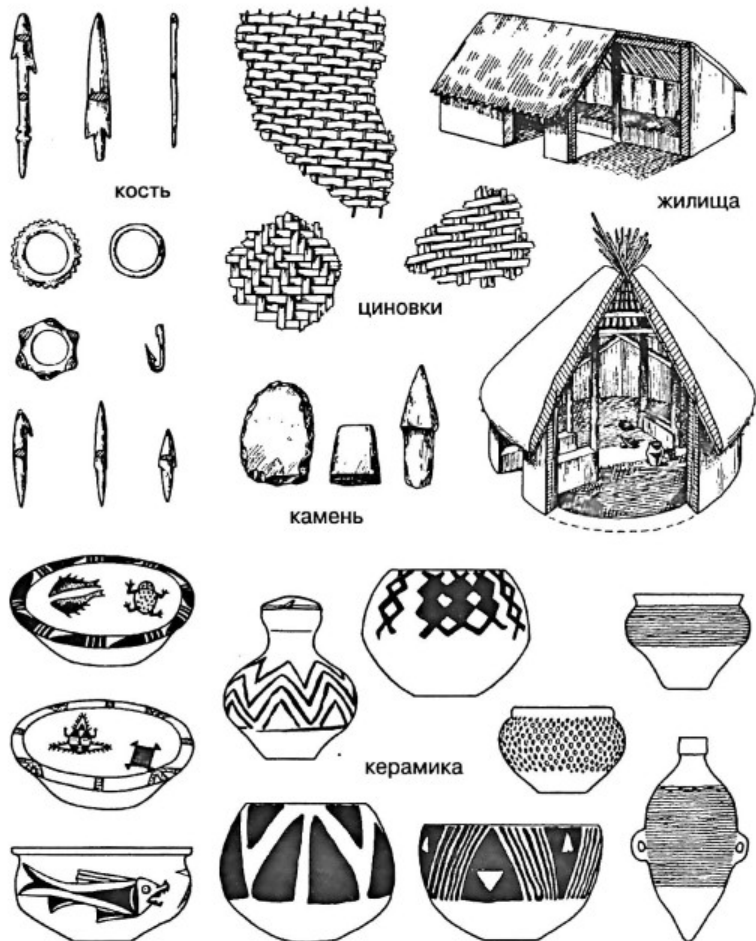

Таблица XVIII. Комплекс Бань По.

и изображение человеческой головы в сложном головном уборе в окружении трех рыб. Скорее всего, так передавался образ служителя культа. Это была самообеспечивающаяся община древнекитайских земледельцев, достигшая устойчивого благосостояния, уровень которого пока един для всех членов

общества. Так, изучено свыше 100 погребений могильника, но каких-либо различий ни в обряде, ни в погребальном инвентаре не улавливается. Еще ничто не нарушает архаическую эгалитарность.

Бань По не было единственным раннеземледельческим поселением в долине Хуанхэ. В IV — первой половине III тыс. до н. э. поселки такого типа широко распространяются по среднему течению этой реки. Они образуют ряд локальных группировок, в том числе и культурную общность Яншао, с которой, собственно, и началось познание китайского очага производящей экономики.

В дальнейшем именно на основе раннеземледельческой культуры идет устойчивое развитие общества по урбанистическому пути в условиях спонтанной трансформации. Яркие признаки ремесленной специализации и общественного прогресса отмечаются в комплексах типа Луншань, относящихся к последней трети III — началу II тыс. до н. э. Сосредоточены эти комплексы, в основном, в западных приморских районах Китая и характеризуются высококачественной чернолощеной керамикой, сделанной с помощью гончарного круга. Век металла, однако, еще не наступил, и урожай на полях убирают по старинке каменными серпами полулунной формы. Комплексы этого типа распространены на памятниках разных культурных традиций. Это указывает на начинающийся в пору Луншаня процесс культурной интеграции. Луншаньский комплекс оказывает интегрирующее воздействие и на культуры, сохраняющие традиции расписной керамики. Появляются и первые медные изделия, еще весьма немногочисленные.

Поселения еще невелики по размерам — 1–4 га, но некоторые уже имеют обводные стены. На развитие военных столкновений указывают и данные антропологии. В одном из поселков обнаружены следы побоища: десятки наспех захороненных мужчин и женщин, некоторые из них обезглавлены. Имеются указания и на снятие скальпов. Устанавливается практика гадания по лопаткам животных, на которые наносили различные

метки и затем помещали в огонь. Налицо и дифференциация в количестве предметов, помещавшихся в могилу с усопшими. Иногда число таких вещей могло быть 70–80.

Это была уже прямая предтеча цивилизации, которая в китайской исторической традиции носит наименование Инь. По этой же традиции дата раннего Инь определяется 1850–1650 гг. до н. э. Из числа археологических памятников к этому времени можно уверенно относить городище Эрлитоу, которое продолжало существовать и в более позднее время. На городище раскопана большая глинобитная платформа, имевшая Т-образную форму, на которой явно располагался монументальный комплекс — дворцовый или культовый. Деревянная архитектура, характерная для раннего Китая, естественно, не дает таких четких остатков, как сырцовые, а тем более каменные постройки Шумера или Египта. Поэтому о характере самого здания можно только догадываться. Эрлитоу как поселение городского типа было и местом концентрации специализированных производств. Печи для обжига керамики кучно располагались в особом квартале ремесленников. Начинается и развитие бронзолитейного производства. Китай как бы миновал развитую стадию энеолита и медного века. Из бронзы изготовлялись ножи, наконечники стрел, шилья, колокольчики и рыболовные крючки. Штампованная глиняная посуда демонстрирует высокие образцы художественных изделий. Ее поверхность украшают рельефные изображения драконов, скорпионов и рыб. Имущественная дифференциация отмечается в древних некрополях. Здесь имеется группа гробниц, в которые усопшие помещались в сопровождении многочисленного и разнообразного инвентаря: керамических сосудов, бронзовых колокольчиков, бус, выточенных из сердолика, жадеита и раковин. Наряду с этим имеются и безынвентарные захоронения, когда усопшие лежат в самых разных позах и часто даже лишены голов. Предполагается, что это жертвы при различных церемониях.

Следующий период развития древнекитайской цивилизации носит наименование Эрлиган, или Чжэнчжоу, и датируется

временем 1650–1400 гг. до н. э. Крупные центры этого времени можно с уверенностью именовать городами, причем руинами раннеиньской столицы, скорее всего, является именно городище Чжэнчжоу. Его мощная крепостная стена неоднократно утолщалась и наконец достигла огромной ширины 36 м. Сохранилось это фортификационное сооружение в высоту на 9 м. Бесспорно, функции города-убежища придавалось первостепенное значение. Для крупного города это была огромная организационная работа, и, по расчетам китайских исследователей, ею занимались не менее 10000 человек в течение 18 лет. Утрамбованные платформы, предназначавшиеся для монументальных сооружений, часто располагавшихся в городе, имеют в основании культовые захоронения черепов.

К нуклеарной части города примыкали обширные ремесленные пригороды, где трудились гончары и бронзолитейщики. Последние теперь изготавливали и крупные сосуды, украшенные художественными рельефами, продолжая более раннюю традицию местных керамистов. Вес таких огромных сосудов иногда достигал 60–80 кг. Эта художественная бронза является одной из характерных черт иньской цивилизации. Изготавлилось и бронзовое оружие, в частности, боевые топоры, отливавшиеся в специальных формах. Развитие военной функции отразилось в фортификации, распространении оружия и следах военных батальей. Это явно указывает на значение военно-аристократического пути политогенеза. В могильниках усиливаются имущественные различия между различными социальными группами. В элитные гробницы помещались массивные ритуальные бронзовые сосуды, нередко здесь и сопровождающие человеческие жертвоприношения.

Венцом этого процесса формирования первой китайской цивилизации стали комплексы позднего Инь, лучше всего изученные на городище Аньян и датируемые XIV–XII вв. до н. э. Теперь уже не только безмолвные артефакты, но и первые письменные документы характеризуют жизнь местного общества. Надписи эти делали на лопатках животных и щитках че-

репах, кидаемых при гадании в огонь. Как мы видели, это была давняя культовая практика древнекитайского общества, но только теперь она стала прочно связываться с появившейся письменностью. Это, безусловно, является чисто китайским изобретением, и хотя делаются попытки сближения отдельных знаков с символами на ранней расписной керамике с другими символами доиньской эпохи, это был важнейший интеллектуальный скачок. Сама письменность носит в основном пиктографический характер, но тем не менее в ней можно увидеть прообраз, легший в основу современной китайской иероглифики. Ни одна из первых цивилизаций не дала столь живительных истоков современным системам письма. Надписи строились достаточно лаконично, по принципу вопрос — ответ. Например, о военных походах: «Гадали в день данью. Гадание: ныне вану вести пять тысяч человек в поход на племя Земля. Получите покровительство. Третья луна».

Все основные показатели, характеризующие урбанистическую культуру раннего Инь, получают в Аньяне дальнейшее развитие. Это и массивнейшие укрепления городских стен, и монументальные постройки на платформах, и разнообразнейшие ремесла, известные как по производственным площадкам, так и по их продукции. Поразительные успехи были достигнуты в мастерских по изготовлению ритуальных сосудов. Отдельные экземпляры, выходявшие из их стен, достигали поистине огромных размеров и веса до 875 кг. Масштабного, организованного труда требовали дренажные работы, сооружение дамб и каналов на случай катастрофических дождей и паводков.

Военная функция иньского общества бесспорно стимулировала многие социально-политические процессы. Предполагается, что постоянная армия состояла из 10 тысяч человек. Это были воины-профессионалы, обеспеченные превосходной бронзовой амуницией. В ее состав входили боевые топоры, секиры, луки совершенного типа, кинжалы, копья и шлемы. Важной частью вооруженных сил были колесницы, запряженные парой лошадей. Постоянная вооруженная сила требовала четкой

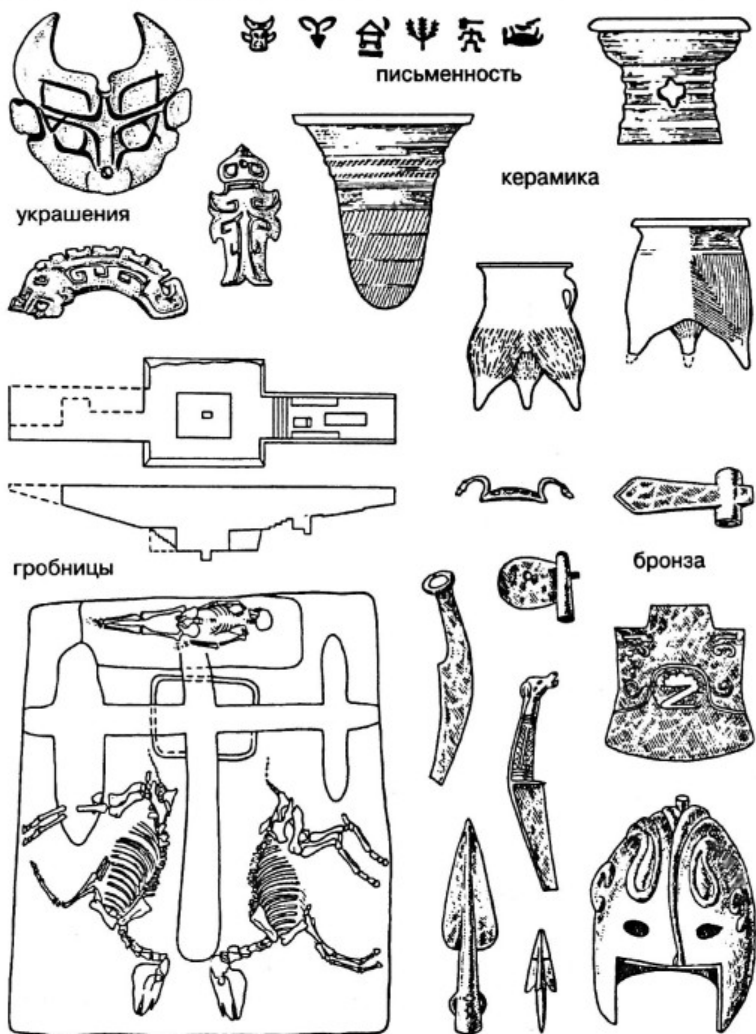

Таблица XIX. Иньская цивилизация.

организации. В надписях упоминается ряд военных званий, но чтение многих из них остается гадательным. Называются «служитель лошади», «начальник гарнизона», «начальник границ», «начальник лучников» и ряд других.

Четко обозначается и вершина социальной и политической пирамиды иньской цивилизации. Это было лицо, носящее титул «ван», и открытие гробниц этих персонажей было одной из сенсаций китайской археологии XX века. Погребальные камеры имели гипертрофированные размеры: до 14–19 м при глубине в 10 м. В вырытую в земле гробницу вели крестообразно расположенные спуски. Усопший часто располагался на колеснице с двойной конской запряжкой. Богатое бронзовое оружие, бронзовые сосуды, изделия из камня, в том числе круглая скульптура, буквально заполняли гробницы иньской элиты (табл. XIX). Но наиболее впечатляющими были ритуальные захоронения людей, насильственно убитых и часто обезглавленных. Так, в одной из аньянских гробниц было обнаружено 45 полных скелетов и 34 отдельные головы. Обыкновение безжалостного уничтожения основных производителей было сходно с варварской практикой первых цивилизаций, независимо от того, будь это Шумер, Египет или Китай. В связи с престижными гробницами ванов можно вспомнить, что и монументальные здания, раскопанные в городских центрах этого времени, трактуются как резиденции светских владык. Можно по аналогии вспомнить, что и минойское общество некоторые исследователи предлагали именовать «дворцовой цивилизацией».

Иньские стереотипы и иньские эталоны имели значение эталонов эпохи для всего Китая. Сходные гробницы местной элиты были обнаружены в различных областях страны. Потoki крови обгаляли путь, ведущий к вершинам цивилизации.

Глава 11

СТЕПНЫЕ ОБЩЕСТВА ЕВРАЗИИ — ОСОБЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

Ранние земледельческие общества и формирующиеся на их основе первые цивилизации были, бесспорно, магистральной линией исторического прогресса. Эти процессы могли иметь замедленный характер, и тогда, как это было в древнейшей Европе, само поступательное движение задерживалось на многие тысячелетия, но общая направленность, как правило, сохраняла свое значение. Вместе с тем на обширном пространстве Евразии, которое можно именовать степной зоной, развитие приняло, если исходить из данной системы, нестандартный характер. Это создавало значительные интерпретационные сложности. Исходя из жесткой понятийной сетки формационного эволюционизма, отечественные исследователи пытались здесь обнаружить и привычную пятилинейную схему обязательных формаций, а также такие явления, как протогорода, города и цивилизации, имея в виду их не культурологическую, а социологическую характеристику. Вместе с тем, блестящие новые археологические открытия, их анализ на интерпретационном уровне выявляют сложную картину своеобразного самостоятельного развития, для исследования которого совсем не обязательно полностью использовать трафаретные схемы, разработанные для зоны оседлых культур и цивилизаций.

Обширная зона евразийских степей, протянувшаяся от Молдавии до Монголии, включала в свою среду различные природные составляющие. Наряду с бесспорной доминантой достаточно плодородных степей, в нее входили, как конгломератные образования, горные массивы и засушливые полупустынные области.

Степная зона довольно рано, в VI–V тысячелетиях до н. э., преступила рубеж «неолитической революции». Природная экологическая специфика определила доминанту хозяйственной целесообразности в степной зоне, примат скотоводства. При этом основные виды домашних животных были, видимо, в исходной форме получены из древневосточно-балканского региона. Но одно открытие было сделано именно в степной зоне. Речь идет об одомашнивании лошади. В северо-западном Казахстане открыто поселение Ботай, относящееся, по меньшей мере, к концу IV тыс. до н. э., где почти сто процентов домашних животных составляла лошадь. Обнаружены и примитивные псалии, свидетельствующие о начале верховой езды. Скорее всего, это поселение не было единственным, и в евразийской зоне было еще немало центров, жители которых уже разводили домашних коней. Это замечательное достижение древних скотоводов сыграло огромную роль в истории степной зоны, да и не только в ней. Сам по себе конь как вид копытного животного не представляет в зоологии чего-либо экстраординарного. Но, будучи одомашненным, конь вошел составной частью в хозяйственную, политическую и интеллектуальную систему древних степных обществ, став символом их процветания и своеобразия.

Первая такая эпоха приходится на время бронзового века, в основном на IV–II тыс. до н. э. С социологической точки зрения ее можно определить как эпоху ранних комплексных обществ.

Предтечей ранних комплексных обществ степной зоны было общество, известное по оставленным им археологическим комплексам, где соответствующие памятники именуются ямной культурной общностью по ведущему типу захоронений в ямах, перекрытых курганными насыпями. Центром формирования этой культурной общности были области среднего Поволжья и Южного Урала. Она быстро распространилась на запад вплоть до Молдавии и Балкан. Ямное общество, относящееся к концу IV — первой половине III тыс. до н. э., сформировало исходный

пласт, ставший типичным для всей степной зоны, по которой он распространился как в ходе племенных передвижений, так и культурных влияний и заимствований. Степной образ жизни и отгонное скотоводство, не говоря уже о кочевничестве, благоприятствовали развитию пассионарности в менталитете степных народов.

Это было общество скотоводов, главным ресурсом которых были стада мелкого рогатого скота, но также разводились крупный рогатый скот и лошадь. Новаторским достижением было создание повозок, сделанных из дерева, с массивными сплошными колесами. Повозки были как четырехколесными, так и двухколесными, и в них запрягались быки или меринь. Выплавка бронзы и изготовление из нее различных предметов также было важнейшим достижением общества.

На усложнившуюся общественную структуру указывает появление, кроме рядовых курганов, крупных сооружений высотой до 6–7 метров. Само сооружение требовало масштабного, хорошо организованного труда. Относительно богатый инвентарь подчеркивает, что это были усыпальницы лиц не рядового общественного положения, а скорее всего, вождей родов и племен. Судя по находкам в некоторых погребениях металлических шлаков, эти лидеры осуществляли и определенное руководство металлургическим процессом.

Исторически весьма важным явлением ямного общества было его широкое распространение в западном направлении, где типичные ямные курганы встречены вплоть до Венгрии. Это было первое масштабное продвижения степняков в западном направлении. Скорее всего, именно наличие лидеров, чьи погребения осуществлялись в столь престижном виде, способствовало организованному продвижению. В ходе его, видимо, частично происходила и культурная ассимиляция местного населения, практикующего тот же степной образ жизни. Трудно судить, в какой мере в ходе этого продвижения была задействована военная функция. Но показательно, что на поселени-

ях ямной культуры представлены оборонительные стены, обложенные камнем.

Следует иметь в виду, что население, оставившее памятники ямной культурной общности, отнюдь не было единственным обитателем обширной зоны евразийских степей. Повсеместно группы племен, практиковавшие степной образ жизни, успешно вели скотоводческое хозяйство, местами подкрепляемое земледельческой деятельностью. Они развивали культуру, используя передовые достижения своих соседей, в том числе и через процесс заимствования. Временами та или иная группировка добивалась значительных успехов и достижений.

В этом отношении наиболее впечатляющими стали успехи, достигнутые в Волго-Уральском регионе в конце III — II тыс. до н. э. По имеющимся материалам, достигнутые инновации наиболее ярко проявились в культуре, названной синташтинской и располагавшейся в Южном Зауралье. Здесь были открыты могильник Синташта и поселение Аркаим, само обнаружение которых стало своего рода археологической сенсацией. Более того, именно эти открытия лишний раз продемонстрировали незаурядную историческую значимость обществ степного региона.

В могильнике Синташта сосредоточены элитные погребения, помешавшиеся в деревянных гробницах, в которых, помимо прочих объектов, в том числе оружия, были найдены остатки коней и части деревянных двухколесных повозок (табл. XX), с полным правом именуемых колесницами. Затем подобные захоронения были обнаружены в целом ряде других памятников. Поселение Аркаим, которое сейчас также является далеко не единственным, имеет в плане четкий круг, окаймленный оборонительными стенами.

Для исторической интерпретации процессов политогенеза здесь важны три обстоятельства. Во-первых, перед нами явно элитарные гробницы, отличные от простых могил. Погребения с колесницами расположены обычно в центре курганов, среди нескольких десятков рядовых захоронений, и в таком случае

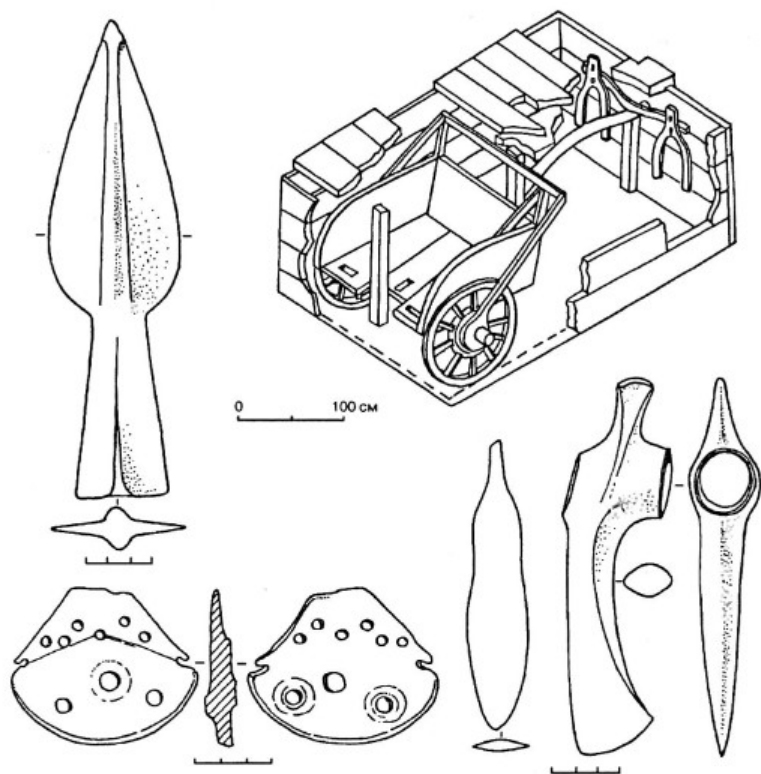

Таблица XX. Комплекс Синташта.

явно представляют собой усыпальницу лидера этой общности. Кроме того, существовали и специальные некрополи этой элиты, к числу которых, видимо, и принадлежит сам могильник Синташта. Во-вторых, общество Аркаима-Синташты имеет явные свидетельства активной военной функции. Могилы знати содержат обычно набор бронзового оружия в виде наконечников копий, боевых топоров, а также набора кремневых наконечников стрел. Неизменное наличие укрепленных круглопланых поселений также подчеркивает тенденцию учета военной ситуации. Поэтому есть все основания считать, что перед

нами — проявление процесса военно-аристократического пути политогенеза, воплощением и символом которого были погребения знатных колесничих. Отсутствие особо крупных и сверхбогатых гробниц позволяет считать, что перед нами общество, еще не достигшее уровня формирования супер-лидеров и сохраняющее олигархический тип правления.

Наконец, третье существенное обстоятельство. Важнейшим достижением эпохи были успехи коневодства. Была выведена особая порода коней, рассчитанных именно на упряжную систему управления колесницами.

Поселения с крепостными стенами и колесницы вооруженной элиты обнаружены в целом ряде других центров.

На юге Средней Азии, в памятниках городской цивилизации первой половины II тыс. до н. э. найдены типичные для Синташты конские удила. Массовый археологический материал свидетельствует, что, по крайней мере с середины II тыс. до н. э., начинается активное проникновение на юг племен с культурой степной бронзы, ставшее особенно активным во второй половине этого тысячелетия. Именно население с культурой типа степной бронзы составило основной массив населения Средней Азии вдоль зоны местных городских цивилизаций.

Общественная дифференциация с выделением слоя аристократии, связанной с ярко выраженной тенденцией к военной функции, продолжалась. Новые лидеры формировали все более крупные структуры. Этому в высшей мере способствовали изменения в обществе, связанные с развитием всадничества и перехода к собственно кочевничеству. Лошади, запрягавшиеся в колесницы, стали верховыми конями и, соответственно, были выведены новые породы, ярким представителем которых до наших дней остаются туркменские ахалтекинцы. Переход к всадничеству и кочевничеству имел эпохальную значимость и стал рубежом в истории обществ степной зоны. По своим социологическим и культурным последствиям его можно сопоставить с «городской революцией», имевшей место в оседлых цивилизациях. Произошли знаковые изменения в военном деле

названа правительница сакских племен Зарина, эпические предания о славе которой сохранил Ктесий. Иранская традиция, представленная в Бисутунской надписи Дария I, называет властителя саков Скунху «наибольшим» (мапишта).

Оружием снабжалась не только знать, а все общество в целом. Погребения мужчин эпохи ранних кочевников, как правило, имеют оружие и удила. Иногда то же наблюдается и в женских могилах. Совершенно ясно, что перед нами конные воины. В целом это было в значительной мере милитаризованное общество. Военно-аристократический путь политогенеза завершался формированием военной государственности, стоящей на грани создания подлинно государственных структур.

Активность степняков, создающих все новые объединения, энергично воздействует на южные государства. В этих условиях естественным образом эволюционируют социо-политические структуры и формируются целые кочевые империи, существование которых и составляет третью эпоху в истории евразийской степной зоны.

Первой такой империей было государство хунну, приобретшее, благодаря китайским письменным источникам, особую известность (Крадин, 2002).

По существу, формирование кочевых империй представляло собой своего рода пик военно-аристократического пути политогенеза. Именно военная функция центральной власти была источником ее силы и могущества.

Эталон кочевой империи становится распространенным в степной зоне. Ему следует большинство степных общественных структур, в том числе и енисейских кыргызов, хотя, разумеется, не всегда в имперских масштабах. Следует отметить и результативные достижения своего рода государственного симбиоза, когда политический диктат кочевых обществ в творческой практике объединялся с традициями оседлых государств. Таковы были формирующиеся в IX–XII веках симбиозные государства в Семиречье и в Синьцзяне.

К числу слабостей кочевых империй можно отнести отсутствие устойчивой бюрократической структуры и четких законодательных основ престолонаследия, где огромную роль играли первобытно-клановые традиции. Кочевые империи порой пытались наладить какие-либо органы управления, используя опыт китайского государства, а иногда прямо приглашая китайских чиновников. Больших успехов это не принесло. Тем более, что в областях государства вместо системного налога фактически производился сбор дани (Кляшторный, Султанов, 2000).

Вершиной этого типа государственной структуры и, фактически, почти концом данной эпохи в степной зоне была суперимперия Чингис-хана, оптимально осуществившая достижение успехов всей системы как таковой.

Следует иметь в виду, что целый ряд противопоставлений между особенностями культуры и жизни степных обществ и оседлых цивилизаций не носят абсолютного характера и являются, скорее всего, вопросами масштабов и характера значимости для данных общественных организмов. Это касается, в частности, вопросов о земледелии и степени оседлости. Надо учитывать, что в большинстве случаев хозяйство обществ степной зоны характеризуется сочетанием скотоводства и земледелия, хотя определяющая доминанта остается за первым. В равной мере степная зона отнюдь не была зоной безудержных кочевников. Оседлые поселения, как сезонные, так и круглогодичные, как правило, были повсеместным явлением в жизни степных племен, становясь естественными центрами оседлого скотоводства, особенно когда речь шла о крупном рогатом скоте. Другое дело, что это были преимущественно центры ограниченных функций в отличие от формирующихся городских центров того же Древнего Востока.

Специфику обществ, именуемых нами степными, подчеркивает и роль такого фактора культуры, как письменность. Судя по всему, в данных обществах не было жесткой необходимости

в ее использовании для хранения и передачи многоплановой информации хозяйственного или организационного плана. Известны некоторые краткие надписи, в которых, хотя они и не имеют убедительной дешифровки, можно видеть опыт письменных проявлений сакской эпохи. Ставится этот вопрос и для эпохи хунну. Но по существу первой самостоятельной письменностью со значительным числом соответствующих памятников можно считать лишь древнетюркские тексты. Они основаны, скорее всего, на сочетании традиций тамговидных знаков и согдийской письменности. Эти тексты имеют четкую прокламативную политическую ориентацию, что, вероятно, и было главной целью их создания и практики употребления.

Развитие степных обществ с их бесспорными достижениями в ряде сфер, в том числе и в сфере культуры, было важным феноменом в мировой истории. В отношении степей и кочевников бытуют в целом две традиции негативизма. Во-первых, налицо стремление объявлять первостепенной значимость влияний и своего рода эталонного воздействия оседлых цивилизаций на кочевой мир. Например, разрабатывается точка зрения, что формирование и функционирование государства хунну целиком обязано стремлению организовать грабительские набеги в соседний Китай. Когда такая необходимость отпадала, государственные структуры кочевых обществ якобы деградировали с тем, чтобы вновь усилиться при организации грабительских набегов. Значение фактора военных походов отнюдь не следует преуменьшать. При этом не учитывается устойчивая традиция местного политогенеза, восходящего по меньшей мере к бронзовому веку. Военные акции против оседлых государств могли оказывать свое влияние, но отнюдь не были первопричиной политической эволюции, ведущей к развитию государственности (Жычанов, 1992). Во-вторых, не менее традиционно представление о кочевниках как о некоем исчадии, все разрушающем и убивающем. Истоки таких представлений явно восходят к древним авторам, ищущим противостояния в самом образе жизни кочевого мира и оседлых городов. Такие

вооруженные конфликты были неизменным спутников всех цивилизаций и порой, как в Ассирии, действительно принимали вселенские масштабы. Традиция возводить это к одним лишь кочевым обществам стимулирована концепцией чингисхановских времен, когда стратегия немотивированного устрашения мирного населения была введена в ранг военной доктрины и дожила до Хиросимы и Нагасаки.

В принципе, вклад обществ степной зоны в мировую культуру и цивилизацию был весом и весьма значителен. Именно им мы обязаны появлением и распространением домашней лошади. В степях была разработана система кавалерии как вооруженных сил. Искусство так называемого скифо-сибирского звериного стиля является непреходящим мировым феноменом. В нем, конечно, налицо традиции искусства бронзового века и художественных веяний Древнего Востока. Но как единое художественное целое, а не сумма заимствований, оно глубоко самобытно и своеобразно. Важнейшим достижением кочевых обществ явилась их способность к встречной ассимиляции, культурной и политической, при подчинении своей власти оседлых оазисов. Надо полагать, что соединению эллинистических государственных традиций и неустойчивой пассионарности кочевников обязаны выходом в ранг мировых держав Парфия и Кушанское государство. Это было одним из результатов проявления значимости творческого взаимодействия культур и народов, обеспечивающего общий прогресс.

Глава 12

АМЕРИКАНСКИЕ ОЧАГИ ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Отделенность китайского очага первых цивилизаций и практическое отсутствие реальных свидетельств взаимодействия с ближневосточным макрорегионом подчеркивает самобытность иньского общества. Тем более его следование некоторым общим историческим закономерностям отражает их преломление в китайской специфике. Еще в большей мере это относится к первым цивилизациям Нового Света. Попытки усмотреть некие взаимодействия с высокоразвитыми структурами Старого Света, будь то Египет или Рим, последний раз активно прокламируемые отважным Туром Хейердалом, едва ли носят серьезный научный характер. Более ощутимы некоторые общие черты в материальной культуре Мезоамерики и Китая — в орнаментированной глиняной посуде или в стилистических решениях памятников искусства. Но это вряд ли может быть выведено за рамки конвергентной эволюции. Развитие первых цивилизаций в Старом и Новом Свете дает уникальную возможность сравнительного анализа независимых параметров с целью выявления некоторых общих тенденций и даже закономерностей.

В Новом Свете достаточно отчетливо выступают два очага первых цивилизаций — мезоамериканский и перуанский. С определенной степенью их развития столкнулись европейцы, сокрушая государства ацтеков в Мексике и инков в Перу. Но это был лишь определенный этап местного культурогенеза, внешне эффектный и богатый, но далеко не наиболее содержательный в интеллектуальном плане.

И перуанский, и мезоамериканский пути к первым цивилизациям достаточно показательны по сочетанию общих тенденций и локального своеобразия. Как показывают новые полевые исследования и интерпретационные разработки, удачно обобщенные в работах В. А. Башилова (Башилов, 1990; 1998), можно говорить о двух моделях становления производящей экономики в Перу. Обе строго территориально локализованы и привязаны к экологическим нишам с оптимальной эксплуатацией пищевых ресурсов. Это породило различные формы адаптации в рамках общей линии культуругенеза. Одна зона — горная, или «сьерра». Это система горных хребтов, а в более пониженной части — речных долин и горных котловин. Здесь в пещерах, в слоях VIII–VI тыс. до н. э., открыты остатки стойбищ охотников и собирателей, которые к концу этого периода начали использовать и кукурузу. Мясную пищу доставляла охота на оленей и камелидов (лам). В IV тыс. до н. э. уже можно говорить о domesticiрованной кукурузе примитивного типа, о возделывании различного рода тыкв, фасоли, тропических фруктов. В III — начале II тыс. до н. э. наряду с сезонными стойбищами, располагавшимися в пещерах, появляются и постоянные земледельческие поселки. Природные особенности вели к специализации хозяйства в рамках вертикальной зональности. Возможно, уже шла domestикация камелидов. Наличие прибавочного продукта и бесспорное создание системы организованного труда позволило сооружать культовые центры в виде ступенчатых пирамид, облицованных камнем, со святилищами на вершине.

Диаметрально противоположной была экология побережья, и производство здесь шло другими путями, хотя культурные достижения в конечном итоге оказались достаточно сходными. Побережье представляет собой узкую полосу между океанским берегом и отрогами Анд. Это засушливый район, в значительной мере представляющий собой каменистую пустыню, перемежаемую оазисами вдоль небольших речек. Главное богатство здесь на первых порах представлял сам океан, где

огромная концентрация планктона способствовала процветанию морской фауны. Существовали здесь и колонии тюленей и морских львов. На побережье в VII–V тыс. до н. э. идет активное развитие охоты, собирательства и использование «даров моря». Отработанная система хозяйственной и культурной адаптации привела в IV тыс. до н. э. к возможности возникновения достаточно крупных поселений с четкими признаками стабильности и благоустройства (поселение Палома). В животной нише преобладали морские компоненты. Постепенно развивается собирательство, в рамках которого формируются и начатки земледелия. Интересно, что первоначально это в значительной мере вызывалось техническими потребностями — изготовлением сетей и поплавков к ним. Для этих целей использовали хлопок и тыкву. Некоторые более значительные постройки, видимо, носили культовый характер, символизируя идеологическое единство общины и ее коллективистские возможности. Расцвет этой комплексной экономики приходится на время существования комплексов типа Уака Приета (табл. XXII). Возделывание бобов и некоторых тропических фруктов дополняло рацион, но не меняло общей ориентации на дары моря. Возможно, начинается и возделывание кукурузы, основного зернового продукта, на котором держались цивилизации Нового Света подобно тому, как ближневосточные общества обеспечивались в первую очередь пшеницей и ячменем. Общее развитие и благоустройство были на высоком уровне, аналогичном развитым раннеземледельческим поселениям (Башилов, 1998). В свое время предлагалось говорить об особой перуанской модели «неолитической революции» (Массон, 1971). Американские исследователи считали даже возможным писать о становлении андской цивилизации на основе приморского, а не земледельческого пути развития (Moseley, 1975). Поселения со стабильным образом жизни были достаточно крупными по размерам, так же, как и платформы, на которых возводились культовые постройки. Все больше входило в быт прикладное искусство. Хотя глиняной посуды, этого излюбленного археологами вида артефактов, еще

не было в массовом употреблении, сосуды из тыквы украшаются резными геометрическими узорами, изображениями змей, кондоров, крабов и людей. Но около 1800 г. до н. э. начинается массовое производство глиняной посуды, и ничто уже не нарушает привычный облик раннеземледельческих комплексов, развивающихся по пути к цивилизации.

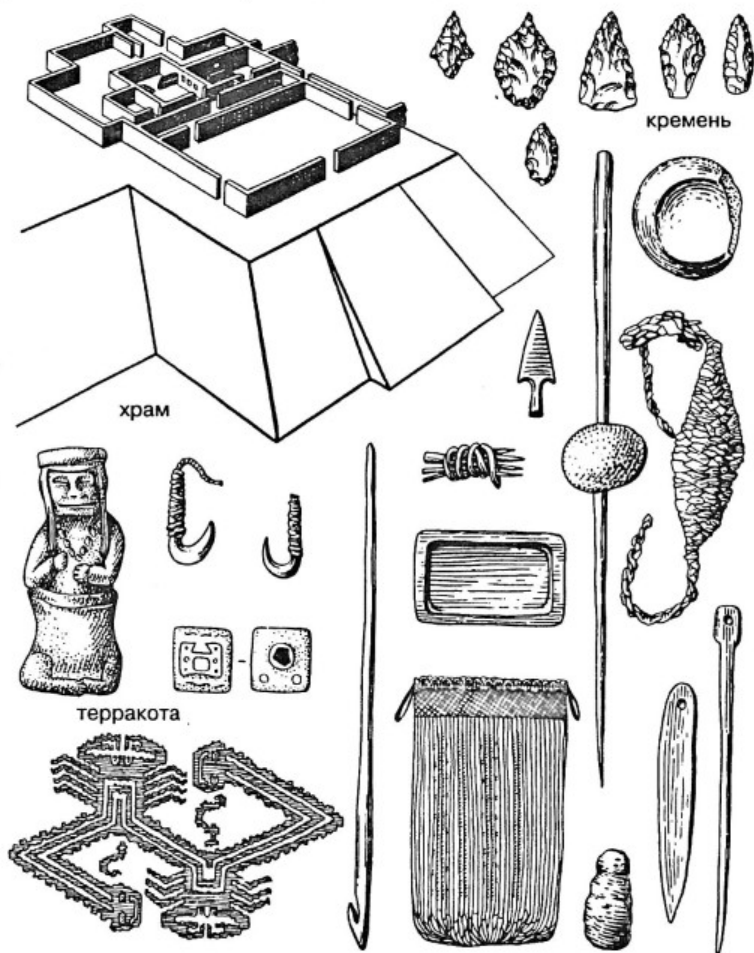

Таблица XXII. Культура Уака Приета.

Поселения теперь располагаются и в стороне от морского побережья, будучи, видимо, ориентированными на искусственное орошение полей. Культурные и экономические успехи и организационные возможности древнеперуанских общин иллюстрирует развитие монументальной архитектуры. Таков комплекс Серро-Сечин, имеющий в плане форму квадрата со стороной, равной 52 м. Высота наиболее хорошо сохранившейся части достигает 10 м. Самое интересное — это облицовка каменными плитами, на которых изображены различные персонажи, в том числе в батальных сценах. Так, мы видим воинов, пленников, отрубленные головы. Судя по этому, в древних общинах отнюдь не царил идиллический мир. Правда, по поводу датировки этого памятника указанным временем высказывались определенные сомнения. Но такого скептицизма нет в отношении огромного комплекса Галага с большими раскрашенными рельефами. Его основные постройки восходят в XVIII–XVI вв. до н. э. Монументальные комплексы, возведенные из камня, имеются и на плоскогорье. Ситуация, безусловно, стимулировала институализацию статуса лидеров, организаторов производства и военных предводителей.

Соответствующие архитектурные и идеологические архетипы играли огромную роль в жизни древнеперуанского общества. Причем сами монументы зачастую воздвигались в отдаленных, труднодоступных районах. Таков комплекс Чавин де Уантар, расположенный в небольшой горной долине на высоте 3000 м над уровнем моря. Центральную его часть образовывала пирамида, тщательно облицованная каменными плитами, перемежающимися с каменными же головами людей и рельефами, изображающими змей и ягуаров. На вершину пирамиды вела лестница, также облицованная рельефами. Здесь находились небольшие строения, видимо, святилища или простые храмы. В длину комплекс достигает почти 250 м, а в высоту он сохранился местами до 15 м. Эта крупная стройка была, безусловно, результатом организованного труда в рамках одной из форм раннего комплексного общества. Был сделан важный шаг

и в эстетическо-идеологическом плане. Духовная элита выработала определенный набор персонажей в декоративном убранстве и придала им соответствующий стиль, отразившийся впоследствии на многих памятниках. Речь, как правило, идет о сильном чавиноидном влиянии, чуть не достигавшем олмекской цивилизации Мезоамерики.

В течение I тыс. до н. э. на перуанском побережье идет активный процесс развития раннеземледельческих обществ, превращающихся во все более сложные социально-культурные организмы. Развиваются специализированные ремесла, больших успехов достигает художественная культура, формируются крупные центры протоурбанистического характера. На расписных сосудах нередко изображаются жрецы, рядом с которыми на алтаре лежат отрубленные головы.

В результате интенсивного развития всех сторон жизнедеятельности общества в первых веках до нашей эры на севере побережья складывается мощная культура, которая распространяет свое влияние далеко на юг и которую можно рассматривать как первую цивилизацию Южной Америки. Это культура мочика, наиболее полная сводка о которой в отечественной литературе принадлежит Ю. Е. Березкину (Березкин, 1983). Примечательны бесспорные свидетельства масштабного ирригационного земледелия, получившего распространение в это время. Оно было основано на возделывании широкого спектра продовольственных и технических культур. Была создана сложная система каналов, максимально использующая водные ресурсы речных долин. Длина каналов порой достигала 20–30 км. В отдельных случаях переброска воды осуществлялась по акведукам, построенным из сырцового кирпича. Широчайшее развитие получила металлургия. Ее масштабы устанавливаются по отходам производства, находкам тиглей и слитков металла, по изображениям производственных процессов в памятниках искусства. Главным металлом была медь, но использовались также золото (часто в сплаве с медью), серебро и свинец.

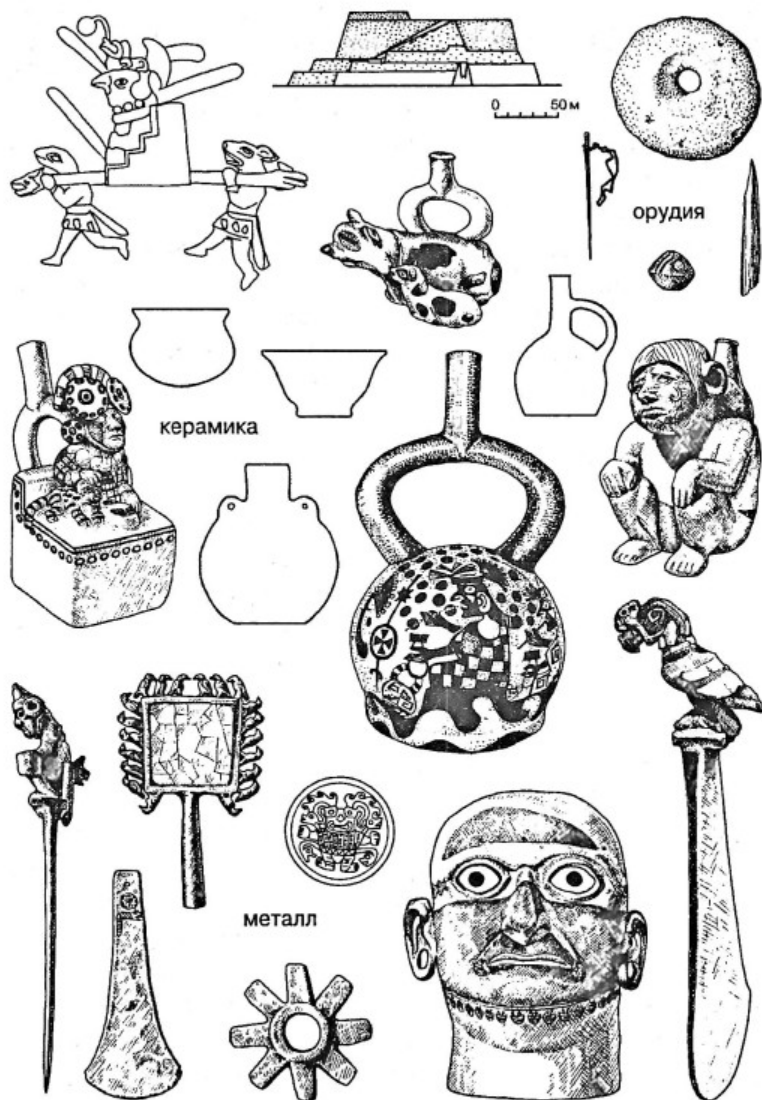

Таблица XXIII. Цивилизация мочика.

Основными центрами цивилизации мочика были крупные поселения с монументальными архитектурными комплексами. Видимо, эти центры можно рассматривать как поселения городского типа, выполняющие специфические функции. Древний центр мочика, вероятная столица всей цивилизации, располагался в низовьях р. Моче и раскинулся на площади около 60 га. Здесь находятся две крупные ступенчатые пирамиды — Уака-дель-Соль, высотой около 40 м, имеющая основание площадью 159×34 м, и Уака-дель-Луна, высотой около 20 м и с основанием 85×85 м. Видимо, в комплексе с этими сооружениями или прямо на них находились и богатые гробницы, в основном уже опустошенные любителями сокровищ. В числе инвентаря здесь были золотые и серебряные изделия (табл. XXIII).

Рис. 7. Сосуд в виде головы правителя. Цивилизация мочика.

Среди разнообразных сюжетов в росписи на сосудах, правда, в персонажах, перевоплощенных в мир животных, многочисленны сцены военных столкновений. Важное место занимает персонаж Сова-воина, как бы персонифицирующий статус военного лидера (рис. 7). Анализ иконографии показывает, что в обществе существовала сложная социальная

Среди разнообразных сюжетов в росписи на сосудах, правда, в персонажах, перевоплощенных в мир животных, многочисленны сцены военных столкновений. Важное место занимает персонаж Сова-воина, как бы персонифицирующий статус военного лидера (рис. 7). Анализ иконографии показывает, что в обществе существовала сложная социальная

иерархия, и представители элиты передвигались, как в Древнем Риме, на носилках, покоящихся на плечах слуг.

Новые археологические открытия показывают, что процесс утверждения общественного неравенства через погребальную обрядность шел повсеместно в пору формирования южноамериканской цивилизации. В элитные гробницы, как правило, помещались изделия из драгоценных металлов и человеческие жертвоприношения, хотя и не достигающие масштабы урских или аньяньских усыпальниц (Березкин, 1995). Пока нет свидетельств установления в пору мочика какого-то политического единства. Вероятно, по отдельным долинам правили династы различной степени могущества, входящие в общий культурный поток этой цивилизации. Возможно, внутренняя слабость была одной из причин постепенного угасания мочика. Но урбанистические традиции этой цивилизации отнюдь не прерываются, хотя и выступают в разном территориальном и культурном воплощении. В конечном итоге эти высокие древние культурные традиции плодотворно сказались на всем облике культуры инкской державы.

Похожую картину экономического и культурного прогресса — от охотников, укрывающихся в горных пещерах, до жрецов величественных храмов — мы наблюдаем и в Мезоамерике. Истоки земледельческой экономики здесь восходят, как и в Перу, к горным областям региона. Генеральное направление становления земледелия происходило на основе экономики собирательства с охотничьим укладом. Кое-где в прибрежных районах морское рыболовство обеспечивало определенную стабильность, но дары моря не обладали здесь таким фантастическим богатством, как на перуанском побережье.

Комплексные исследования в мексиканской долине Теуакан позволили в общих чертах проследить на протяжении нескольких тысячелетий хозяйственную и культурную эволюцию местных локальных групп, то скрывавшихся от непогоды в пещерах, то (при благоприятном климате) располагавшихся в лагерях на открытых пространствах. Уже в XI–VII тыс. до н. э.

отмечается некоторое пробуксовывание такого ранее столь надежного источника пропитания, как охота: около половины продуктов доставляло собирательство. Крупная фауна была сильно истреблена за предшествующее время, и главную добычу составляли мелкие животные: кролики, суслики, черепахи, птицы и крысы. Исследователи даже предложили обитателей долины именовать не охотниками, а «собирателями растений и животных». Постепенно собирательство приобретает все большее значение, и в сферу внимания древних людей попадают все новые представители местной флоры. Употребление их в пищу привело к появлению такого кухонного орудия, как зерно-терка. Возможно, съедобная тыква очень рано становится культивируемым растением. В 5200–3400 гг. до н. э., на стадии Коксатлан, начинается эпоха земледелия. Помимо тыквы, возделываются авокадо, перец, амарант, бобы и, что особенно важно, кукуруза. Наиболее ранние початки этого растения, обнаруженные в теуаканской свите, мелкие и грубые, почти не отличаются от диких видов. Новую пищу нужно было готовить и потреблять — появляются каменные сосуды. Видимо, с развитием земледелия усиливается фактор оседлости. На стадии Абехас (3400–2300 гг. до н. э.) кукуруза становится основным возделываемым растением, начинается процесс селекции, появляются гибридные виды. Правда, еще до 70% продуктов питания доставляло собирательство. Вскоре входит в употребление глиняная посуда. Локальные группы бродячих охотников и собирателей полностью трансформируются в оседлые земледельческие общины. На открытых пространствах возводятся жилища с деревянным каркасом и глиняной обмазкой. Число жителей в таких поселках к началу I тыс. до н. э. достигает от 100 до 300 человек. Новый образ жизни, естественно, вел за собой раннеземледельческую триаду, хорошо известную археологам: помимо надежных жилищ и глиняной посуды, появляются женские фигурки, сделанные опять же из глины.

В других районах Мезоамерики те же процессы упрочения оседлости и становления раннеземледельческих культур

начались в еще более ранние времена. Глиняная посуда с нацарапанными рисунками появляется в отдельных местах уже во II тыс. до н. э. Ясно, что по крайней мере во II тыс. до н. э. в Мезоамерике на основе различных культурных комплексов происходит уверенное развитие новой экономики и нового образа жизни, выразительным индикатором которого становится глиняная посуда. Происходит рост населения, успехи первобытных селекционеров прочно выводят кукурузу как основной источник питания на первое место. Появляются постройки солидного вида, предтечи монументальной архитектуры. Все больше различных предметов помещается в могилы усопших сородичей. Выделяются и зоны наиболее активного развития. Особенно интенсивно этот процесс идет в плодородных долинах Оахаки. Во второй половине II тыс. до н. э. земледельческие поселения располагаются вдоль водных протоков предгорий в условиях, где можно было вывести воду для орошения полей. На стадии Сан-Хосе (1150–850 гг. до н. э.) среди поселков выделяются крупные центры. Самый значительный из них — Сан-Хосе Моготе — достигает площади в 40 га. Как известно, концентрация населения была одной из предпосылок урбанизации. И структурно это поселение также представляет собой довольно сложный организм. Здесь выделяются резиденции знати, дома рядовой застройки, центры различных производств, в частности украшений из раковин и магнетита. В целом ряде вещей, например в статуэтках, проявляется воздействие культурного комплекса, ставшего эталонным для эпохи формирования цивилизации в мезоамериканском регионе. Он получил условное наименование ольмекского — по имени одного из древних племен. Название оказалось удачным и прочно утвердилось в литературе.

Основной территорией ольмекской культуры были болотистые низины тихоокеанского побережья. Комплекс оседлости развивался в условиях сбалансированной экономики, опирающейся на земледелие и на дары моря. Как и в других областях Мезоамерики, глиняная посуда здесь широко распространяет-

Таблица XXIV. Цивилизация ольмеков.

ся с середины II тыс. до н. э. К концу II тыс. до н. э. появляется превосходная скульптура, один из характерных показателей ольмекской цивилизации (табл. XXIV).

Общины, добившиеся значительных успехов в земледельческом труде, требовавшем бесспорной четкой организации, уделяли особое внимание культовому утверждению такого единства. Сравнительно хорошо изучены два культовых центра ольмекской культуры — Ла Вента и Трес-Сапотес. В Трес-Сапотес на сравнительно большой территории разбросано значительное число пирамид. Вокруг них встречаются каменные стелы и гигантские головы из камня. Расцвет ольмекской культуры связывают с Ла Вентой и датируют 900–400 гг. до н. э. Здесь располагался сложный архитектурный комплекс с явными признаками монументальности. Здесь имеются и ступенчатая пирамида, и двухметровые базальтовые колонны, и три массивные вымостки, каждая из 485 блоков зеленого серпантина. Довольно много замурованных кладов, состоящих из ценных художественных произведений. Так, в один из кладов в числе прочих предметов входили 225 каменных масок ягуаров, выполненных в $\frac{1}{2}$ натуральной величины. Массивные каменные алтари, украшенные художественными рельефами, некоторыми исследователями рассматриваются как троны. Есть здесь и гигантские каменные головы весом до 20 тонн. Базальтовые блоки для изготовления голов доставлялись за 100 и более километров. Расчеты показывают, что только усилия по транспортировке блоков для гигантских голов и изготовлению самих скульптур требовали труда по меньшей мере 1000 человек. Во всяком случае, по многим показателям ольмекское общество явно представляет собой формирующуюся цивилизацию, и неудивительно, что выработанные здесь культурные стандарты послужили прообразом для последующих образований, в том числе и цивилизации майя.

Собственно иероглифическая письменность известна у майя, где наиболее ранний памятник датируется 34 г. до н. э. и найден на традиционном ольмекском центре — Трес-Сапотес.

Предполагают, что устойчивая система символов, как предшественник иероглифической иконографии, сформировалась еще в недрах ольмекского общества. Если исходить из наличия храмовых комплексов, можно говорить о существовании в ольмекском обществе своего рода теократии с лидерством жреческой верхушки. В последующих мезоамериканских цивилизациях, прежде всего у майя, мы уже видим и светских лидеров (рис. 8), и многочисленные батальные сцены, которые указывают на один из путей институализации власти.

Рис. 8. Голова правителя.
Цивилизация майя.

При бесспорной типологической близости путей развития первых цивилизаций Старого и Нового Света и отдельных их формопроявлений, включая монументальные ступенчатые пирамиды, не может не обращать на себя внимание поздняя датировка последних по сравнению с первыми цивилизациями евразийской зоны. Не следует при этом забывать, что первые локальные группы древних охотников, проникшие в Америку по знаменитому Берингову мосту, потратили почти 20 тыс. лет на освоение новых необжитых пространств и утверждение эксплуатации их природных ресурсов традиционными хозяйственными методами. Когда стали нарастать кризисные симптомы в традиционной экономике, в том числе не без помощи самого человека, начались поиски новых путей. Но это было уже позднее, скажем, докерамического Иерихона или блистательной культуры Чатал-Хююка. Запоздававшая точка раннеземледельческого отсчета могла

повлиять на темпы всего исторического процесса. Впрочем, могли быть и иные причины «запаздывания» развития первых цивилизаций Нового Света, но ясно, что их общие со Старым Светом черты явственно отражают некие общие закономерности, свойственные развитию человечества.

Заключение
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ.
ЗОНЫ ИЗОЛЯЦИИ.
БЛУЖДАЮЩИЕ ЦЕНТРЫ ПРОГРЕССА

. Даже краткий обзор основных очагов первых цивилизаций Старого и Нового Света показывает сочетание и общих тенденций, и признаков многообразия конкретных формопроявлений. Ни тот, ни другой аспект нет оснований преувеличивать. При всем уважительном отношении к индивидуальности культурного и интеллектуального развития каждого очага нельзя не видеть и некоторых общих закономерностей, которые в общественной жизни действуют не как жесткие законы физики, а как некоторые тенденции. Совершенно ясно, что на нелегком пути прогресса именно раннеземледельческие общества дали ту основу, на которой формировались первые цивилизации. Высокоразвитые экономические структуры, ориентированные исключительно на дары моря, позволяли порой достигать значительных результатов в сфере культурогенеза и социогенеза. Например, неолитические комплексы японского Дзёмона дают богатый набор артефактов бытовой и художественной культуры, включая пышно орнаментированную керамику и мелкую пластику, которые немногим уступают раннеземледельческим обществам. Сходные успехи с оптимальной эксплуатацией даров моря были достигнуты в прибрежном Перу в пору Уака-Приета. Однако дальнейшее движение на пути к сложным социокультурным системам, каковыми являются и цивилизации, зависело от комплексного использования этого развития. Традиции высокопродуктивного внеземледельческого хозяйства должны были быть усилены достижениями различных секторов производящей экономики. В Перу это были широкое использование маиса и развитие поливного земледелия. В Японии —

продвижение с материка комплексов типа Лей с развитым скотоводством, всадничеством и блоком военных разработок.

При доминанте в зонах высокоразвитых раннеземледельческих культур и первых цивилизаций спонтанной культурной трансформации, нельзя не отметить и некоторого пространственного смещения основных очагов цивилизации. В Месопотамии некогда процветающий Шумер уступил первенство Вавилонии, возможно в связи с экологическими трудностями, к которым привела на юге безудержная ирригация. Благоустроенный и процветающий Крит своими наработками как бы открыл дорогу к цивилизации полным жизненной энергии ахейским племенам. Но основные центры развития явственно передвигаются с острова на материк, и даже в классические времена Крит во многом живет лишь героико-эпической славой Миноса и Минотавра. Кардинально поменялся основной очаг развития цивилизации и государства в Индостане после упадка Хараппы. Из долины Инда он прочно переместился на средний Ганг, где развернули бурную деятельность ведийские княжества. Это было как раз одним из проявлений сложного и многопланового характера развития исторического процесса.

Весьма существенным является аспект взаимодействия древних очагов высокоразвитых культур и первых цивилизаций. В 1958 г. индийский ученый Б. Субборао, принадлежавший к талантливому поколению ученых новой волны Индии после независимости, достаточно подробно разработал концепцию о зонах абсолютной и относительной изоляции, которые влияли на развитие племен и народов, обитавших в этих зонах (Subboraо, 1958). Автор имел в виду в первую очередь физико-географические факторы, примеры чему многочисленны и широко известны. Могли быть факторы и политической изоляции, косности правящих режимов, упорно сопротивляющихся инновациям наступающей эпохи. Это хорошо известно по истории Японии XIX века и частично Китая.

Альтернативой таким застойным явлениям служат активные культурные и иные связи и взаимодействия, прогрессивно

влияющие на весь ход исторического процесса. Именно в результате творческих контактов в зонах подобных взаимодействий успехи были особенно зримы и ощутимы. Для первых цивилизаций исходное значение, безусловно, имели торговые связи, роль которых резко возросла с прогрессом металлургии, внедрением бронзы и вычлениением блока общей культуры, своего рода престижной субкультуры — от архитектуры до украшений и одежды. Уже в пору первых цивилизаций такое взаимодействие было весьма активным, не говоря уже о процессе культурной интеграции. Этот процесс блестяще представлен Римской империей. Одним из инструментов такой интеграции был Великий Шелковый путь как трансматериковая магистраль, по которой шел активный процесс экономического, культурного и интеллектуального взаимодействия. Как бы обособленно на этом фоне ни выглядели раннеземледельческие общества Китая и иньская цивилизация Китая, абсолютной изоляции не было и здесь. В расписной керамике яншаоского круга есть геометрические мотивы, в частности мальтийский крест, не типичные для Китая и, наоборот, характерные для раннеземледельческих обществ Средней Азии. Эта тематика, правда, слабо разработана. Ясно, что основные потребительские и культурные связи иньского общества уходят на юг, в долину Янцзы, и далее, в юго-восточную Азию, откуда ко двору ванов доставляли экзотических слонов. Но налицо и западные связи с миром степей Евразии, которые, скорее всего, были двусторонними. Совершенно ясно, что именно оттуда было получено такое транспортное новшество, как легкая колесница, а, возможно, и сами упряжные лошади. Взаимодействие древних культур и цивилизаций, творческий обмен материальными и духовными ценностями всегда был магистральной линией человеческого прогресса.

Характерной чертой исторического процесса является неравномерность развития отдельных областей и регионов. Существовавшая во все времена, эта неравномерность становится особенно контрастной и зримой по мере формирования высоко-

развитых общественных структур. Это проявилось сразу же по мере развития раннеземледельческих обществ, ближайшими соседями которых стали племена, сохранившие традиционные формы хозяйства и культуры. В процессе формирования первых цивилизаций эта контрастность усиливается. Существуют три основные историко-культурные зоны — первых цивилизаций, раннеземледельческих обществ, еще не достигших следующего рубежа исторического прогресса, и обширные зоны охотников, собирателей и рыболовов, продолжающих эти традиционные промыслы без значимых культурных перепадов.

Но сами эти большие макрзоны далеко не однородны. В их среде выделяются разноуровневые образования, и среди собственно цивилизаций выделяются центры выдающегося развития, что позволяет говорить об особом типе великих цивилизаций. К их числу относятся Шумер, Месопотамия и Китай. По ряду показателей к ним примыкает и хараппская цивилизация Индостана, но ритмы культурогенеза не сохранили в данном случае сбалансированного развития.

Первые великие цивилизации прежде всего выделяются масштабами охваченных регионов. Генеральной тенденцией является утверждение наряду с культурным единством единства и политического, будь то объединение номов или городов-государств. Выдающиеся культурные и интеллектуальные достижения: монументальная архитектура, письменность, прикладное искусство, — формируются в среде великих цивилизаций совершенно самостоятельно и с позиций культурогенеза носят инновационный и мутационный характер. Так же как многие другие культурные явления, культурные комплексы великих цивилизаций носят эталонный характер, и им стремятся следовать соседи, будь то «малые» цивилизации или развитые раннеземледельческие общества. Характерной особенностью великих цивилизаций является их стремление к экспансии, сначала культурной и торговой, а затем и политической. Это способствует интенсификации международных связей, как по морю, что ярко представлено Хараппой и Египтом, безусловно став-

шим притягательным центром греческого мореплавания, так и сухопутных, что ярко видно по месопотамской экспансии в пору позднего Убейда, а затем и Урука. Непреходящее значение центров великих цивилизаций сохраняется на многие тысячелетия, вплоть до пульсирующих культурных ритмов пространственного варианта.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андреев, 1989 — *Андреев Ю. В.* Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. — Л., 1989.

Башилов, 1990 — *Башилов В. А.* Первичный центр производящей экономики в древнем Перу // Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки. — М., 1990.

Башилов, 1998 — *Башилов В. А.* «Неолитическая революция» в Центральных Андах / Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1998.

Берёзкин, 1983 — *Берёзкин Ю. Е.* Мочика: цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I–VII вв. Л., 1983.

Берёзкин, 1995 — *Берёзкин Ю. Е.* Золото перуанских вождей // Археологические вести. № 4. — СПб., 1995.

Бочкарев 1992 —

Вайман, 1972 — *Вайман А. А.* О связи протоэламской письменности с протошумерской // Вестник древней истории. № 3. 1972.

Вайман, 1974 — *Вайман А. А.* Обозначение рабов и рабынь в протошумерской письменности // Вестник древней истории. № 2. 1974.

Вайман, 1994 — *Вайман А. А.* О квазишумерских табличках Тэртэрии // Археологические вести. № 3. — СПб., 1994.

Древние цивилизации, 1989 — Древние цивилизации. — М., 1989.

Дьяконов 1973 — *Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. // Древний Восток: (Города и торговля). — Ереван, 1973.

История Древнего Востока, 1983 — История Древнего Востока. Т. 1. — М., 1983.

История древнего мира, 1983 — История древнего мира. Кн. I. Ранняя древность; Кн. II. Расцвет древних обществ; Кн. III. Упадок древних обществ. — М., 1983.

История Востока, 1997 — История Востока. Т. 1. Восток в древности. — М., 1997.

Кинк, 1967 — *Кинк Х. А.* Как строились египетские пирамиды. — М., 1967.

Кляшторный, Султанов, 2000 — *Кляшторный С. Г., Султанов Г. И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. — СПб., 2000.

Кочевые общества..., 1992 — Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). — Владивосток, 1992.

Крадин, 2002 — *Крадин Н. Н.* Империя хунну. — М., 2002.

Крамер, 1965 — *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. — М., 1965.

Кычанов, 1997 — *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. — СПб., 1997.

Массон, 1964 — *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. — М.; Л. 1964.

Массон, 1970 — *Массон В. М.* Проблема неолитической революции в свете новых данных археологии // Вопросы истории. № 6. 1970.

Массон, 1971а — *Массон В. М.* Первые земледельцы Месопотамии: (К проблеме происхождения) // Вестник древней истории. № 3. 1971.

Массон 1971б — *Массон В. М.* Поселение Джейтун: (Проблема становления производящей экономики) / МИА. № 180. — Л., 1971.

Массон, 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе / Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. XVIII. — Л., 1981.

Массон, 1989 — *Массон В. М.* Первые цивилизации. — Л., 1989.

Массон, 1998 — *Массон В. М.* Ритмы культурогенеза — концепция ранних комплексных обществ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 3. 1998.

Массон, 2004а — *Массон В. М.* Зона степей Евразии — периферия древних цивилизаций или самостоятельный центр исторического развития // Диалог цивилизаций. № 1. — Бишкек, 2004.

Массон, 2004б — *Массон В. М.* Перспективы методологических разработок в исторической науке (формации, цивилизации, культурное наследие). — СПб., 2004.

Мелларт, 1982 — *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. — М., 1982.

Морган, 1934 — *Морган Л.* Древнее общество. — Л., 1934.

Мунчаев, Мерперт, 1982 — *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. — М., 1982.

Пиотровский, 1967 — *Пиотровский Б. Б.* Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства // Вопросы возникновения раннеклассового общества. — М., 1967.

Поляков, 1995 — *Поляков Ю. А.* Наше непредсказуемое прошлое. — М., 1995.

Савинов, 2002 — *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. — СПб., 2002.

Чайлд, 1956 — *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. — Л., 1956.

Энгельс, 1961 — *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 21. — М., 1961.

Adams, Nissen, 1972 — *Adams R. McC., Nissen H. J.* The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies. — Chicago, 1972.

Amiet, 1986 — *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. — Paris, 1986.

Braidwood, 1967 — *Braidwood R.* Prehistoric Men. — Illinois, 1967.

Le Breton 1957 — *Le Breton L.* The Early Periods at Susa. Mesopotamian Relations // Iraq. Vol. XIX. Part 2. 1957.

Cauvin, 1994 — *Cauvin J.* Naissances des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symbols au Néolithique. — Paris, 1994. Рец.: В. М. Массон // Археологические вести. № 4. — СПб., 1995.

Childe, 1939 — *Childe G.* Man Makes Himself. — London, 1939.

Childe, 1950 — *Childe G.* Urban Revolution // Town Planning Revue. Vol. 21. № 2. 1950.

Fairservis, 1975 — *Fairservis W. A.* The Roots of Ancient India. — Chicago, 1975.

Flannery, 1972 — *Flannery K.* Cultural Evolution of Civilization // Annual Review of Systematic. № 3. 1972.

Kantor, 1971 — *Kantor H.* Further Evidence for Early Mesopotamian Relations with Egypt // Journal of Near Eastern Studies. Vol. XI. 1971.

Lal, 1997 — *Lal B. B.* Early Civilization of South Asia. — New Delhi, 1997.

Lamberg-Karlovsky, 1996 — *Lamberg-Karlovsky C. C. A.* Beyond the Tigris and Euphrates. Bronze Age Civilizations. — Jerusalem, 1996.

Masson, 1988 — *Masson V. M.* The Proto-Bactrian Group of Civilizations in the Ancient East // Antiquity. Vol. 62. No. 236. 1988.

Moseley, 1975 — *Moseley M. E.* The Maritime Foundations of Indians Civilization. — Menlo Park, 1975.

The Neolithic Village ..., 1963 — The Neolithic Village at Pan P'o, Sian. — Peking, 1963.

Palmer, 1961 — *Palmer L. R.* Myceneans and Minoans. Aegean Prehistory in the Light of Linear B Tablets. — London, 1961.

Pulleybank, 1966 — *Pulleybank E. G.* Chinese and Indo-Europeans // Journal of Royal Asiatic Society. Part 1–2. 1966.

Renfrew, 1972 — *Renfrew C.* The Emergence of Civilization. The Cyclades and Aegean in the 3^d Millennium B. C. — London, 1972. Рец.: В. М. Массон // Вопросы истории. № 7. 1974.

Subbarao, 1958 — *Subbarao B.* The Personality of India. — Baroda, 1958.

Tosi, 1983 — *Tosi M.* (ed.). Prehistoric Sistan. — Rome, 1983.

Вадим Михайлович Массон

Первые цивилизации и всемирная история

Кишинёв: «Высшая Антропологическая Школа». 2005. –
159 стр.

Высшая Антропологическая Школа

MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинёв, ул. Зимбрулуй 10а.
Подписано к печати 20.12.2005. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсет №1.

Печать офсетная.

Гарнитура «таймс». Тираж 500 экз. Заказ ____.

Отпечатано в типографии «Business-Elita»:

MD-2068, г. Кишинёв, ул. Болгарская, 24

